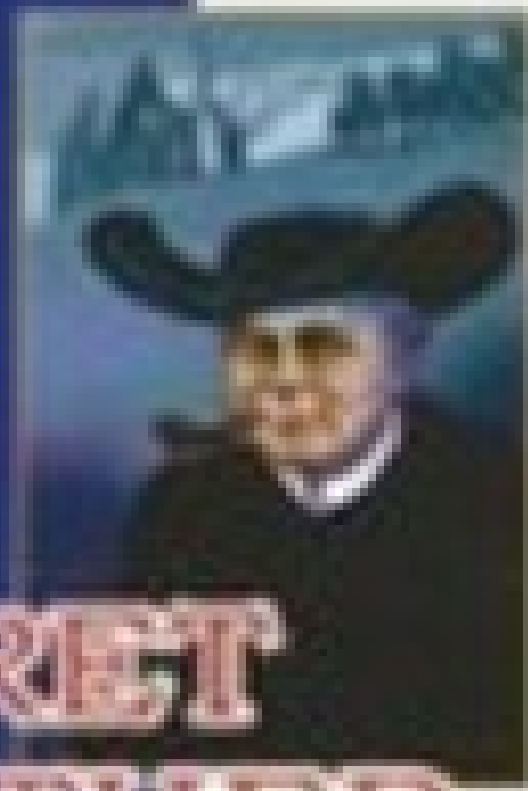
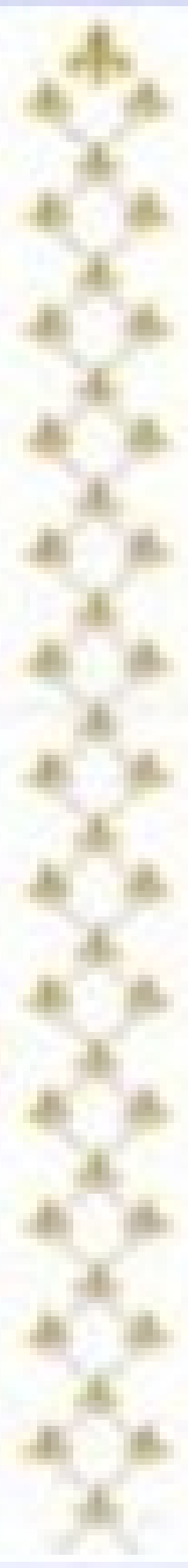

Gilbert Keith
Christensen

The
SECRET
of
FATHER
BROWN

THE UNIVERSITY OF THE SOUTH PACIFIC
LIBRARY

Annotation

Вскоре отец Браун очутился в центре семейства, которое было так велико, что казалось целым племенем. Его познакомили с деревянными позолоченными волхвами, которых дарят детям на рождество; познакомили с собакой, кошкой и обитателями скотного двора; познакомили с соседом, который, как и сам Браун, отличался от здешних жителей и манерами и одеждой. ...

- [Честертон Гилберт Кийт](#)

◦

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Честертон Гилберт Кийт

Тайна отца Брауна (рассказы)

Гилберт Кийт Честертон

Тайна отца Брауна

Содержание

Тайна отца Брауна. Перевод В.Стенича

Зеркало судьбы. Перевод В.Хинкиса

Человек о двух бородах. Перевод Е. Фрадкиной, под редакцией Н.Трауберг

Песня летучей рыбы. Перевод Р.Цапенко

Алиби актрисы. Перевод В.Стенича

Исчезновение мистера Водри. Перевод Р.Цапенко

Худшее преступление в мире. Перевод Т. Чепайтиса

Алая луна Меру. Перевод Н.Трауберг

Последний плакальщик. Перевод Н.Трауберг

Тайна Фламбо. Перевод В.Стенича

ТАЙНА ОТЦА БРАУНА

Фламбо - один из самых знаменитых преступников Франции, а впоследствии частный сыщик в Англии, давно уже бросил обе эти профессии. Говорили, что преступное прошлое не позволяло ему стать строгим к преступнику. Так или иначе, покинув стезю романтических побегов и сногшибательных приключений, он поселился, как ему и подобало, в Испании, в собственном замке. Замок, однако, был весьма основателен, хотя и невелик, а на буром холме чернел квадрат виноградника и зеленели полосы грядок. Несмотря на свои бурные похождения, Фламбо обладал свойством, присущим многим латинянам и незнакомым, например, американцам: он умел уйти от суеты. Так владелец крупного отеля мечтает завести на старости маленькую ферму, а лавочник из французского местечка останавливается в тот самый миг, когда мог бы стать мерзавцем-миллионером и скупить все лавки до единой, и проводит остаток дней дома за домино. Случайно и почти внезапно Фламбо влюбился в испанку, женился на ней, приобрел поместье и зажил семейною жизнью, не обнаруживая ни малейшего желания вновь пуститься в

странствия. Но в одно прекрасное утро семья его заметила, что он сильно возбужден и встревожен. Он вышел погулять с мальчиками, но вскоре обогнал их и бросился вниз с холма навстречу какому-то человеку, пересекавшему долину, хотя человек этот казался не больше черной точки.

Точка постепенно увеличивалась, почти не меняя очертаний, - попросту говоря, она оставалась все такой же черной и круглой. Черная сутана не была тут в диковинку, но сутана приезжего выглядела как-то особенно буднично и в то же время приветливо по сравнению с одеждами местного духовенства, изобличая в новоприбывшем жителя британских островов. В руках он держал короткий пухлый зонтик с тяжелым круглым набалдашником, при виде которого Фламбо чуть не расплакался от умиления, ибо этот зонтик фигурировал во многих их совместных приключениях былых времен. Священник был английским другом Фламбо, отцом Брауном, который давно собирался приехать - и все никак не мог. Они постоянно переписывались, но не видались несколько лет.

Вскоре отец Браун очутился в центре семейства, которое было так велико, что казалось целым племенем. Его познакомили с деревянными позолоченными волхвами, которых дарят детям на рождество; познакомили с собакой, кошкой и обитателями скотного двора; познакомили с соседом, который, как и сам Браун, отличался от здешних жителей и манерами и одеждой.

На третий день пребывания гостя в маленьком замке туда явился посетитель и принялся отвешивать испанскому семейству поклоны, которым позавидовал бы испанский гранд. То был высокий, седовласый, очень красивый джентльмен с ослепительно сверкающими ногтями, манжетами и запонками. Однако в его длинном лице не было и следа той томности, которую наши карикатуристы связывают с белоснежными манжетами и маникюром. Лицо у него было удивительно живое и подвижное, а глаза смотрели зорко и прямо, что весьма редко сочетается с седыми волосами. Это одно могло бы уже определить национальность посетителя, равно как и некоторая гнусавость, портившая его изысканную речь, и слишком близкое знакомство с европейскими достопримечательностями. Да, это был сам Грэндисон Чейс из Бостона, американский путешественник, отдыхающий от путешествий в точно таком же

замке на точно таком же холме. Здесь, в своем поместье, он наслаждался жизнью и считал своего радушного соседа одной из местных древностей. Ибо Фламбо, как мы уже говорили, удалось глубоко пустить в землю корни, и казалось, что он провел века среди своих виноградников и смоковниц. Он вновь назывался своим настоящим именем - Дюрок, ибо "Фламбо", то есть "факел", было только псевдонимом, под которым такие, как он, ведут войну с обществом.

Он обожал жену и детей, из дому уходил только на охоту и казался американскому путешественнику воплощением той респектабельной жизнерадостности, той разумной любви к достатку, которую американцы признают и почитают в средиземноморских народах. Камень, прикатившийся с Запада, был рад отдохнуть возле южного камня, который успел обрасти таким пышным мхом.

Мистеру Чейсу довелось слышать о Брауне, и он заговорил с ним особым тоном, к которому прибегал при встрече со знаменитостями. Инстинкт интервьюера - сдержанный, но неукротимый - проснулся в нем. Он вцепился в Брауна, как щипцы в зуб, - надо признать, абсолютно без боли и со всей ловкостью, свойственной американским дантистам.

Они сидели во дворике, под навесом, - в Испании часто входят в дом через наполовину крытые внутренние дворики. Смеркалось. После заката в горах сразу становится холодно, и потому здесь стояла небольшая печка, мигая красным глазом, словно гном, и рисуя на плоских плитах рдеющие узоры. Но ни один отсвет огня не достигал даже нижних кирпичей высокой голой стены, уходившей над ними в темно-синее небо. В полумраке смутно вырисовывались широкие плечи и большие, как сабли, усы Фламбо, который то и дело поднимался, цедил из бочки темное вино и разливал его в бокалы. Священник, склонившийся над печкой, казался совсем маленьким в его тени. Американец ловко нагнулся вперед, опершись локтем о колено; его тонкое, острое лицо было освещено, глаза по-прежнему сверкали умом и любопытством.

- Смею заверить вас, сэр, - говорил он, - что ваше участие в расследовании убийства человека о двух бородах - одно из величайших достижений научного сыска.

Отец Браун пробормотал что-то невнятное, а может быть, застонал.

- Мы знакомы, - продолжал американец, - с достижениями Дюпена, Лекока, Шерлока Холмса, Ника Картера и прочих вымышленных сыщиков. Но мы видим, что ваш метод очень отличается от методов других детективов - как вымышленных, так и настоящих. Кое-кто даже высказывал предположение, что у вас просто нет метода.

Отец Браун помолчал, потом слегка шевельнулся или просто подвинулся к печке - и сказал:

- Простите... Да... Нет метода... Боюсь, что у них нет разума...

- Я имел в виду строго научный метод, - продолжал его собеседник. Эдгар По в превосходных диалогах пояснил метод Дюпена, всю прелесть его железной логики. Доктора Уотсону приходилось выслушивать от Холмса весьма точные разъяснения с упоминанием мельчайших деталей. Но вы, отец Браун, кажется, никому не открыли вашей тайны. Мне говорили, что вы отказались читать в Америке лекции на эту тему.

- Да, - ответил священник, хмуро глядя на печку, - отказался.

- Ваш отказ вызвал массу толков! - подхватил Чейс. - Кое-кто у нас говорил, что ваш метод нельзя объяснить, потому что он больше, чем метод.

Говорили, что вашу тайну нельзя раскрыть, так как она - оккультная.

- Какая она? - переспросил отец Браун довольно хмуро.

- Ну, непонятна для непосвященных, - пояснил Чейс. - Надо вам сказать, у нас в Штатах как следует поломали голову над убийством Галлупа и Штейна, и над убийством старика Мертонна, и над двойным преступлением Дэлмона. А вы всегда попадали в самую гущу и раскрывали тайну, но никому не говорили, откуда вам все известно. Естественно, многие решили, что вы, так сказать, все знаете не глядя. Карлотта Браунсон иллюстрировала эпизодами из вашей деятельности свою лекцию о формах мышления. А "Общество сестер-духовидиц" в Индианополисе...

Отец Браун вес еще глядел на печку, наконец он сказал громко, но так, словно его никто не слышал:

- Ох! К чему это?!

- Этому горю не поможешь! - добродушно улыбнулся мистер Чейс. - У наших духовидиц хватка железная. По-моему, хотите покончить с болтовней откройте вашу тайну.

Отец Браун шумно вздохнул. Он уронил голову на руки, словно ему стало трудно думать. Потом поднял голову и глухо сказал:

- Хорошо! Я открою тайну.

Он обвел потемневшими глазами темнеющий дворик - от багровых глаз печки до древней стены, на которой все ярче блистали ослепительные южные звезды.

- Тайна... - начал он и замолчал, точно не мог продолжать. Потом собрался с силами и сказал. - Понимаете, всех этих людей убил я сам.

- Что? - сдавленным голосом спросил Чейс.

- Я сам убил всех этих людей, - кротко повторил отец Браун. - Вот я и знал, как все было.

Грэндисон Чейс выпрямился во весь свой огромный рост, словно подброшенный медленным взрывом. Не сводя глаз с собеседника, он еще раз спросил недоверчиво:

- Что?

- Я тщательно подготовил каждое преступление, - продолжал отец Браун. - Я упорно думал над тем, как можно совершить его, - в каком состоянии должен быть человек, чтобы его совершить. И когда я знал, что чувствую точно так же, как чувствовал убийца, мне становилось ясно, кто он.

Чейс прерывисто вздохнул.

- Ну и напугали вы меня! - сказал он. Я на минуту поверил, что вы действительно их поубивали. Я так и увидел жирные заголовки во всех наших газетах "Сыщик в сутане - убийца. Сотни жертв отца Брауна" Что ж, это хороший образ... Вы хотите сказать, что каждый раз пытались восстановить психологию...

Отец Браун сильно ударил по печке своей короткой трубкой, которую только что собирался набить. Лицо его искривилось, а это бывало с ним очень редко.

- Нет, нет, нет! - сказал он чуть ли не гневно. - Никакой это не образ.

Вот что получается, когда заговоришь о серьезных вещах. Просто хоть не говори! Стоит завести речь о какой-нибудь нравственной истине, и вам сейчас же скажут, что вы выражаетесь образно. Один

человек - настоящий, двуногий сказал мне как-то: "Я верю в святого духа лишь в духовном смысле". Я его, конечно, спросил: "А как же еще в него верить?" - а он решил, что я сказал ему будто надо верить только в эволюцию, или в этическое единомыслие, или еще в какую-то чушь. Еще раз повторяю - я видел, как я сам, как мое "я" совершал все эти убийства. Разумеется, я не убивал моих жертв физически но ведь дело не в том, их мог убить и кирпич. Я думал и думал, как человек доходит до такого состояния, пока не начинал чувствовать, что сам дошел до него, не хватает последнего толчка. Это мне посоветовал один друг - хорошее духовное упражнение. Кажется, он его нашел у Льва Тринадцатого, которого я всегда почитал.

- Боюсь, - недоверчиво сказал американец, глядя на священника, как на дикого зверя, - что вам придется еще многое объяснить мне, прежде чем я пойму о чем вы говорите. Наука сыска...

Отец Браун нетерпеливо щелкнул пальцами.

- Вот оно! - воскликнул он. - Вот где наши пути расходятся. Наука великая вещь, если это наука. Настоящая наука - одна из величайших вещей в мире. Но какой смысл придают этому слову в девяти случаях из десяти, когда говорят, что сыск - наука, криминология - наука? Они хотят сказать, что человека можно изучать снаружи, как огромное насекомое. По их мнению, это беспристрастно, а это просто бесчеловечно. Они глядят на человека издали, как на ископаемое; они разглядывают "преступный череп", как рог у носорога.

Когда такой ученый говорит о "типе", он имеет в виду не себя, а своего соседа - обычно бедного. Конечно, иногда полезно взглянуть со стороны, но это не наука, для этого как раз нужно забыть то небольшое, что мы знаем. В друге нужно увидеть незнакомца и подивиться хорошо знакомым вещам. Можно сказать, что у людей - короткий выступ посреди лица или что мы впадаем в беспмятство раз в сутки. Но то, что вы назвали моей тайной, - совсем, совсем другое. Я не изучаю человека снаружи. Я пытаюсь проникнуть внутрь.

Это гораздо больше, правда? Я - внутри человека. Я поселяюсь в нем, у меня его руки, его ноги, но я жду до тех пор, покуда я не начну думать его думы, терзаться его страстями, пылать его ненавистью, покуда не взгляну на мир его налитыми кровью глазами и не найду, как он, самого короткого и прямого пути к луже крови. Я жду, пока не стану убийцей.

- О! - произнес мистер Чейс, мрачно глядя на него. - И это вы называете духовным упражнением?

- Да, - ответил Браун. - Именно это. - Он помолчал, потом заговорил снова: - Это такое упражнение, что лучше бы мне о нем не рассказывать. Но, понимаете, не могу же я вас так отпустить. Вы еще скажете там, у себя, что я умею колдовать или занимаюсь телепатией. Я плохо объяснил, но все это суцая правда. Человек никогда не будет хорошим, пока не поймет, какой он плохой или каким плохим он мог бы стать; пока он не поймет, как мало права у него ухмыляться и толковать о "преступниках", словно это обезьяны где-нибудь в дальнем лесу; пока он не перестанет так гнусно обманывать себя, так глупо болтать о "низшем типе" и "порочном черепе"; пока он не выжмет из своей души последней капли фарисейского еля; пока надеется загнать преступника и накрыть его сачком, как насекомое.

Фламбо подошел ближе, наполнил большой бокал испанским вином и поставил его перед своим другом; точно такой же бокал стоял перед американцем. Потом Фламбо заговорил - впервые за весь вечер:

- Отец Браун, кажется, привез с собой много новых тайн. Мы вчера как раз говорили о них. За то время, что мы с ним не встречались, ему пришлось столкнуться с занятыми людьми.

- Да, я слышал об этих историях! - сказал Чейс, задумчиво поднимая бокал. - Но у меня нет к ним ключа. Может быть, вы мне кое-что разъясните?

Может быть, вы расскажете, как вы проникали в душу преступника?

Отец Браун тоже поднял бокал, и в мерцании огня вино стало прозрачным, как кроваво-алый витраж с изображением мученика. Алое пламя приковало его взор: он не мог отвести от него глаз, словно в чаше плескалась, как море, кровь всех людей на свете, а его душа, как пловец, смиренно углублялась во тьму чудовищных помыслов, глубже самых страшных чудищ, на самое илистое дно.

В этой чаше, как в алом зеркале, он увидел много событий. Преступления последних лет промелькнули перед ним пурпурными тенями, то, о чем его просили рассказать, заплясало перед ним, он снова видел все, о чем рассказано в этой книге.

Вот алое вино обернулось алым закатом над красно-бурыми песками, над бурыми фигурками людей, один человек лежал, другой

спешил к нему. Вот закат расколосся, и алые фонарики повисли на деревьях сада, алые блики заплясали в пруду. Вот свет фонариков слился в огромный прозрачный рубин, освещающий все вокруг, словно алое солнце, кроме тени высокого человека в высокой древней митре. Вот блеск угас, и только пламя рыжей бороды плескалось на ветру, над серой бесприютностью болот. Все это можно было увидеть и понять иначе, но сейчас, отвечая на вызов, он вспомнил это так - и образы стали складываться в доводы и сюжеты.

- Да, - сказал он, медленно поднося бокал к губам, - я как сейчас помню...

ЗЕРКАЛО СУДЬИ

Джеймс Бэгшоу и Уилфред Андерхилл были старыми друзьями и очень любили совершать ночные прогулки, во время которых мирно беседовали, бродя по лабиринту тихих, словно вымерших улиц большого городского предместья, где оба они жили. Первый из них - рослый, темноволосый, добродушный - мужчина с узкой полоской усов на верхней губе - служил профессиональным сыщиком в полиции, второй, невысокий блондин с пронизательным, резко очерченным лицом, был любитель, который горячо увлекался розыском преступников. Читатели этого рассказа, написанного с подлинно научной точностью, будут поражены, узнав, что говорил профессиональный полисмен, любитель же слушал его с глубокой почтительностью.

- Наша работа, пожалуй, единственная на свете, - говорил Бэгшоу, - в том смысле, что действия профессионала люди заведомо считают ошибочными.

Воля ваша, но никто не станет писать рассказ о парикмахере, который не умеет стричь, и клиент вынужден прийти к нему на помощь, или об извозчике, который не в состоянии править лошадью до тех пор, пока седок не разъяснит ему извозчичью премудрость в свете новейшей философии. При всем том я отнюдь не намерен отрицать, что мы часто склонны избирать наиболее проторенный путь или, иными словами, безуспешно действуем в соответствии с общепринятыми правилами. Но ошибка писателей заключается в том, что они упорно не дают нам возможности успешно действовать в согласии с общепринятыми правилами.

Без сомнения, - заметил Андерхилл, - Шерлок Холмс, будь он сейчас здесь, сказал бы, что действует в согласии с правилами и по законам логики.

- Возможно, он был бы недалек от истины, - подтвердил полисмен, - но я имел в виду правила, которым следует многочисленная группа людей. Нечто вроде работы в армейском штабе. Мы собираем и накапливаем информацию.

- А вам не кажется, что и в детективных романах это не исключено? осведомился его друг.

- Что ж, давайте возьмем в виде примера любое из вымышленных дел, раскрытых Шерлоком Холмсом и Лестрадом, профессиональным сыщиком.

Предположим, Шерлок Холмс может догадаться, что совершенно незнакомый ему человек, который переходит улицу, - иностранец, просто-напросто потому, что тот, опасаясь попасть под автомобиль, смотрит направо, а не налево, хотя в Англии движение левостороннее. Право, я охотно допускаю, что Холмс вполне способен сделать подобную догадку. И я глубоко убежден, что Лестраду подобная догадка никогда и в голову не придет. Но при этом не следует упускать из виду тот факт, что полисмен хоть и не может порой догадаться, зато вполне может заведомо знать наверняка. Лестрад мог точно знать, что этот прохожий - иностранец, хотя бы уже потому, что полиция, в которой он служит, обязана следить за иностранцами. Мне могут возразить, что полиция следит за всеми без различия. Поскольку я полисмен, меня радует, что полиция знает так много ведь всякий стремится работать на совесть. Но я к тому же гражданин своей страны и порой задаюсь вопросом - а не слишком ли много знает полиция?

- Да неужели вы можете всерьез утверждать, - воскликнул Андерхилл с недоверием, - что знаете все о любом встречном, который попадаете вам на любой улице? Допустим, вон из того дома сейчас выйдет человек, - разве вы и про него все знаете?

- Безусловно, если он хозяин дома, - отвечал Бэгшоу. - Этот дом арендует литератор, румын по национальности, английский подданный, обычно он живет в Париже, но сейчас временно переселился сюда, чтобы поработать над какой-то пьесой в стихах. Его имя и фамилия - Озрик Орм, он принадлежит к новой поэтической

школе, и стихи его неудобочитаемы, - разумеется, насколько я лично могу об этом судить.

- Но я имел в виду всех людей, которых встречаешь на улице, - возразил его собеседник. - Я думал о том, до чего все кажется странным, новым, безликим эти высокие, глухие стены, эти дома, которые утопают в садах, их обитатели. Право же, вы не можете знать их всех.

- Я знаю некоторых, - отозвался Бэгшоу. - Вот за этой оградой, вдоль которой мы сейчас идем находится сад, принадлежащий сэру Хэмфри Гвинну, хотя обыкновенно его называют просто судья Гвинн: он - тот самый старейший судья, который поднял такой шум по поводу шпионажа во время мировой войны. Соседним домом владеет богатый торговец сигарами. Родом он из Латинской Америки, смуглый такой, сразу видна испанская кровь, но фамилия у него чисто английская - Буллер. А вон тот дом, следующий по порядку... постойте, вы слышали шум?

- Я слышал какие-то звуки, - ответил Андерхилл, - но, право, понятия не имею, что это было.

- Я знаю, что это было, - сказал сыщик. - Это были два выстрела из крупнокалиберного револьвера, а потом - крик о помощи. И донеслись эти звуки из сада за домом, который принадлежит судье Гвинну, из этого рая, где всегда царят мир и законность. - Он зорко оглядел улицу и добавил. - А в ограде одни-единственные ворота, и, чтобы до них добраться, надо сделать крюк в добрых полмили. Право же, будь эта ограда чуть пониже или я чуть полегче, тогда дело другое, но все равно я попытаюсь.

- Вон место, где ограда и впрямь пониже, - сказал Андерхилл, - и рядом дерево, оно там как нельзя более кстати.

Они пустились бежать вдоль ограды и действительно увидели место, где ограда круто понижалась, словно уходя в землю до половины, а дерево в саду, усеянное ярчайшими цветами, простирало наружу ветви, золотистые при свете одинокого уличного фонаря. Бэгшоу ухватился за кривой сук и перебросил ногу через невысокую ограду, мгновение спустя друзья уже стояли в саду, до колен утопая в ковре из цепких, стелющихся трав.

В этот ночной час сад судьи Гвинна выглядел весьма своеобразно. Он был обширен и тянулся по незастроенной окраине города,

прилегая к высокому темному дому, который стоял последним, в конце улицы. Дом этот можно назвать темным в самом прямом смысле слова, потому что ставни были закрыты наглухо и ни один луч света не проникал наружу сквозь их щели, по крайней мере, со стороны палисадника. Зато в самом саду, который прилегал к дому и, казалось, тем более должен бы быть окутан тьмой, кое-где мерцали, догорая, искры, как будто после фейерверка, словно гигантская огненная ракета упала и рассыпалась меж деревьев. Продвигаясь вперед, друзья обнаружили, что это светились гирлянды цветных лампочек, которыми были унизаны деревья, подобно драгоценным плодам Аладдина, но в особенности свет изливался из круглого озера или пруда, в воде которого блестели и переливались бледные, разноцветные огоньки, будто и там тоже горели лампочки.

- Может быть, у него торжественный прием? - спросил Андерхилл. Похоже, что сад иллюминирован.

- Нет, - возразил Бэгшоу. - Просто у него такая прихоть, и, думается мне, он предпочитает наслаждаться этим зрелищем в одиночестве. Обожает забавляться своей собственной маленькой электрической сетью, а щит с переключателями находится вон в той отдельной пристройке или флигеле, где он работает и хранит свои бумаги. Буллер, близкий его приятель, утверждает, что, когда горят цветные лампочки, обычно это верный признак того, что его лучше не беспокоить.

- Нечто вроде красного сигнала, предупреждающего об опасности, заметил Андерхилл.

- Боже правый! Боюсь, что это и есть именно такой сигнал!

Тут сыщик пустился бежать к пруду.

А еще через мгновение Андерхилл сам увидел то, что видел его друг.

Мерцающее световое кольцо, похожее на нимб, иногда окружающий луну, а здесь окаймлявшее круглый пруд, прерывали две черные черты, или полосы, как оказалось, то были две длинные черные ноги человека, который лежал ничком у пруда, уронив голову в воду.

- Скорей! - отрывисто вскрикнул сыщик - Кажется мне...

Голос его смолк в отдалении, потому что он уже мчался во весь дух через широкую лужайку, едва различимую при слабом

электрическом освещении, и дальше напрямик через весь сад к пруду, у которого лежал неизвестный человек. Андерхилл рысцой последовал по его стопам, но вдруг испугался, потому что произошла неожиданность. Бэгшоу, который по прямой линии, как стрела, летел к незнакомцу, распростертому подле светящегося пруда, круто свернул в сторону и, еще прибавив прыти, помчался к дому. Андерхилл никак не мог сообразить, почему его друг так резко и внезапно переменял направление.

Но еще через секунду, когда сыщик нырнул в тень дома, оттуда, из мрака, послышалась возня, сопровождаемая ругательствами, а потом Бэгшоу вновь вынырнул оттуда, волоча за собою упирающегося человечка, щуплого и рыжеволосого. Пойманный, видимо, хотел скрыться за домом, но острый слух сыщика уловил шорох его шагов, едва слышный, словно трепыхание птички в кустах.

- Андерхилл, сделайте милость, - сказал сыщик, - бегите к пруду и посмотрите, что и как. Ну, а вы кто такой будете? - спросил он, резко останавливаясь - Имя, фамилия?

- Майкл Флуд, - отвечал незнакомец вызывающим тоном. Был он маленький, тщедушный, с непомерно длинным крючковатым носом на узком и сухом, словно пергаментном личике, бледность которого была особенно заметна, оттененная огненно-рыжей шевелюрой. - Я тут, смею заверить, ни при чем. Когда я пришел, он уже лежал мертвый, и мне стало страшно. Я из газеты, хотел взять у него интервью.

- Когда вы, газетчики, берете интервью у знаменитостей, - заметил Бэгшоу, - разве принято у вас перелезать для этого через садовую ограду?

И он сурово указал на двойную цепочку следов, тянувшихся по аллее к цветочной клумбе.

Человечек, назвавшийся Флудом, тоже напустил на себя суровое выражение.

- Газетному репортеру порой приходится перелезать через ограды, чтобы взять интервью, сказал он. - Я долго стучал в парадную дверь но так и не достучался. Дело в том, что лакей отлучился куда-то.

- А почему вы знаете, что он отлучился! - спросил сыщик, глядя на него с подозрением.

- Да потому, - отвечал Флуд с явно напускным хладнокровием, - что не я один лазаю через садовые ограды. Весьма вероятно, что и вы сделали то же самое. Во всяком случае, и лакей это сделал, я только минуту назад видел, как он спрыгнул с ограды возле самой калитки, по ту сторону сада.

- Но отчего же он не воспользовался калиткой? - продолжал допрос Бэгшоу.

- А я почему знаю? огрызнулся Флуд. - Вероятно, оттого, что она заперта.

Спрашивайте у него, а не у меня, вон он как раз возвращается.

И в самом деле, близ дома показалась еще чья-то смутная тень, едва различимая в полутьме, пронизанной слабым электрическим светом, а потом стал виден широкоплечий человек в красной жилетке, надетой поверх заношенной до невероятия ливреи. Он торопливо, но спокойно и уверенно приближался к боковой дверке дома, когда окрик Бэгшоу заставил его остановиться. Он неохотно подошел, и можно было теперь разглядеть желтоватое лицо с азиатскими чертами, которым вполне соответствовали прилизанные иссиня-черные волосы.

Бэгшоу резко повернулся к человеку, назвавшему себя Флудом.

- Может ли кто-нибудь в этой округе удостоверить вашу личность?

- Таких и по всей стране немного отыщется, - недовольно буркнул Флуд. - Я только недавно переехал сюда из Ирландии. Единственный, кого я знаю в здешних краях, это священник церкви святого Доминика отец Браун.

- Вы оба извольте оставаться здесь, - сказал Бэгшоу. И добавил обращаясь к лакею. - А вас я прошу пойти в дом, позвонить по телефону в церковь святого Доминика и попросить отца Брауна приехать сюда как можно скорее. Да смотрите, без фокусов.

Пока энергичный сыщик принимал меры на случай возможного бегства задержанных, его друг, как ему и было сказано, поспешил на место, где разыгралась трагедия. Место это выглядело довольно странно: поистине, не будь трагедия столь ужасна, она представлялась бы в высшей степени фантастической. Мертвый человек (при самом беспомощном осмотре сразу же стало ясно, что он действительно мертв) лежал, уронив голову в пруд, и мерцающее искусственное освещение окружало его голову каким-то подобием святотатственного нимба.

Лицо у него было изможденное и неприятное, голова почти облысела, только по бокам еще курчавились редкие пряди - седоватые, со стальным отливом, они завивались колечками, и хотя висок разможила пуля, Андерхилл сразу узнал черты, которые видел на многочисленных портретах сэра Хэмфри Гвинна. На покойном был фрак, а его длинные, тонкие, как у паука, ноги чернели, раскинутые в разные стороны на крутом берегу, с которого он упал. Словно по роковой, поистине дьявольской прихоти, кровь медленно сочилась в светящуюся воду, и струйка змеилась, прозрачно-алая, как предзакатное облако.

Андерхилл сам не мог бы сказать, сколько времени он простоял, глядя на зловещий труп, а потом поднял голову и увидел, что над ним, у края обрывистого берега, появились четверо незнакомцев. Он ожидал прихода Бэгшоу и пойманного ирландца и легко догадался, кто человек в красной жилетке. Но в четвертом из них была какая-то странная и смешная торжественность, непостижимым образом совмещавшая несовместимое. Он был приземист, круглолиц и носил шляпу, напоминавшую черный нимб. Андерхилл догадался, что перед ним священник; но при этом ему почему-то вспомнилась старая, почерневшая от времени гравюра, на которой была изображена "Пляска смерти".

Потом он услышал, как Бэгшоу сказал священнику:

- Я очень рад, что вы можете удостоверить личность этого человека, но все же прошу иметь в виду, что он тем не менее остается под некоторым подозрением. Конечно, вполне может статься, что он невиновен, но как бы то ни было, а в сад он проник необычным способом.

- Я и сам считаю его невинным, - сказал священник бесстрастным голосом. - Но, разумеется, я могу и ошибаться.

- А почему, собственно, вы считаете его невинным?

- Именно потому, что он проник в сад столь необычным способом, отвечал церковнослужитель. - Понимаете ли, сам я проник сюда способом вполне обычным. Но очень похоже, что я чуть ли не единственный попал сюда так, как это принято. В наши дни самые достойные люди перелезают в сад через ограду.

- А что вы называете обычным способом? - осведомился сыщик.

- Ну, как вам сказать, - отвечал отец Браун с самой истовой откровенностью. - Я вошел через парадную дверь. Обычно я вхожу в дома именно таким путем.

- Прошу прощения, - заметил Бэгшоу, - но не так уж важно, каким путем вошли сюда вы, если только у вас нет желания сознаться в убийстве.

- А по-моему, это очень важно, - мягко возразил священник. - Дело в том, что, когда я входил в парадную дверь, мне бросилось в глаза нечто такое, чего остальные, по всей вероятности, не могли видеть.

- Что же это было?

- Совершеннейший разгром, - все так же мягко объяснил отец Браун. Большое зеркало в конце коридора разбито, пальма опрокинута, пол усеян черепками глиняного горшка. И я сразу понял, что случилось неладное.

- Вы правы, - согласился Бэгшоу, помолчав немного. - Если вы все это видели, тут налицо прямая связь с преступлением.

- А если тут налицо связь с преступлением, - продолжал священник вкрадчиво, - то вполне можно предположить, что некий человек никак с этим преступлением не связан. И человек этот - мистер Майкл Флуд, который проник в сад через стену, а потом пытался выбраться отсюда столь же необычным способом. Именно необычность поведения убеждает меня в его невиновности.

- Войдемте в дом, - сказал Бэгшоу отрывисто.

Когда они переступили порог боковой двери, пропустив лакея вперед, Бэгшоу отстал на несколько шагов и тихо заговорил со своим другом.

- Этот лакей ведет себя как-то странно, - сказал он. - Утверждает, что его фамилия Грин, но я сомневаюсь в его правдивости: несомненно лишь одно он действительно служил у Гвинна, и, по всей видимости, другой постоянной прислуги здесь не было. Но, к величайшему моему удивлению, он клянется, что его хозяин вообще не был в саду, ни живой, ни мертвый. Говорит, будто старый судья уехал на званый обед в Юридическую коллегия и должен был вернуться лишь через несколько часов, потому-то, мол, сам он и позволил себе ненадолго отлучиться из дома.

- А объяснил ли он, - спросил Андерхилл, - что побудило его отлучиться столь странным образом?

- Нет, во всяком случае, сколько-нибудь вразумительного объяснения из него так и не удалось вытянуть, - отвечал сыщик. - Право же, я его не понимаю. Он чего-то смертельно боится.

За боковой дверью начиналась длинная, тянувшаяся через все здание, прихожая, куда вела со стороны фасада парадная дверь, над которой было старомодное, полукруглое оконце, одним своим видом нагонявшее тоску.

Сероватые проблески рассвета уже мерцали среди темноты, словно блики какого-то унылого, тусклого восхода, а прихожую слабо освещала одна-единственная лампа под абажуром, тоже весьма старомодным, которая стояла на полке в дальнем углу. При неверном ее свете Бэгшоу увидел тот полнейший разгром, о котором говорил Браун. Высокая пальма с длинными веерообразными листьями была опрокинута, от горшка из темно-красной глины остались одни черепки, Черепки эти усеивали ковер вперемешку со слабо поблескивающими осколками разбитого зеркала, а пустая рама так и осталась висеть тут же, на стене. Перпендикулярно этой стене, от боковой дверки, в которую они вошли, тянулся в глубь дома широкий коридор. В дальнем его конце виднелся телефон, по которому лакей и вызвал сюда священника; еще дальше через приотворенную дверь виднелись тесно сомкнутые ряды толстенных книг в кожаных переплетах, и ясно было, что дверь эта ведет в кабинет судьи.

Бэгшоу стоял, глядя себе под ноги, на глиняные черепки, смешанные с осколками зеркального стекла.

- Вы совершенно правы, - сказал он священнику. - Здесь была настоящая схватка. По всей видимости - схватка между Гвинном и его убийцей.

- Мне в самом деле кажется, - скромно заметил священник, - что здесь имело место некое происшествие.

- Да, происшествие действительно имело место, и ясно, какое именно, подтвердил сыщик. - Убийца вошел через парадную дверь и застал Гвинна в доме. Вероятно, сам Гвинн его и впустил, завязалась смертельная борьба, и, по-видимому, был сделан случайный выстрел, который вдребезги разнес зеркало, хотя его могли разбить и ударом ноги или как-нибудь еще. Гвинну удалось вырваться, и он ринулся в

сад, где преследователь настиг его у пруда и пристрелил. Я полагаю, что картина преступления уже восстановлена, но, разумеется, мне необходимо тщательно осмотреть все остальные комнаты.

В остальных комнатах не удалось, однако, обнаружить ничего интересного, хотя Бэгшоу многозначительно указал на заряженный автоматический пистолет, который он отыскал в библиотеке, обшаривая ящики письменного стола.

- Похоже, что судья ожидал покушения, - сказал сыщик, - но странно, что он не взял с собой оружия, когда вышел к дверям.

Наконец они вернулись в прихожую и направились к парадной двери, причем отец Браун рассеянно скользил взглядом вокруг себя. Два коридора, оклеенных одинаковыми выцветшими обоями с невзрачным серым рисунком, словно подчеркивали пышность пыльных и грязных безделушек викторианских времен, а также позеленевшей от времени старинной бронзовой лампы и тусклой позолоченной рамы, в которую было вставлено разбитое зеркало.

- Есть примета, что разбитое зеркало предвещает несчастье, - сказал он.

- Но тут весь дом - словно предвестие беды. Удивительно, что даже сама мебель...

- Как странно, - перебил его Бэгшоу. - Я думал, парадная дверь заперта, а она только на щеколде.

Ему никто не ответил - все вышли за дверь и очутились во втором саду, перед домом. Сад этот был поменьше и попроще, здесь пестрели цветы, а в одном конце рос забавно подстриженный кустарник с круглой аркой, похожей на зеленую пещеру, куда вели полуобрушенные ступеньки.

Отец Браун подошел к арке и заглянул внутрь. Потом он вдруг исчез из виду, а через несколько мгновений остальные услышали у себя над головами его голос, спокойный и ровный, словно он беседовал с кем-то на верхушке дерева.

Сыщик направился следом и обнаружил, что скрытая лестница поднималась к некоему подобию обветшавшего мостика, повисшего над темным и пустынным уголком сада. Мостик огибал дом, и оттуда открывался вид на цветные огоньки, мерцавшие наверху и внизу. Возможно, мостик этот был плодом какой-то странной фантазии архитектора, которому вздумалось построить над лужайкой нечто

вроде аркады с галереей поверху. Бэгшоу подумал, что в этом тупике прелюбопытно застать человека в столь ранний час, перед рассветом, но не стал тратить время на дальнейшие раздумья. Он рассматривал человека, которого они со священником здесь застигли.

Человек этот стоял к ним спиной, низкорослый, в сером костюме, и единственное, что выделялось в его внешности, была густая шевелюра, ярко-желтая, как головка огромного расцветающего лютика. Она действительно выделялась, словно гигантский нимб, и, когда он медленно и угрюмо повернулся к ним лицом это сходство произвело какое-то ошеломляющее и неожиданное впечатление. Такой нимб мог бы окружать удлиненное, кроткое, как у ангела, лицо, но у этого человека лицо было злобное и морщинистое, с мощными челюстями и коротким носом, какие бывают у боксеров после перелома.

- Насколько я понимаю, это мистер Орм, знаменитый поэт, - произнес отец Браун невозмутимо, словно представлял их друг другу в светской гостиной.

- Кто бы он ни был, - сказал Бэгшоу, - я вынужден беспокоить его и пригласить вниз, где ему придется ответить на несколько вопросов.

Там, в углу старого сада, ранним утром, когда серые сумерки обволакивали густые кусты, скрывавшие вход на полуобрушенную галерею, и позже, при самых различных обстоятельствах и на различных стадиях официального следствия, которое приобретало все более серьезный оборот, обвиняемый отрицал решительно все, утверждая, что лишь намеревался зайти к сэру Хэмфри Гвинну, но это ему не удалось, потому что, сколько он ни звонил у двери, никто не открыл на его звонки. Когда ему указали, что дверь, собственно, не была заперта, он насмешливо хмыкнул. Когда ему намекнули, что час для такого посещения был выбран необычайно поздний, он презрительно фыркнул. То немногое, что удалось из него вытянуть, звучало крайне туманно либо потому, что он действительно почти не умел говорить по-английски, либо же потому, что он ловко притворялся, будто крайне плохо знает этот язык.

Убеждения его носили нигилистический и разрушительный характер, и такую же направленность усматривали в его стихах те читатели, которые способны были их понять, представлялось вполне

вероятным, что дела, которые он имел с судьей, равно как и ссора между ним и упомянутым судьей, были связаны с анархическими идеями. Всякий знал, что Гвинна преследовала навязчивая идея,- ему с недавних пор всюду чудились большевистские шпионы, как некогда чудились германские. И все же одно совпадение, замеченное почти сразу же после поимки его соседа, укрепило в Бэгшоу мысль, что к делу следует отнестись серьезно. Когда они вышли через ворота на улицу, им случайно попался навстречу другой сосед убитого судьи, торговец сигарами Буллер, которого нетрудно было узнать по смуглому сварливому лицу и неизменной орхидее в петлице он был известным знатоком по части выращивания этих цветов. Ко всеобщему удивлению он приветствовал поэта, тоже своего соседа, как ни в чем не бывало, словно заведомо ожидал его здесь встретить.

- Привет, а вот и я! - вскричал он. - Видно, ваш разговор со стариком Гвинном изрядно затянулся?

- Сэр Хэмфри Гвинн мертв, - сказал Бэгшоу. - Я веду следствие и вынужден просить у вас объяснений.

Буллер застыл на месте, словно окаменев, видимо, изумленный до глубины души. Кончик его раскуренной сигары мерно вспыхивал и тускнел, но смуглое лицо скрывалось в тени, наконец он заговорил, резко переменяя тон.

- Я хотел только сказать, - выдавил он из себя, - что два часа назад, когда я шел мимо, мистер Орм входил вот в эти ворота, вероятно, намереваясь повидаться с сэром Хэмфри.

- Но он утверждает, что так и не повидался с ним, - заметил Бэгшоу. Даже в дом не входил.

- Долгонько же ему пришлось проторчать под дверью, - сказал Буллер.

- Да, - согласился отец Браун, - и вам долгонько пришлось проторчать на улице.

- Я ушел к себе, - сказал торговец сигарами. - Написал несколько писем, а потом снова вышел их отослать.

- Придется вам дать показания несколько позже, - сказал Бэгшоу. Доброй ночи или, вернее, доброго утра.

Процесс Озрика Орма, обвиняемого в убийстве Хэмфри Гвинна, вызвал газетную шумиху, которая не утихала много недель подряд. Все пути обрывались на загадке что же было в течение двух часов, с

той минуты, когда Буллер видел, как Орм входил в ворота, и до того, как отец Браун застал его в саду, где он, по-видимому, и провел целых два часа. Времени этого было вполне достаточно, чтобы совершить добрых полдюжины убийств, и обвиняемый вполне мог бы совершить их просто от нечего делать, ибо он не сумел сколько-нибудь вразумительно объяснить, что же он все-таки делал. Прокурор доказывал, что он имел полную возможность убить судью, так как парадная дверь была на щеколде, а боковая, ведущая в большой сад, и вовсе открыта. Суд с напряженным интересом выслушал Бэгшоу, который восстановил картину схватки в прихожей, после чего остались столь явные следы, к тому же впоследствии полиция нашла пулю, которая попала в зеркало. И, наконец, зеленая арка, благодаря которой обнаружили подсудимого, была очень похожа на тайное укрытие. С другой стороны, сэр Мэтью Блейк, талантливый и опытный адвокат, вывернул этот довод буквально наизнанку он осведомился, для чего, спрашивается, человеку самому лезть в ловушку, откуда заведомо нет выхода, хотя не в пример благоразумней было бы попросту выскользнуть на улицу. Сэр Мэтью Блейк также очень искусно воспользовался тайной, которая по-прежнему окутывала причину убийства. Воистину поединок по этому вопросу между сэром Мэтью Блейком и сэром Артуром Трейверсом, столь же блестящим юристом, выступавшим в роли обвинителя, окончился в пользу подсудимого. Сэр Артур мог лишь выдвинуть предположение о большевистском заговоре, но предположение это представлялось довольно шатким. Зато когда перешли к рассмотрению загадочных действий, которые Орм совершил в ночь убийства, обвинитель сумел выступить с гораздо большим эффектом.

Подсудимый был вызван для дачи свидетельских показаний, в сущности, лишь поскольку его проницательный адвокат полагал, что отсутствие таковых произведет неблагоприятное впечатление, - однако Орм отмалчивался, когда его допрашивал защитник, так же упорно, как и в ответ на вопросы прокурора. Сэр Артур Трейверс постарался извлечь из этого непоколебимого молчания возможно больше выгод, но заставить Орма заговорить так и не удалось. Сэр Артур был высок ростом, худощав, с длинным мертвенно-бледным лицом и казался прямой противоположностью сэру Мэтью Блейку, этому здоровяку с блестящими птичьими глазами. Но если сэр Мэтью

держался уверенно и задиристо, как петух, то сэра Артура скорее можно было сравнить с журавлем или аистом, когда он подавался вперед, осыпая поэта вопросами, длинный его нос удивительно походил на клюв.

- Итак, вы утверждаете перед присяжными, - спросил он тоном, в котором проскрипнуло явное недоверие, - что даже не входили в дом покойного судьи?

- Нет! - коротко отвечал Орм.

- Однако, насколько я понимаю, вы собирались с ним повидаться.

Вероятно, вам нужно было повидаться с ним безотлагательно. Ведь недаром вы прождали два долгих часа у парадной двери?

- Да, - последовал ответ.

- И при этом вы даже не заметили, что дверь не заперта?

- Нет, - сказал Орм.

- Но что же, объясните на милость, делали вы битых два часа в чужом саду? - настойчиво допытывался обвинитель. - Ведь делали же вы там что-нибудь, позвольте полюбопытствовать?

- Да.

- Быть может, это тайна? - осведомился сэр Артур со злорадством.

- Это тайна для вас, - отвечал поэт.

За эту мнимую тайну и ухватился сэр Артур, соответственно построив свою обвинительную речь. Со смелостью, которую многие из присутствующих сочли поистине наглой, он самую таинственность поступка Орма, этот главный и наиболее убедительный довод защитника, использовал в своих целях. Он преподнес этот поступок как первый, еще смутный признак некоего обширного, тщательно подготовленного заговора, жертвой которого пал пламенный патриот, задушенный, так сказать, щупальцами гигантского спрута.

- Да! - воскликнул обвинитель прерывающимся от негодования голосом. Мой уважаемый и высокоученый коллега совершенно прав! Мы не знаем в точности причины убийства верного сына нашего отечества. Равно не узнаем мы причины убийства следующего патриота. Возможно, мой высокоученый коллега сам падет жертвой своих заслуг перед государством и той ненависти, которую разрушительные силы ада питают к законоблюстителям, тогда он будет убит и тоже никогда не узнает причины убийства. Добрую

половину почтеннейшей публики, присутствующей здесь, в этом зале, зарежут ночью, во сне, и мы опять-таки не узнаем причины. Мы никогда не узнаем причины и не арестуем бандитов, а страна наша превратится в пустыню, поскольку адвокатам позволено прекращать судебные разбирательства, используя давным-давно отживший свои век довод о невыясненной "причине", хотя все прочие факты, относящиеся к делу, все вопиющие несообразности, все очевидные умолчания свидетельствуют, что перед нами Каин собственной персоной.

- Никогда еще не видал, чтобы сэр Артур так волновался, - рассказывал позднее Бэгшоу в узком кругу друзей. - Некоторые утверждают, что он впервые преступил все и всяческие границы, и полагают, что прокурору не пристала подобная мстительность. Но должен признать, в этом жалком дьяволе с желтой шевелюрой поистине было нечто омерзительное, и впечатление это невольно повлияло на обвинительную речь. Мне все время смутно вспоминалось то, что Де Куинси {Де Куинси Томас (1785-1859) - английский писатель, автор очерков "Убийство как одно из изящных искусств"} написал о мистере Уильямсе, этом гнусном убийце, который умертвил целых два семейства. Помнится, Де Куинси писал, что у этого самого Уильямса волосы были неестественно яркого желтого цвета, потому что он выкрасил их каким-то хитрым составом, рецепт которого вывез из Индии, где даже лошадей умеют красить хоть в зеленый, хоть в синий цвет. А потом воцарилось невероятное гробовое молчание, как в доисторической пещере, не скрою, это на меня сильно подействовало, и в скором времени я почуял, что на скамье подсудимых сидит настоящее чудовище. Если такое чувство появилось лишь под воздействием красноречия сэра Артура, вся ответственность за то, что он вложил в свою речь столько страсти, падала исключительно на него.

- Не забывайте, ведь он был другом покойного Гвинна, - ввернул Андерхилл, стараясь объяснить пылкость прокурора. - Один мой знакомый видел, как они недавно пьянствовали вдвоем после какого-то званого обеда. Смею полагать, что именно поэтому он вел себя столь несдержанно при разборе дела.

Но мне представляется сомнительным, вправе ли кто-нибудь руководствоваться при подобных обстоятельствах личными

чувствами.

- На это он не пошел бы ни в коем случае, - возразил Бэгшоу. - Готов биться об заклад, что сэр Артур Трейверс никогда не стал бы руководствоваться только личными чувствами, сколь бы сильны они ни были. Он слишком дорожит своим общественным положением. Ведь он из числа тех людей, которых не удовлетворяет даже удовлетворенное честолюбие. Право, я не знаю другого подобного человека, который прилагал бы столько усилий, лишь бы сохранить достигнутое. Нет, поверьте, вы извлекли ложную мораль из его страстной проповеди. Если он упорно продолжал в том же духе, стало быть, он совершенно убежден в своей правоте и надеется возглавить какое-то политическое движение против заговора, о котором шла речь. У него непременно были веские причины требовать осуждения Орма и не менее веские причины полагать, что требование это будет удовлетворено. Ведь факты говорят в его пользу. И такая самоуверенность не сулит обвиняемому ничего доброго.

Тут он увидел среди собравшихся тихого, незаметного человечка.

- Ну-с, отец Браун, - сказал он с улыбкой, - каково ваше мнение относительно того, как ведется у нас судебный процесс?

- Ну-с, - отвечал ему в тон отец Браун, - пожалуй, меня более всего поражает прелюбопытное обстоятельство: оказывается, парик может преобразить человека до неузнаваемости. Вот вы удивлялись, что обвинитель метал громы и молнии. А мне доводилось видеть, как он на минутку снимал свой парик, и, право же, передо мной оказывался совершенно другой человек. Начнем с того, что он совсем лысый.

- Боюсь, что это никак не могло помешать ему метать громы и молнии, возразил Бэгшоу. - Едва ли мыслимо построить защиту на том факте, что обвинитель лыс, ведь верно?

- Верно, но лишь отчасти, - добродушно отозвался отец Браун. - Говоря откровенно, я размышлял о том, как, в сущности, мало люди одного круга знают о людях, принадлежащих к совершенно иному кругу. Допустим, я оказался бы среди людей, слыхом не слыхавших про Англию. Допустим, я рассказал бы им, что у меня на родине живет человек, который даже под страхом смерти не задаст ни одного вопроса, покуда не водрузит на голову сооружение из конского волоса с мелкими косичками на затылке и седоватыми кудряшками по бокам,

как у пожилой матроны викторианских времен. Они сочли бы это нелепой прихотью. А ведь прокурор отнюдь не склонен к прихотям, он всего-навсего привержен к светским условностям. Но те люди сочли бы это прихотью, поскольку понятия не имеют об английских юристах и вообще не знают даже, что такое юрист. Ну а юрист, в свою очередь, не знает, что такое поэт. Он не понимает, что прихоть одного поэта вовсе не представляется другим поэтам прихотью. Ему кажется нелепым, что Орм гулял по изумительно красивому саду два часа, предаваясь полнейшему безделью. Боже правый! Да ведь поэт примет как должное, если узнает, что некто бродил по этому саду целых десять часов подряд, сочиняя стихотворение. Даже защитник Орма решительно ничего тут не понял. Ему и в голову не пришло задать обвиняемому вопрос, который напрашивается сам собой.

- Что же это за вопрос? - осведомился Бэгшоу.

- Помилуйте, разумеется, надо было спросить, какое стихотворение он сочинял в ту ночь, - ответил отец Браун, начиная терять терпение, - какая именно строчка ему не удавалась, какого эпитета он искал, какого совершенства стремился достичь. Будь в суде люди с образованием, способные понять, что такое литература, они сообразили бы без малейшего труда, что Орм занимался там настоящей работой. Фабриканта вы непременно спросили бы, как идут дела у него на фабрике. Но никого не интересуют обстоятельства, при которых создаются стихи. Ведь сочинять стихи - все равно что предаваться безделью.

- Ваши доводы превосходны, - сказал сыщик, - но зачем же тогда он скрывался? Зачем залез по винтовой лесенке наверх и торчал там - ведь лесенка эта никуда не вела!

- Помилосердствуйте, да именно затем, что она никуда не вела, это яснее ясного! - воскликнул отец Браун приходя в волнение. - Ведь всякий, кто хоть мельком видел галерею над садом, уводящую в полуночную тьму, легко может понять, что творческою душу неудержимо повлечет туда, как малого ребенка.

Он умолк и стоял, помаргивая, в полнейшем молчании, а потом сказал извиняющимся тоном:

- Простите великодушно, хотя мне кажется странным, что ни один из присутствовавших не принял во внимание столь простых обстоятельств дела. Но было еще одно немаловажное обстоятельство.

Разве вы не знаете, что поэт, как и художник, находит единственный ракурс. Всякое дерево, или, скажем, пасущаяся корова, или проплывающее над головой облачко в известном отношении исполнены глубокого смысла, точно так же буквы составляют слово, только лишь если их поставить в строго определенном порядке. Ну вот, исключительно с той высокой галереи можно было увидеть сад в нужном ракурсе. Вид, который открывался оттуда, так же невообразим, как четвертое измерение. Это было нечто вроде колдовской перспективы, вроде взгляда на небо сверху вниз, когда звезды словно растут на деревьях, а светящийся пруд подобен луне, упавшей на землю, как в волшебной сказке из тех, что рассказывают детям на сон грядущий. Орм мог бы созерцать все это до бесконечности. Скажите вы ему, что путь этот никуда не ведет, поэт ответил бы, что он уже привел его на самый край света. Но неужели вы полагаете, что он мог бы вымолвить такое, когда давал свидетельские показания? И если бы даже у него язык повернулся это вымолвить, что сказали бы вы сами? Вот вы рассуждаете о том, что человека должны судить равные ему. Так почему же среди присяжных не было поэтов?

- Вы говорите так, будто вы сами поэт, - сказал Бэгшоу.

- Благодарение господу, это не так, - отвечивал отец Браун. Благодарение всемилостивому господу, священник милосердней поэта. Избави вас бог узнать, какое испепеляющее, какое жесточайшее презрение испытывает этот поэт ко всем вам, - лучше уж броситься в Ниагарский водопад.

- Возможно, вы глубже меня знаете творческую душу, - сказал Бэгшоу после продолжительного молчания. - Но в конечном счете мой ответ проще простого. Вы способны лишь утверждать, что он мог бы сделать то, что сделал, и при этом не совершить преступления. Но в равной мере можно принять за истину, что он, однако же, преступление совершил. И позвольте спросить, кто, кроме него, мог совершить это преступление?

- А вы не подозреваете лакея по фамилии Грин? - спросил отец Браун задумчиво. - Ведь он дал довольно путаные показания.

- Вон что, - перебил его Бэгшоу. - По-вашему, стало быть, выходит, что преступление совершил Грин.

- Я глубоко убежден в обратном, - возразил священник. - Я только спросил ваше мнение относительно этого странного происшествия. Ведь отлучался он по пустячной причине, просто-напросто захотел выпить, или пошел на свидание, или что-нибудь в этом роде. Но вышел он в калитку, а обратно перелез через садовую изгородь. Иными словами, это значит, что дверь он оставил открытой, а когда вернулся, она была уже заперта. Почему? Да потому что Некий Незнакомец уже вышел через нее.

- Убийца, - неуверенно пробормотал сыщик. - Вы знаете, кто он?

- Я знаю, как он выглядит, - отвечал отец Браун невозмутимо. - Только это одно я и знаю наверняка. Он, так сказать, у меня на глазах входит в парадную дверь при свете лампы, тускло горящей в прихожей я вижу его, вижу, как он одет, вижу даже черты его лица!

- Как прикажете вас понимать?

- Он очень похож на сэра Хэмфри Гвинна, - отвечал священник.

- Что за чертовщина, в самом-то деле? - спросил Бэгшоу. - Ведь я же видел, Гвинн лежал мертвый, уронив голову в пруд.

- Ну да, это само собою, - ответил отец Браун.

Помолчав, он продолжал неторопливо:

- Вернемся к вашей гипотезе, превосходной во всех отношениях, хотя я лично не вполне с вами согласен. Вы полагаете, что убийца вошел через парадную дверь, застал судью в прихожей, затеял с ним борьбу и разбил вдребезги зеркало, после чего судья бежал в сад, где его и пристрелили.

Однако же мне все это кажется мало правдоподобным. Допустим, судья и в самом деле пятился через всю прихожую, а затем через коридор, но все равно у него была возможность избрать один из двух путей к отступлению он мог направиться либо в сад, либо же - во внутренние комнаты. Вероятнее всего, он избрал бы путь, который ведет внутрь дома, не так ли? Ведь там в кабинете, лежал заряженный пистолет, там же у него и телефонный аппарат стоит. Да и лакей его был там, или, по крайней мере, он имел основания так думать. Более того, даже к своим соседям он оказался бы тогда ближе. Так почему он отворил дверь, которая ведет в сад, теряя драгоценные секунды, и выбежал на зады, где не от кого было ждать помощи?

- Но ведь нам точно известно, что он вышел из дома в сад, нерешительно промолвил его собеседник. - Это известно нам

совершенно точно, ведь там его и нашли.

- Нет, он не выходил из дома по той простой причине, что его в доме не было, - возразил отец Браун. - С вашего позволения, я имею в виду ночь убийства. Он был тогда во флигеле. Уж это я, словно астролог, сразу прочитал в темноте по звездам, да, по тем красным и золотым звездочкам, которые мерцали в саду. Ведь щит включения находится во флигеле: лампочки не светились бы вообще, не будь сэра Хэмфри во флигеле. Потом он пытался укрыться в доме, вызвать по телефону полицию, но убийца застрелил его на крутом берегу пруда.

- А как же тогда разбитый цветочный горшок, и опрокинутая пальма, и осколки зеркала? - вскричал Бэгшоу. - Да ведь вы сами все это обнаружили! Вы сами сказали, что в прихожей была жестокая схватка.

Священник смущенно моргнул.

- Да неужели? - произнес он едва слышно. - Право, не может быть, чтобы я такое сказал. Во всяком случае, у меня и в мыслях этого не было. Насколько мне помнится, я сказал только, что в прихожей нечто произошло. И там действительно нечто произошло, но это была не схватка.

- В таком случае, почему же разбито зеркало? - резко спросил Бэгшоу.

- Потому что в него попала пуля, - внушительно отвечал отец Браун. Пулю эту выпустил преступник. А пальму, вероятно, опрокинули разлетевшиеся куски зеркала.

- Ну и куда еще мог он палить, кроме как в Гвинна? - спросил сыщик.

- Право, это уже принадлежит к области метафизики, - произнес церковнослужитель скучающим голосом. - Разумеется, в известном смысле он метил в Гвинна. Но дело в том, что Гвинна там не было, и, значит, выстрелить в него убийца никак не мог. Он был в прихожей один.

Священник умолк на мгновение, потом продолжал невозмутимо:

- Вот у меня перед глазами зеркало, то самое, что висело тогда в углу, еще целехонькое, а над ним длиннолистная пальма. Вокруг полумрак, в зеркале отражаются серые, однообразные стены, и вполне может почудиться, что там коридор. И еще может почудиться, будто человек, отраженный в зеркале, идет из внутренних комнат. Вполне

может также почудиться, будто это хозяин дома - если только отражение имело с ним хотя бы самое отдаленное сходство.

- Подождите! - вскричал Бэгшоу. - Я, кажется, начинаю...

- Вы начинаете все понимать сами, - сказал отец Браун. - Вы начинаете понимать, отчего все, подозреваемые в этом убийстве, заведомо невиновны. Ни один из них ни при каких обстоятельствах не мог принять свое отражение за Гвинна. Орм сразу узнал бы свою шапку желтых волос, которую никак не спутаешь с лысиной. Флуд увидел бы рыжую шевелюру, а Грин - красную жилетку.

К тому же все трое низкого роста и одеты скромно, а потому ни один из них не счел бы свое отражение за высокого, худощавого, пожилого человека во фраке.

Тут нужно искать кого-то другого, такого же высокого и худощавого. Поэтому я и сказал, что знаю внешность убийцы.

- И что же вы хотите этим доказать? - спросил Бэгшоу пристально глядя на него.

Священник издал отрывистый, хрипловатый смешок, который резко отличался от его обычного мягкого голоса.

- Я хочу доказать, что ваше предположение смехотворно и попросту немыслимо, - отвечал он.

- Как вас понимать?

- Я намерен построить защиту обвиняемых, - сказал отец Браун, - на том факте, что прокурор лыс.

- Господи боже! - тихо промолвил сыщик и встал, озираясь по сторонам.

А отец Браун возобновил свою речь и произнес невозмутимым тоном:

- Вы проследили действия многих людей, причастных к этому делу вы, полисмены, очень интересовались поступками поэта, лакея и журналиста из Ирландии. Но вы совершенно забыли о поступках самого убитого. Между тем его лакей был искренне удивлен, когда узнал, что хозяин возвратился так неожиданно. Ведь судья уехал на званый обед, который не мог быстро кончиться, поскольку там присутствовали все светила юриспруденции, а Гвинн вдруг уехал оттуда домой. Он не захворал, потому что не просил вызвать врача можно сказать почти с уверенностью, что он поссорился с кем-то из выдающихся юристов. Среди этих юристов нам и следовало в самую

первую очередь искать его недруга. Итак, судья вернулся домой и ушел в свой флигель, где хранил все личные бумаги, касавшиеся государственной измены. Но выдающийся юрист, который знал, что в этих бумагах содержатся какие-то улики против него, сообразил последовать за судьей, намеревавшимся его уличить. Он тоже был во фраке, только в кармане этого фрака лежал револьвер. Вот и вся история: никто даже не заподозрил бы истины, если б не зеркало.

Мгновение он задумчиво вглядывался в даль, а потом заключил:

- Странная это штука - зеркало: рама, как у обыкновенной картины, а между тем в ней можно увидеть сотни различных картин, причем очень живых и мгновенно исчезающих навеки. Да, было нечто странное в зеркале, что висело в конце этого коридора с серыми стенами, под зеленой пальмой. Можно сказать, это было волшебное зеркало, ведь у него совсем особая судьба, потому что отражения, которые в нем появлялись, пережили его и витали в воздухе среди сумерек, наполнявших дом, словно призраки, или, по крайней мере, остались, словно некая отвлеченная схема, словно основа доказательства. По крайней мере, мы могли, будто с помощью заклинания, вызвать из небытия то, что увидел сэр Артур Трейверс. Кстати, в словах, которые вы сказали о нем, была доля истины.

- Рад это слышать, - отозвался Бэгшоу несколько угрюмо, но добродушно.

- Какие же это слова?

- Вы сказали, - объяснил священник, - что у сэра Артура, вероятно, есть веские причины постараться отправить Орма на виселицу.

Неделю спустя священник снова встретился с сыщиком и узнал, что соответствующие власти уже начали новое дознание, но оно было прервано сенсационным событием.

- Сэр Артур Трейверс... - начал отец Браун.

- Сэр Артур Трейверс мертв, - коротко сказал Бэгшоу.

- Вот как! - произнес священник прерывающимся голосом. - Стало быть, он...

- Да, - подтвердил Бэгшоу, - он снова выстрелил в того же самого человека, только уже не отраженного в зеркале.

ЧЕЛОВЕК О ДВУХ БОРОДАХ

Эту историю отец Браун рассказал профессору Крейку, прославленному криминалисту, после обеда в клубе, на котором их представили друг другу как людей с одинаковым безобидным хобби, имеющим прямое отношение к убийствам и грабежам. Поскольку отец Браун значительно преуменьшил свою роль в изложенных ниже событиях, мы излагаем их более беспристрастно. Разговор начался с шуточной перепалки, в которой рассуждения ученого были строго научными, а высказывания священника - весьма скептическими.

- Милостивый государь, - негодовал профессор, - разве вы не считаете криминалистику наукой?

- Я просто не уверен... - отвечал отец Браун. - А вы считаете наукой агиографию?

- Что это такое? - резко спросил профессор.

- Обычно ее путают с географией, - улыбаясь, сказал священник. - Но это - наука о праведниках, о святых. Видите, темный век попытался создать науку о хороших людях, наш же, гуманный и просвещенный, интересуется только людьми плохими. По-моему, опыт показал, что убийцами бывали самые разные люди.

- Ну, мы считаем, что убийц можно неплохо классифицировать, - заметил Крейк. - Список длинный и скучный, но, мне кажется, исчерпывающий. Во-первых, все убийства можно подразделить на сознательные и бессознательные, и сначала мы займемся последними, поскольку они значительно реже встречаются. Существует такая вещь, как мания убийства, тяга к кровопролитию. Существует и бессознательная антипатия, хотя к убийству она приводит крайне редко. Теперь перейдем к убийству с реальными мотивами, но сперва отметим, что некоторые из них не вполне осознанны, другие же - романтичны и окрашены фантазией.

Чистая месть - это месть безнадёжная. Влюбленный убивает соперника, которого ему не удалось вытеснить; мятежник убивает тирана после того, как тот победил и поработил его.

Однако подобные действия диктуются и сознательной надеждой, и тогда убийства мы должны причислить к другому обширному разряду: "сознательные преступления". Они, в свою очередь, подразделяются на два вида. Человек убивает, чтобы украсть или унаследовать то, чем владеет другой, либо предотвратить то или иное действие. Сюда же отнесем убийство шантажиста или политического

противника, а также устранение с пути более пассивного препятствия - жены или мужа, которые нам мешают. Мне кажется, это довольно тщательно разработанная классификация, она охватывает все случаи, если ею правильно пользоваться. Боюсь, однако, что она показалась вам очень скучной. Надеюсь, что не слишком утомил вас.

- Нисколько, - возразил отец Браун. - Простите меня, если я слушал несколько рассеянно; дело в том, что я думал о человеке, которого знал когда-то. Он был убийцей, но я не могу определить его место в вашем музее. Он не был ни сумасшедшим, ни мономаном. Он не испытывал ненависти к человеку, которого убил, и, едва зная его, не имел причин для мести. Убитый не обладал ничем, чего мог бы пожелать убийца. Он убийце не мешал и помешать не мог; он не мог даже хоть как-то повлиять на него. В дело не замешана женщина. В дело не замешана политика. Человек убил ближнего, которого фактически не знал, и убил по весьма странной причине. Возможно, это единственный случай на свете.

И отец Браун непринужденно рассказал эту историю.

Пусть она начинается на вполне respectable фоне - за завтраком, в доме достойной, хотя и богатой семьи Бенкс, в тот момент, когда обычное обсуждение газеты прервали толки о таинственном событии в их округе. Таких людей иногда обвиняют в том, что они сплетничают о своих ближних; однако именно о самых ближних они не знают ничего.

Сельские жители рассказывают о своих соседях правдивые и выдуманные истории; но любопытные обитатели современного пригорода верят всему, что говорится в газетах о безнравственности римского Папы или о страданиях царька тихоокеанских островов, и, взволнованные этими сообщениями, совершенно не представляют себе, что происходит в соседнем доме. Однако в данном случае две разновидности сплетен совпали, и от этого совпадения просто дух захватывало. Дело в том, что их пригород упомянули в их любимой газете, и это как бы подтвердило их собственное существование. Можно было подумать, будто до этого они были невидимы и неосязаемы и только теперь стали так же подлинны, как многострадальный царек.

В газете сообщалось, что некогда знаменитый преступник, известный под именем Майкла Лунатика, а также под множеством

других имен, ему не принадлежащих, недавно отбыл длительный срок заключения за многочисленные кражи со взломом. Сообщалось также, что он, по всей видимости, поселился в пригороде, о котором идет речь и который мы для удобства назовем Чишем. В газете были также перечислены самые известные и дерзкие подвиги и побег. Надо сказать, что для таких газет, адресованных таким читателям, характерна непоколебимая уверенность в том, что читатели эти начисто лишены памяти. Крестьянин веками помнит Робин Гуда или Роб Роя; клерк вряд ли вспомнит имя преступника, о котором спорил в трамвае и метро два года назад.

Однако грабитель, прозванный Лунатиком, действительно чем-то напоминал о геройских приключениях Роб Роя и Робин Гуда. Он был достоин того, чтобы обратиться в легенду, а не просто в газетные новости. Он был слишком одаренным взломщиком, чтобы стать убийцей. При его огромной физической силе и при той легкости, с которой он сбивал полисменов, как кепли, он никогда никого не убивал, только оглушал людей, связывал их и затыкал им рот; а это внушало страх и окутывало тайной его образ. Казалось даже, что он был бы больше похож на простого смертного, если бы убивал.

Мистер Саймон Бенкс, отец семейства, крепкий человек с седой бородкой и лицом, покрытым морщинами, был начитаннее и старомоднее остальных. Он питал склонность к жизнеописаниям и мемуарам и отчетливо помнил те времена, когда лондонцы лежали по ночам, прислушиваясь к шагам Майкла, как они прислушиваются теперь к шагам Джека Быстроногого. Была здесь и его жена, худая смуглая дама, одетая с какой-то язвительной элегантностью. Ее семья могла похвастать гораздо большим состоянием, чем семья мужа (хотя и гораздо меньшим образованием), и сама она владела дорогим изумрудным ожерельем, хранившимся наверху, что давало ей право на ведущую роль в разговоре о ворах. Была здесь и дочь по имени Опал, тоже худая и смуглая, но одаренная духовидением; во всяком случае, она сама так считала, родные же ее не особенно поддерживали.

Пламенно-потусторонним душам благоразумнее не материализоваться в большой семье. Был здесь и брат ее Джон, рослый молодой человек, который особенно шумно демонстрировал полное безразличие к общению с духами. Не считая этого, его интересовали только автомобили. Создавалось впечатление, будто он

вечно продает одну машину и покупает другую, причем по какому-то закону, который вряд ли смог бы объяснить ученый-экономист, всегда ухитрялся купить гораздо лучший автомобиль, продав поврежденный или устаревший. Был здесь и другой брат, Филип, молодой человек с темными волнистыми волосами, отличавшийся повышенным вниманием к своему туалету. Несомненно, это входит в число обязанностей биржевого клерка; однако, как порой намекал его хозяин, они этим не ограничиваются. И, наконец, за столом сидел его друг Дэниел Девайн, тоже темноволосый и изысканно одетый, но с бородкой, подстриженной по иностранной моде и потому внушавшей легкое опасение.

Именно Девайн завел разговор о газетной статье, тактично прибегнув к столь действенному способу, чтобы предотвратить семейную ссору, назревавшую из-за того, что юная духовидица начала описывать бледные лица, проплывавшие в ночи у нее за окном, а Джон Бенкс еще более бурно, чем обычно, откликнулся на это откровение потустороннего мира.

Упоминание о новом и, возможно, небезопасном соседстве довольно быстро отвлекло обоих спорщиков.

- Какой ужас! - воскликнула миссис Бенкс. - Наверно, он совсем недавно приехал. Кто бы это мог быть?

- Я не припомню, чтобы кто-нибудь приехал совсем недавно, - отозвался ее муж, - разве что сэр Леопольд Пулмен в Бичвуд-Хаусе.

- Мой дорогой, - отвечала жена, - какие нелепости ты говоришь! Сэр Леопольд!.. - Она помолчала и добавила: - Вот если бы кто-нибудь сказал, что это его секретарь - тот, с бакенбардами... Я всегда говорила, с тех пор, как его взяли на место, которое должен был получить Филип...

- Ничего не поделаешь, - томно сказал Филип, единственный раз вступивший в беседу. - Да и место так себе.

- Единственный, кого я знаю, - заметил Девайн, - это человек по фамилии Карвер, который поселился на ферме у Смита. Он ведет спокойную жизнь, но с ним интересно побеседовать. Кажется, у Джона были с ним какие-то дела.

- Немного разбирается в автомобилях, - признал одержимый одной страстью Джон. - Будет разбираться еще лучше, когда прокатится в моей новой машине.

Девайн слегка улыбнулся - все уже побывали под этой угрозой - и заметил:

- Вот странно! Он хорошо разбирается в автомобильном спорте, в путешествиях, вообще - в живых занятиях, а сам вечно сидит дома и возится с ульями старого Смита. Говорит, он интересуется только пчелами, потому и живет на пасеке. Мне кажется, это слишком спокойное хобби для такого человека. Однако не сомневаюсь, что твоя машина немного встряхнет его.

Когда в тот вечер Девайн возвращался от Бенксов, его смуглое лицо выражало сосредоточенное раздумье. Возможно, эти мысли и заслуживают нашего внимания, однако отметим лишь, что под их влиянием он решил нанести безотлагательный визит мистеру Карверу, жившему у мистера Смита. Идя в этом направлении, он встретил Бернарда, долгоязого секретаря из Бичвуд-Хауса, с большими бакенбардами, которые миссис Бенкс воспринимала как личное оскорбление. Молодые люди были едва знакомы, беседа была краткой и случайной; однако Девайн, по-видимому, почерпнул в ней пищу для дальнейших размышлений.

- Простите, что я спрашиваю, - неожиданно сказал он, - но правда ли, что у леди Пулмен есть какие-то знаменитые драгоценности? Я не профессиональный вор, но я как раз слышал, что тут один околачивается.

- Я предупрежу, чтобы она за ними присмотрела, - ответил секретарь. По правде говоря, я уже позволил себе предостеречь ее. Надеюсь, что она позаботится о них.

В этот момент позади раздался кошмарный вой автомобильной сирены, и около них остановилась машина, за рулем которой восседал сияющий Джон Бенкс. Когда он услышал, куда направляется Девайн, он заметил, что ехал туда же, однако, судя по его тону, он просто не мог отказать себе в удовольствии и должен был подвести кого-нибудь. Пока они ехали, он непрерывно хвалил машину, главным образом за то, что ее можно приспособить к любой погоде.

- Закрывается плотно, как коробка, - говорил он, - а открывается легко - ну, скажем, как рот.

Однако в данный момент рот Девайна не так уж легко открывался, и они подъехали к ферме Смита под неумолчный монолог. Пройдя через ворота, Девайн сразу же нашел того, кого

искал. По саду, заложив руки в карманы, прогуливался длиннолицый человек с крупным подбородком, в большой мягкой соломенной шляпе. Тень, падавшая от ее широких полей на верхнюю часть лица, слегка походила на маску. На заднем плане виднелся ряд освещенных солнцем ульев, вдоль которых прохаживался другой человек, плотный, по-видимому, мистер Смит, и еще один, низенький, неприметный, в черном одеянии священника.

- Послушайте! - вскричал неугомонный Джон, не дав Девайну поздороваться. - Я пригнал ее, чтобы вас прокатить. Вот увидите, она лучше, чем "молния"!

Губы мистера Карвера сложились в улыбку, которая, по-видимому, была любезной, но выглядела довольно мрачно.

- Боюсь, что сегодня вечером мне не до развлечений, хлопот по горло. .

- "Как хлопотливая пчела", - продекламировал Девайн. - Должно быть, ваши пчелы очень хлопотливы, раз они не отпускают вас весь вечер. А вот скажите мне...

- Да? - произнес Карвер с каким-то холодным вызовом.

- Говорят, что надо косить сено, пока солнце светит, - продолжал Девайн. - Может быть, вы собираете мед, пока светит луна?

В тени широкополой шляпы что-то сверкнуло - должно быть, глаза Карвера.

- Может, тут и не обходится без лунного света, - промолвил он, - но помните, мои пчелы не только дают мед - они жалят.

- Так вы поедете на машине? - нетерпеливо спросил переминавшийся с ноги на ногу Джон. Но хотя в Карвере не осталось и тени зловещей многозначительности, окрасившей ответы Девайну, он вежливо, но решительно отказался.

- По-видимому, я не смогу поехать, - ответил он. - Надо написать много писем. Может быть, вы будете так любезны прокатить кого-нибудь из моих друзей, если уж вам нужен компаньон. Это мистер Смит и отец Браун.

- Конечно! - воскликнул Бенкс. - Пускай все едут!

- Большое спасибо, - ответил отец Браун. - Боюсь, что я не смогу: через несколько минут мне надо уходить.

- Тогда возьмите Смита, - сказал Карвер почти нетерпеливо. - Смотрите, он жаждет прокатиться.

Смит широко ухмылялся и, по всей видимости, не жаждал ничего. Это был деятельный маленький старичок в очень откровенном парике - одном из тех париков, которые ничуть не более естественны, чем шляпа. Желтый оттенок искусственных волос не вязался с бледностью лица.

- Помню, - сказал Смит с каким-то благодушным упрямством, - ехал я по этой дороге десять лет назад в одной из таких штучек. Возвращался от сестры, из Холмгейта, а с тех пор ни разу не ездил тут на машине. Ну и тряска была, скажу я вам!

- Десять лет назад! - насмешливо воскликнул Джон. - Две тысячи лет назад ездили в повозках, запряженных волами. Вы думаете, автомобили не изменились за десять лет?

А дороги? В моей машине даже не чувствуешь, как вращаются колеса. Кажется, что летишь по воздуху.

- Я уверен, что Смит очень хочет полетать, - сказал Карвер. - Это мечта его жизни. Поезжайте в Холмгейт, Смит, навестите сестру. Да вы просто обязаны с ней повидаться! Поезжайте и оставайтесь там на ночь, если хотите.

- Ну, обычно я добираюсь пешком и потому остаюсь ночевать, - сказал старый Смит. - Не стоит из-за этого затруднять молодого человека.

- Вы только представьте себе, как обрадуется ваша сестра, если вы прикатите на машине! - воскликнул Карвер. - В самом деле, надо поехать. Не будьте таким эгоистом.

- Вот именно, - с бодрой благожелательностью подхватил Бенкс. - Не будьте таким эгоистом. Машина вас не укусит. Вы же не боитесь ее, а?

- Ну что ж, - сказал Смит, задумчиво моргая. - Я не хочу быть эгоистом и думаю, что не боюсь.

И они отъехали вдвоем под приветственные взмахи и возгласы, благодаря которым маленькая группа казалась целой толпой. Однако и Девайн, и священник, присоединившиеся к этой церемонии из вежливости, почувствовали, что именно выразительный жест пасечника придал ей законченный характер. И им показалось, что он умеет себе подчинить; что ему трудно противиться.

Когда автомобиль скрылся из виду, Карвер повернулся к ним и порывисто, как бы извиняясь, промолвил:

- Ну вот! - Он произнес это с той занятой сердечностью, которая являет оборотную сторону гостеприимства.

Такое радушие равносильно намеку на то, что пора и честь знать.

- Мне надо идти, - сказал Девайн. - Не будем мешать хлопотливой пчеле. К сожалению, я очень мало знаю о пчелах - порой с трудом отличаю пчелу от осы.

- Я разводил и ос, - ответил таинственный Карвер.

Когда гости прошли по улице несколько ярдов, Девайн, сам не зная почему, обратился к своему спутнику:

- Довольно странная сцена, вам не кажется?

- Да, - ответил отец Браун. - А вам что кажется?

Девайн взглянул на низенького человека в черном, и в его больших серых глазах вновь что-то сверкнуло.

- Мне кажется, - сказал он, - что Карвер всеми силами старался остаться сегодня вечером один в доме. А у вас подозрения не возникли?

- Возможно, и возникли, - ответил священник, - но я не уверен, что они совпадают с вашими.

Когда в тот вечер в саду, окружавшем особняк, совсем сгустились сумерки, Опал Бенкс бродила по темным пустым комнатам еще отрешенней, чем всегда. Если бы кто-нибудь взглянул на нее внимательно, то заметил бы, что ее обычная бледность усилилась. Несмотря на буржуазную роскошь дома, от него веяло унынием, той безотчетной грустью, которую вызывают не старинные, а старые вещи. В доме царили устаревшие моды, а не исторические стили; он был полон предметов настолько недавнего рисунка, что сразу видно было, как они старомодны. То здесь, то там в сумерках поблескивало цветное стекло; комнаты казались узкими из-за высоких потолков, а в конце гостиной, по которой она проходила, было одно из тех круглых окон, которые встречаются в зданиях этой поры. Дойдя примерно до середины комнаты, Опал остановилась и слегка покачнулась, как будто ее ударила по лицу невидимая рука.

Через минуту раздался стук в парадную дверь, приглушенный вторыми, закрытыми дверями. Она знала, что домочадцы на втором этаже, но вряд ли смогла бы объяснить, что побудило ее открыть дверь самой. На пороге стоял приземистый обтрепанный человек, в котором она узнала католического священника по фамилии Браун. Она не была

с ним близко знакома, но он ей нравился. Он ничуть не поддерживал ее точку зрения на духов, но он не отмахивался и не смеялся, а серьезно с ней спорил. Можно сказать, что он сочувствовал ее взглядам, но не соглашался с ними. Все эти мысли пронеслись у нее в голове, когда она сказала, не поздоровавшись и не выслушав его самого:

- Как хорошо, что вы пришли! Я видела привидение.

- Не стоит расстраиваться, - ответил он. - Это часто бывает. Большинство привидений - вовсе и не привидения, а те немногие, которые, возможно, и подлинны, совершенно безобидны. Ваше привидение какое-нибудь особенное?

- Нет, - сказала она, и ей стало легче. - Дело не столько в нем самом... Понимаете, атмосфера была очень страшная... как будто все разлагается, гниет. Я увидела лицо в окне. Бледное, с выпученными глазами, совсем как у Иуды.

- Ну что ж, бывают люди с такой внешностью, - задумчиво произнес священник, - и иногда они заглядывают в окна. Можно мне посмотреть, где это произошло?

Однако когда она вернулась в комнату, там уже собрались другие члены семейства, которые, будучи менее склонны к общению с духами, зажгли свет. В присутствии миссис Бенкс отец Браун вспомнил об общепринятых условностях и извинился за вторжение.

- Боюсь, что слишком бесцеремонно ворвался в ваш дом, миссис Бенкс, сказал он. - Мне очень трудно объяснить, каким образом то, что произошло, касается вас. Я только что был у Пулменов, и вдруг мне позвонили и попросили прийти сюда, чтобы встретиться с человеком, который должен сообщить вам новость, возможно, для вас интересную. Я бы не пришел сюда, если бы не был нужен как свидетель событий в Бичвуд-Хаусе. Фактически именно мне пришлось поднять тревогу.

- Что случилось? - спросила хозяйка.

- Бичвуд-Хаус ограбили, - серьезно сказал отец Браун. - Что хуже всего, исчезли драгоценности леди Пулмен, а ее несчастный секретарь, мистер Бернард, найден в саду.

Очевидно, его застрелил убегающий взломщик.

- Это тот человек! - воскликнула хозяйка. - Наверно, он... - Тут она встретила печальный взгляд священника и замолчала, сама не

понимая почему.

- Я связался с полицией, - продолжал он, - и с другими властями, для которых это дело представляет интерес. Они говорят, даже при первом осмотре удалось обнаружить следы и отпечатки пальцев и другие приметы известного преступника.

В этот момент беседу на минуту прервало появление Джона Бенкса, вернувшегося после неудавшейся поездки.

- Судя по всему... старый Смит оказался неважным пассажиром.

- Струсил в последнюю минуту, - объяснил он с негодованием. - Удрал, пока я осматривал проколотую шину. В жизни больше не свяжусь с этими деревенскими простофилями...

Но жалобам не вняли, ибо в центре внимания был отец Браун и его новость.

- Сейчас явится человек, который снимет с меня ответственность, продолжал священник все с той же значительной сдержанностью. - Когда вы встретитесь с ним, мой долг свидетеля будет выполнен. Мне остается сказать, что служанка в Бичвуд-Хаусе видела лицо в одном из окон.

- Я видела лицо в одном из наших окон, - сказала Опал.

- А, ты вечно видишь лица, - обрезал ее брат Джон.

- Не так уж плохо видеть факты, даже если это лица, - спокойно сказал отец Браун. - Я полагаю, что лицо, которое вы видели...

Снова раздался стук в парадную дверь, и через минуту на пороге появился человек, при виде которого Девайн привстал со стула.

Он был высокий, прямой, с длинным бледным лицом и тяжелым подбородком. Огромный лоб и живые синие глаза Девайн плохо разглядел днем из-за широкополой соломенной шляпы.

- Прошу вас, не вставайте, - отчетливо и учтиво произнес Карвер, но во взбудораженном мозгу Девайна эта учтивость обрела зловещее сходство с учтивостью бандита, направившего на вас пистолет.

- Сядьте, пожалуйста, мистер Девайн, - сказал Карвер, - и, с позволения миссис Бенкс, я последую вашему примеру. Я должен объяснить свой приход. По-видимому, вы подозревали, что я - знаменитый взломщик.

- Подозревал, - мрачно ответил Девайн.

- Как вы правильно заметили, - сказал Карвер, - не всегда легко отличить осу от пчелы.

После паузы он продолжал:

- Что до меня, я - одно из более полезных, хотя и в равной степени несносных насекомых. Я сыщик и сюда пришел, чтобы выяснить, не возобновил ли свою деятельность преступник, именующий себя Майклом Лунатиком. Он специализировался на краже драгоценностей, а сейчас обокрали Бичвуд-Хаус, и, судя по анализам, это его работа. Дело не только в отпечатках пальцев, но и в маскировке - той самой, которой он пользовался, когда был арестован последний раз, а также, по-видимому, и в других случаях. Вы, наверно, слышали об этой простой, но удачной выдумке: он надевал рыжую бороду и большие очки в роговой оправе.

Опал Бенкс в ужасе рванулась вперед.

- Это оно! - вскричала она. - Это лицо, которое я видела! Большие очки, рыжая косматая борода, как у Иуды. Я думала, что это привидение.

- Такое же самое привидение видела и служанка в Бичвуд-Хаусе, - сухо сказал Карвер.

Он положил какие-то бумаги и свертки на стол и начал их бережно разворачивать.

- Как я сказал, - продолжал он, - меня прислали сюда для того, чтобы разузнать о преступных планах Майкла Лунатика. Вот почему я заинтересовался пчелами и поселился у мистера Смита.

Воцарилось молчание, и затем Девайн промолвил:

- Вы действительно хотите сказать, что этот милый старичок...

- Считали же вы, мистер Девайн, - улыбнулся Карвер, - что улей моя ширма. Почему бы и ему не выбрать такую?

Девайн мрачно кивнул, и сыщик склонился к своим бумагам.

- Я подозревал Смита и хотел без него осмотреть его вещи. Поэтому я поддержал любезное предложение Бенкса.

Обыскивая дом, я обнаружил кое-какие любопытные предметы, которые странно видеть в доме престарелого сельского жителя, интересующегося только пчелами. Вот один из них.

Из развернутого пакета он извлек волосатый предмет почти алого цвета такие бутафорские бороды носят в любительских спектаклях. Рядом с ней лежали тяжелые очки в роговой оправе.

Но я наткнулся на одну вещь, которая имеет более непосредственное отношение к этому дому и оправдывает мое

сегодняшнее вторжение. Это записка. В ней указаны названия и предположительная стоимость драгоценностей, владельцы которых живут в вашей местности. Сразу же после тиары леди Пулмен стоит изумрудное ожерелье миссис Бенкс.

Миссис Бенкс, которая до сих пор созерцала нашествие посетителей в надменном замешательстве, при этих словах насторожилась. Ее лицо сразу постарело лет на десять и стало гораздо осмысленнее. Но не успела она вымолвить и слова, как Джон стремительно поднялся во весь рост.

- Тиара уже пропала! - взревел он, как слон. - А ожерелье? Посмотрим, что с ожерельем!

- Неплохая мысль, - сказал Карвер, когда тот ринулся из комнаты. Хотя мы, разумеется, держим ухо востро. Я не сразу расшифровал записку, и когда я заканчивал, позвонил Браун из Бичвуд-Хауса. Я попросил его поспешить сюда и сказать, что последую за ним, а...

Его речь была прервана воплем. Поднимаясь со стула, Опал указывала на круглое окно.

- Вот он, опять! - кричала она.

На какое-то мгновение всем им представилась картина, снявшая с мисс Опал обвинения во лжи и истерии, часто возводившиеся на нее. Лицо, вынырнувшее из синей мглы за окном, было бледным или, возможно, побледнело из-за того, что оно прижалось к стеклу, а большие пристальные глаза, окруженные кольцами, придавали ему сходство с рыбой, заглядывающей из темно-синего моря в иллюминатор корабля. Жабры или плавники этой рыбы были медно-красными. В следующую секунду лицо исчезло.

Девайн одним махом очутился у окна, и тут раздался истошный крик, покачнувший весь дом. Он был настолько оглушитель, что слова слились воедино; однако, услышав его, Девайн понял, что случилось.

- Ожерелье исчезло, - заорал, появившись в дверях, запыхавшийся Джон Бенкс и тотчас исчез сам, рванувшись, как идущий по следу пес.

- Вор только что был у окна! - крикнул сыщик, устремившись в сад за неистовым Джоном.

- Будь осторожен! - причитала хозяйка. - У них пистолеты!..

- У меня тоже, - прогремел голос неустрашимого Джона из темных глубин сада.

Девайн заметил, когда молодой человек пробежал мимо него, что тот вызывающе размахивает револьвером, и от всего сердца пожелал, чтобы это оружие не пришлось пустить в ход. Не успел он это подумать, как раздались два выстрела, вспугнувшие бешеную стаю отзвуков в тихом пригородном саду.

- Джон умер? - спросила Опал дрожащим голосом.

Отец Браун, который продвинулся дальше в темноту и стоял к ним спиной, глядя вниз, ответил ей:

- Нет, это другой.

К нему подошел Карвер, и какое-то время два человека, высокий и низенький, заслоняли картину, освещенную мерцающим и тревожным светом луны. Когда они отошли в сторону, все увидели маленькую сухую фигурку, которая лежала, выгнувшись как бы в последнем усилии. Фальшивая красная борода торчала вверх, насмешливо указуя в небо, а лунный свет играл в больших бутафорских очках человека, которого прозвали Лунатиком.

- Какой конец... - бормотал сыщик Карвер. - После всех его приключений застрелили в пригородном саду, чуть ли не случайно, и кто? Биржевой маклер! Маклер, естественно, относился к своей победе с большей торжественностью, хотя и с некоторым беспокойством.

- Ничего не поделаешь... - проговорил он, все еще дыша с трудом.
- Мне очень жаль. Он стрелял в меня.

- Конечно, будет следствие, - мрачно сказал Карвер. - Но полагаю, вам не о чем беспокоиться. В пистолете, выпавшем у него из рук, не хватает одного патрона; конечно, он не мог стрелять после вас.

К этому времени они снова собрались в комнате, и сыщик сворачивал свои бумаги, готовясь уйти. Отец Браун стоял напротив него, глядя на стол в мрачном раздумье. Затем он внезапно заговорил:

- Мистер Карвер, вы блестяще распутали это сложное дело. Я, признаться, догадывался о ваших занятиях, но не ожидал, что вы так быстро все свяжете - пчел, и бороду, и очки, и шифр, и ожерелье, словом - все.

- Всегда испытываешь удовлетворение, когда доводишь дело до конца, сказал Карвер.

- Да, - отозвался отец Браун, все еще созерцая стол. - Я просто восхищен. - И добавил смиренно, почти испуганно: - Справедливости ради надо сказать, что я не верю ни единому слову.

Девайн наклонился вперед, неожиданно заинтересовавшись:

- Вы не верите, что это взломщик Лунатик?

- Я знаю, что он взломщик, но этого ограбления он не совершал, отвечал отец Браун. - Я знаю, что он не приходил ни сюда, ни в тот большой особняк, чтобы похитить драгоценности и умереть. Где драгоценности?

- Там, где они обычно бывают в таких случаях, - ответил Карвер. - Он или спрятал их, или передал сообщнику.

Это ограбление совершено не одним человеком. Разумеется, мои люди обыскивают сад...

- Может быть, - предположила миссис Бенкс, - сообщник украл ожерелье, когда он заглядывал в окно?

- А почему он заглядывал в окно? - спокойно спросил отец Браун. Зачем ему понадобилось заглядывать в окно?

- Ну, а вы как считаете? - бодро воскликнул Джон.

- Я считаю, - сказал отец Браун, - что ему вовсе и не понадобилось заглядывать в это окно.

- Тогда почему он заглянул? - спросил Карвер. - Какой смысл в таких голословных утверждениях? Все это разыгрывалось на наших глазах.

- На моих глазах разыгрывалось много вещей, в которые я не верил, ответил священник. - Как и на ваших - в театре, например.

- Отец Браун, - проговорил Девайн, и в голосе его послышалось почтение, - не расскажете ли вы нам, почему вы не верите собственным глазам?

- Попытаюсь рассказать, - мягко ответил священник. - Вы знаете, кто я такой и кто мы такие. Мы не очень надоедаем вам. Мы стараемся быть друзьями всем нашим ближним. Но не думайте, что мы ничего не делаем. Не думайте, что мы ничего не знаем. Мы не вмешиваемся в чужие дела, но мы знаем тех, кто нас окружает. Я очень хорошо знал покойного - я был его духовником и другом. Когда сегодня он отъезжал от своего сада, я видел его душу так ясно, насколько это дано человеку, и душа его была, как стеклянный улей, полный золотых пчел. Сказать, что его перерождение искренне, -

значит не сказать ничего. Это был один из тех великих грешников, чье раскаяние приносит лучшие плоды, чем добродетель многих других. Я сказал, что был его духовником, однако на самом деле это я ходил к нему за утешением. Общество такого хорошего человека приносило мне пользу. И когда я увидел, как он лежит в саду мертвый, мне послышалось, что над ним звучат удивительные слова, произнесенные давным-давно. И они действительно могли бы прозвучать, ибо, если когда-нибудь человек попадал прямо на небо, это был он.

- А, черт, - нетерпеливо сказал Джон Бенкс. - В конце концов он всего-навсего осужденный вор.

- Да, - ответил отец Браун, - и в этом мире только осужденный вор услышал: "Ныне же будешь со Мною в раю" {См.: Лк. 23,43}.

Все почувствовали себя неловко в наступившей тишине, и Девайн резко сказал:

- Как же вы объясните все это?

Священник покачал головой.

- Пока я еще не могу объяснить, - ответил он просто. - Я заметил несколько странностей, но они мне неясны. У меня еще нет никаких доказательств, я просто знаю, что он невиновен. Но я абсолютно уверен в своей правоте.

Он вздохнул и протянул руку за большой черной шляпой. Взяв ее, он остановился, по-новому глядя на стол и склонив набок круглую голову. Можно было подумать, что из его шляпы, как из шляпы фокусника, выскочило диковинное животное. Но другие не увидели на столе ничего, кроме документов сыщика, безвкусной бутафорской бороды и очков.

- Боже мой! - пробормотал отец Браун. - Ведь он лежит мертвый, в бороде и очках!

Вдруг он повернулся к Девайну:

- Вот за что можно хватиться, если хотите! Почему у него две бороды?

И он торопливо и, как всегда, неловко вышел из комнаты. Девайн, которого теперь съедало любопытство, последовал за ним в сад.

- Сейчас я еще не могу вам ничего сказать, - говорил отец Браун. - Я не уверен и не знаю, что делать. Заходите ко мне завтра, и, может быть, я вам все расскажу. Возможно, все уляжется у меня в голове. Вы слышали шум?

- Это автомобиль, - отвечал Девайн.
- Автомобиль Джона Бенкса, - сказал священник. - Наверно, он очень быстро ездит?
- Во всяком случае, он так думает, - ответил Девайн, улыбаясь.
- Сегодня он будет ехать быстро и уедет далеко, - заметил Браун.
- Что вы хотите этим сказать? - спросил его собеседник.
- Я хочу сказать, что он не вернется, - отвечал священник. - Из моих слов ему стало ясно, что я что-то знаю.

Джон Бенкс уехал, а вместе с ним - изумруды и все драгоценности.

На следующий день Девайн застал отца Брауна, когда тот печально, но умиротворенно прогуливался взад и вперед перед рядом ульев.

- Я заговариваю пчел, - сказал он, - Видите ли, кто-то должен заговаривать пчел, "поющих зодчих этих крыш золотых". {Шекспир В. "Генрих V", акт I, сцена 2} Какая строка!- и он прибавил отрывисто: - Его бы огорчило, если бы пчелы остались без присмотра.

- Полагаю, его бы огорчило, если бы на людей не обращали никакого внимания, когда они всем роем гудят от любопытства, - сказал молодой человек. - Вы были правы, Бенкс уехал, прихватив драгоценности. Но я не представляю себе, как вы догадались и о чем вообще можно было догадаться.

Отец Браун благожелательно прищурился на ульи и сказал:

- Бывает, как будто спотыкаешься обо что-то, а в этом деле с самого начала был камень преткновения. Меня озадачило, что в Бичвуд-Хаусе застрелили бедного Бернарда.

Ведь даже когда Майкл был профессиональным преступником, для него было вопросом чести, даже вопросом тщеславия никого не убивать. Мне показалось невероятным, чтобы теперь, почти святым, он совершил грех, который презирал грешником. Над всем остальным я ломал голову до самого конца. Я ничего не мог понять, кроме одного - все это неправда. Затем, с некоторым опозданием, меня осенило, когда я увидел бороду и очки и вспомнил, что вор явился с другой бородой и в других очках. Конечно, у него могли быть запасные, однако по меньшей мере странно, что он не надел ни старые очки, ни старую бороду, которые были в хорошем состоянии. Правда, не исключено, что он вышел без них и ему пришлось доставать новые; но

это маловероятно. Ничто не заставляло его ехать с Бенксом; если он действительно собирался совершить ограбление, он легко мог уместить эти принадлежности в кармане. К тому же бороды не растут на деревьях. Ему было бы нелегко быстро их раздобыть. Словом, чем больше я думал об этом, тем больше чувствовал: что-то нечисто с этой новенькой бородой. И тогда до моего сознания начала доходить та истина, которую я уже чувствовал. У него и в мыслях не было уезжать с Бенксом. Он и не думал надевать личину. Кто-то другой заранее смастерил ее и потом надел на него.

- Надел на него! - повторил Девайн. - Как же это удалось?

- Вернемся назад, - сказал отец Браун, - и взглянем на вещи через окно, в котором девушка увидела привидение.

- Привидение! - повторил другой, слегка вздрогнув..

- Она назвала его привидением, - спокойно сказал маленький человек, и, возможно, она не так уж заблуждалась. Она действительно ощущает духовные вещи. Ее единственное заблуждение в том, что она связывает это со спиритизмом. Некоторые животные чувствуют мертвецов... Во всяком случае, у нее болезненная чуткость, и она не ошиблась, почувствовав, что лицо в окне окружено ореолом смерти.

- Вы имеете в виду... - начал Девайн.

- Я имею в виду, что в окно заглядывал мертвец, - ответил отец Браун. - Мертвец бродил вокруг домов и заглядывал не в одно окно. Правда, мороз по коже подирает? Однако это было привидение наоборот: не гротеск души, освобожденной от тела, а гротеск тела, освобожденного от души.

Он снова прищурился на улы и продолжал:

- Наверное, проще и короче всего взглянуть на вещи глазами человека, который все и сделал. Вы знаете его. Это Джон Бенкс.

- Вот уж кого я заподозрил бы в последнюю очередь, - сказал Девайн.

- Я заподозрил его в первую очередь, - возразил отец Браун, насколько я вообще вправе подозревать человека.

Мой друг, нет хороших или плохих социальных типов и профессий. Любой человек может стать убийцей, как бедный Джон, и любой человек, даже тот же самый, может стать святым, как бедный Майкл. Но есть один социальный тип, представители которого иногда бывают безнравственней, чем другие, и это довольно неприятный

класс дельцов. У них нет социального идеала, не говоря уже о вере; у них нет ни традиций джентльмена, ни классовой чести тред-юниониста. Когда он хвастал выгодными сделками, он ведь хвастал тем, что надул людей. Его насмешки над жалким спиритизмом сестры были отвратительны. Конечно, ее мистицизм - абсолютная чушь, но он не выносил разговоров о духах только потому, что это разговоры о духовном. Во всяком случае, он был театральным злодеем, которого привлекало участие в весьма оригинальной и мрачной постановке.

Действительно ново и совершенно необычно использовать труп в качестве реквизита - что-то вроде ужасной куклы или манекена. Когда они ехали, он решил убить Майкла в машине, а потом привезти его домой и притвориться, будто убил его в саду. А фантастические завершающие штрихи возникали у него в мозгу при мысли о том, что у него, в закрытой машине, ночью находится мертвое тело известного взломщика, которого легко можно узнать. Он мог оставить отпечатки его пальцев и следы, мог прислонить знакомое лицо к окну и убрать его. Вспомните, что Майкл "появился" и "исчез", когда Бенкс вышел из комнаты посмотреть, на месте ли изумрудное ожерелье.

И наконец ему осталось только швырнуть труп на лужайку и выстрелить из обоих пистолетов. Никогда бы никто ничего не обнаружил, если бы не две бороды.

- Почему ваш друг Майкл хранил старую бороду? - задумчиво спросил Девайн. - Это кажется мне подозрительным.

- Мне это кажется естественным, - ответил отец Браун. - Все его поведение было как парик, который он носил.

Его личина ничего не скрывала. Ему больше не нужна была старая маска, но он ее не боялся, и для него было бы фальшью уничтожить фальшивую бороду. Это было бы все равно что спрятаться, а он не прятался. Он не прятался от Бога, он не прятался от себя. Он был весь на виду. Если бы его снова посадили в тюрьму, он был бы все равно счастлив. Он не обелился, он очистился. В нем было что-то очень странное, почти такое же странное, как гротескный танец смерти, в котором его протащили мертвым. Даже когда он, улыбаясь, прогуливался среди улыев, он был мертв в самом лучезарном и сияющем смысле слова. Он был недостижим для суждений этого мира.

Они смущенно помолчали, и потом Девайн сказал:

- И мы снова возвращаемся к тому, что пчелы и осы очень похожи.

ПЕСНЯ ЛЕТУЧЕЙ РЫБЫ

Все мысли мистера Перегринна Смарта, как мухи, вертелись вокруг одного любимого достояния и одной излюбленной шутки. Это была безобидная шутка просто он всех спрашивал, видели ли они его золотых рыбок. Шутка эта была еще и очень дорогая; но мистер Смарт втайне тешился ею, по всей вероятности, даже больше, чем самим сокровищем. Заговорив с кем-нибудь, кто жил по соседству, в новых домах, окруживших старую деревенскую лужайку, он не мешкая подводил разговор к предмету своего обожания.

Доктор Бердок был подающий надежды молодой биолог, с решительным подбородком и зачесанными на немецкий лад черными волосами; и мистер Смарт сделал переход без труда: "Вот вы интересуетесь естественной историей, а моих золотых рыбок не видели?" Доктору, убежденному стороннику эволюции, вся природа представлялась единой, но все же на первый взгляд связь была далековата, поскольку этот специалист был всецело поглощен происхождением жирафы.

Отец Браун был священником католической церкви в соседнем местечке; в беседе с ним мысль мистера Смарта стремительно пробежала цепь логических звеньев: католичество - Рим - апостол Петр - рыбак - золотые рыбки. С мистером Имлаком Смитом, банковским управляющим - хрупким и бледным господином, щеголеватым в одежде, хотя и скромным в обхождении, - он резким рывком свернул разговор к золотому стандарту, от которого до золотых рыбок оставался уже один шаг. Виконт Ивон де Лара (титолом француз, а лицом скорее русский, если не татарин) был блестящий путешественник, исследователь Востока; поэтому эрудированный и находчивый мистер Смарт, выразив пристальный интерес к Гангу и Индийскому океану, непринужденно перешел к вопросу о том, обитают ли в тамошних водах золотые рыбки. У мистера Гарри Хартоппа, очень богатого, но очень застенчивого и молчаливого человека, который только что приехал из Лондона, он выудил в конце концов признание, что рыбная ловля его не интересует, и тогда прибавил: "Кстати о рыбной ловле, а моих рыбок вы уже видели?"

Золотые рыбки были примечательны тем, что их сделали из золота. Эту эксцентричную, но дорогую безделушку изготовили когда-то по прихоти некоего восточного принца, и мистер Смарт подцепил ее не то на распродаже, не то в антикварной лавке, которые усердно посещал, стремясь оснастить свой дом бесполезными вещами поредкостнее. Шагах в десяти казалось, что это - чаша довольно необычных размеров, в которой плавают необычных же размеров живые золотые рыбки. Вблизи, однако, она оказывалась огромным дутым шаром великолепного венецианского стекла; по тонкому этому стеклу был наведен легкий радужный флер, и под ним, среди разноцветных теней, висели неестественно большие рыбы из золота, с крупными рубинами вместо глаз.

Все это сооружение, несомненно, было очень дорогим, особенно если учесть безумие, которому подвержены коллекционеры. Даже новый секретарь мистера Смарта Фрэнсис Бойл, хотя и был ирландцем, к тому же не наделенным особой осмотрительностью, и тот не без удивления слушал, как беспечно разглагольствует его патрон о своих драгоценностях перед едва знакомыми людьми, которых в эти места, как праздных бродяг, привел случай, - ведь коллекционеры обыкновенно осторожны и даже скрытны. Входя в курс своих новых обязанностей, мистер Бойл убедился, что и у других это вызывало сходные чувства - от легкого удивления до решительного неодобрения.

- Удивляюсь, что ему еще не перерезали горло, - сказал камердинер мистера Смарта с затаенной иронией, точно хотел на самом деле сказать: "Огорчаюсь" (разумеется, в переносном смысле).

- Удивляюсь, как он не бережет свое добро, - сказал главный конторщик мистера Смарта, который оставил дела в конторе, чтобы помочь новому секретарю. - Он ведь и ветхого засова не побеспокоится задвинуть на своих ветхих дверях.

- Я вообще удивляюсь, - сказала домоправительница мистера Смарта с той категоричностью и с той туманностью, которыми бывали отмечены ее суждения. - Ну ладно еще отец Браун или там доктор, но когда он говорит с иностранцами, это, я считаю, значит испытывать судьбу. Дело не только в виконте; тот, из банка, тоже слишком уж желтый для англичанина.

- Ну, Хартопп-то англичанин, - благодушно ответил Бойл, - настолько англичанин, что и слова о себе не скажет.

- Значит, много о себе думает, - заявила домоправительница. - Может, он и не иностранец, только он не такой уж дурак. Я считаю, чужаком кажется - чужаком и окажется, - многозначительно прибавила она.

Ее неодобрение, несомненно, усугубилось бы, если бы она слышала разговор в гостиной в тот же день, под вечер, - разговор, в котором речь шла о золотых рыбках, а ненавистный ей иностранец занимал чуть ли не центральное место.

Он не так уж много и говорил, но даже молчание у него было каким-то значительным. Восседал он на ворохе подушек, и в сгущавшихся сумерках его широкое монгольское лицо распространяло, подобно луне, неяркое сияние. Его азиатские черты становились еще заметнее в этой комнате, похожей на склад раритетов, где в хаосе прихотливых линий и огненных красок глаз различал бесчисленные сабли и кинжалы, музыкальные инструменты, иллюминированные манускрипты. Как бы там ни было, а Бойлу чем дальше, тем больше казалось, что фигура на подушках, черная в полумраке, напоминает огромное изображение Будды.

Беседа шла на довольно общие темы, так как в ней участвовало все маленькое местное общество. Собственно говоря, его члены уже привыкли собираться по очереди то у одного, то у другого, и к этому времени они образовали как бы клуб, состоящий из обитателей четырех или пяти домов вокруг зеленой лужайки. Из них самым старинным, большим и живописным был дом Перегринна Смарта; он почти целиком занимал одну из сторон квадрата, и рядом помещалась только маленькая вилла, где жил отставной полковник по фамилии Варни, как говорили - инвалид, который никогда и никуда не выходил. Под прямым углом к этим домам стояли две или три мелочные лавчонки да гостиница "Голубой дракон", в которой остановился приехавший из Лондона мистер Хартопп. По противоположную сторону было три дома: один снимал виконт де Лара, другой - доктор Бердок, третий стоял пустой. Четвертую сторону занимал банк и примыкавший к нему домик управляющего, а дальше шел участок, оставленный для застройки и огороженный забором.

Это была, таким образом, очень замкнутая компания, и одиночество в довольно пустынном на многие мили краю спланивало ее еще теснее. В тот вечер, однако, их магический круг разомкнул посторонний - некий субъект с мелкими чертами лица и свирепыми торчащими усами, одетый так бедно, что был, наверное, миллионером или герцогом, если и в самом деле приехал сюда, чтобы совершить сделку со старым коллекционером. Впрочем, в гостинице "Голубой дракон" он был известен под именем мистера Хармера.

Ему тоже расписали великолепие золотых рыбок, не забыв покритиковать владельца, который так небрежно их хранит.

- Да, все говорят, что с ними надо быть поосторожней, - сказал мистер Сарт, выгибая бровь и бросая многозначительный взгляд на конторщика, который дожидался с какими-то бумагами. Сарт был округлый лицом и телом пожилой человек, чем-то напоминая лысого попугая. - Джеймсон и Харрис все пристают ко мне, чтобы я запираю двери на засов, как в старинной крепости, да эти проржавевшие засовы сами такие старинные, что вряд ли кому помешают войти. Я больше полагаюсь на фортуна и нашу полицию.

- И лучшие запоры не всегда оградят от вторжений, - сказал виконт. Все зависит от того, кто хочет войти. Однажды индус-отшельник, который нагим жил в пещере, проник сквозь тройное кольцо монгольских воинов, похитил большой рубин с тюрбана самого правителя и вышел обратно, невредимый, как тень. Он хотел показать сильным мира сего, как могущественны тонкие законы пространства и времени.

- Если изучить эти самые тонкие законы, - сухо заметил доктор Бердок, - то всегда можно разобраться, как проделывают такие штуки. Западная наука немало прояснила в восточной магии. Бесспорно, что многое делается с помощью гипноза и внушения, а то и просто ловкостью рук.

- Рубин был не в царском шатре, - проронил виконт не то задумчиво, не то сонно. - Индус разыскал его среди сотни других шатров.

- А телепатией этого объяснить нельзя? - раздраженно спросил доктор.

Вопрос прозвучал тем более резко, что за ним последовала полная тишина, как будто знаменитый путешественник по недостатку

воспитанности задремал. Впрочем, он тут же встряхнулся и сказал с неожиданной улыбкой:

- Прошу прощения, я забыл, что мы изъясняемся словами. На Востоке мы привыкли разговаривать мысленно и поэтому всегда правильно понимаем друг друга. Удивительно, до чего вы здесь боготворите слова и доверяете им. Вы сейчас упомянули о телепатии, могли и вовсе отмахнуться - дескать, фокусы, - а что от этого меняется? Если вам скажут, что кто-то взобрался на небо по манговому дереву, какая разница, назвать это левитацией или просто враньем?

Если бы средневековая ведьма взмахом волшебной палочки превратила меня в голубого бабуина, вы и то усмотрели бы в этом всего лишь атавизм.

Доктор явно хотел ответить, что от такого превращения мало что изменилось бы, но тут в разговор грубовато вмешался приезжий, которого звали Хармер:

- Конечно, индийские факиры мастера на разные штуки, но замечу, ведь делается это большей частью в Индии.

Там им, видимо, помогают свои люди или просто психология толпы. Вряд ли такие трюки удавались в английской деревне, так что, по-моему, рыбки нашего друга здесь в полнейшей безопасности.

- Вот я расскажу вам один случай, - все так же не шевелясь, проговорил виконт де Лара, - который произошел не в Индии, а перед штабом английских войск в самом современном районе Каира. Во дворе штаба стоял часовой и поглядывал сквозь решетку железных ворот на улицу. Снаружи к воротам подошел оборванец, босой и в туземных лохмотьях, и спросил его на чистом и правильном английском языке об одном документе, хранившемся в штабе. Солдат, разумеется, ответил, что внутрь ему хода нет, а туземец усмехнулся и сказал: "А вот посмотрим, что снаружи, что - внутри". Часовой еще глядел на него пренебрежительно сквозь решетку, когда вдруг увидел, что хотя и он, и ворота вроде бы остались на прежних местах, но сам он оказался на улице и смотрит во двор, где как ни в чем не бывало ухмыляется тот самый оборванец, который тоже не сделал ни шага. Потом тот повернулся к зданию штаба. Тогда часовой опомнился и крикнул солдатам во дворе, чтобы они схватили лазутчика. "Ладно, ты все равно не выйдешь наружу", - мстительно сказал он. Оборванец

откликнулся звонким голосом: "Посмотрим, что внутри, а что снаружи". И солдат увидел, что от улицы его опять отделяют прутья ворот, а ухмыляющийся туземец, целый и невредимый, очутился на улице и держит в руке бумажку.

Мистер Имлак Смит, управляющий банком, который все время слушал, склонив голову и глядя на ковер, тут впервые заговорил:

- А что случилось с документом? - спросил он.

- Безупречный профессиональный инстинкт, - с иронической любезностью заметил рассказчик. - Да, это действительно был важный финансовый документ. Последствия имели международный резонанс.

- Остается надеяться, что такие происшествия случаются нечасто, хмуро проронил молодой Хартопп.

- Меня интересует не политическая сторона дела, - безмятежно продолжал виконт, - а философская. Из этого примера видно, как умудренный человек может обойти время и пространство и, манипулируя, так сказать, их рычагами, повернуть весь мир. Но вам-то, друзья мои, трудно поверить в духовные силы, которые могут быть сильнее материальных.

- Что ж, - с живостью сказал старый Смит, - я-то, конечно, не авторитет по части духовных сил. А вот что скажете вы, отец Браун?

- Меня поражает, - ответил тот, - что все сверхъестественные деяния, о которых мы слышали, совершались ради кражи. А крадут духовными средствами или материальными - это, по-моему, все равно.

- Отец Браун человек простой, - усмехнулся Смит.

- Пусть так, простые люди мне близки, - сказал Браун. - Они знают свою правоту, даже если не могут ее доказать.

- Уж очень это мудрено для меня, - бесхитростно признался Хартопп.

- Может быть, - с улыбкой сказал маленький священник, - вам больше подошло бы изъясняться без слов, как предлагает виконт. Он поддел бы вас бессловесной колкостью, а вы ответили бы ему беззвучным взрывом негодования.

- Не стоит забывать о музыке, - сонно пробормотал виконт, - иной раз она действует лучше слов.

- Пожалуй, это мне было бы понятнее, - тихо ответил молодой человек.

Бойл следил за разговором с внимательным любопытством, потому что участники его держались как-то особенно и даже необыкновенно. Флюгер беседы лениво качнулся в сторону музыки; все взгляды обратились на Имлака Смита он был неплохим музыкантом-любителем. Тогда молодой секретарь вспомнил вдруг о служебных обязанностях и указал хозяину на главного конторщика, который терпеливо дожидался с бумагами в руке.

- Ах, да не морочьте с ними голову, Джеймсон! - торопливо сказал Смарт. - Это по поводу моего счета, только и всего; я потом поговорю об этом с мистером Смитом. Да, мистер Смит, так вы говорили о виолончели...

Но холодное дыхание мирских дел успело развеять благоухание метафизической дискуссии, и гости стали один за другим прощаться. Имлак Смит остался последним, и когда другие откланялись, они с хозяином удалились во внутреннюю комнату, где стоял сосуд с золотыми рыбками, и притворили за собою дверь.

Дом был продолговатый и узкий, с крытым балконом вдоль второго этажа, который почти весь занимали покои самого хозяина: его спальня, гардеробная, а также темная комнатка, куда иногда прятали на ночь самые ценные предметы, хотя обычно их держали в нижнем этаже. Этот балкон, как и ненадежная дверь внизу, постоянно тревожил домоправительницу, главного конторщика и всех других, кто сетовал на беспечность хозяина. Однако старый хитрец был на самом деле осторожнее, чем казалось. Он не особенно полагался на обветшалые запоры старого дома, которые, если верить жалобам домоправительницы, ржавели в бездействии, но зато разработал более тонкую стратегию. Своих рыбок он всегда водворял на ночь в маленькую комнатку позади спальни и с пистолетом под подушкой спал перед самой ее дверью.

Когда Бойл с Джеймсоном увидели, что он возвращается после уединенной беседы, в руках он нес драгоценный сосуд, да так благоговейно, будто это мощи святого.

Последние лучи заката еще не спешили расстаться с зеленой лужайкой, но в доме уже засветили лампу, и в этом разнородном свете переливчатый стеклянный шар мерцал, точно исполинский самоцвет,

а причудливые очертания огненных рыб, похожие на потусторонние тени, явленные прорицателю в глубине магического кристалла, придавали ему сходство с таинственным талисманом. Над плечом мистера Смарт, словно сфинкс, виднелось оливковое лицо мистера Смита.

- Сегодня вечером я уезжаю в Лондон, мистер Бойл, - сказал Смарт озабоченней, чем обычно. - Мы с мистером Смитом хотим успеть на шесть сорок пять. Я попросил бы вас, Джеймсон, переночевать сегодня у меня наверху. Если поставить рыбок, как обычно, в задней комнате, им ничто не будет угрожать. Но ничего, я думаю, и не случится.

- Случиться может что угодно и где угодно. - Мистер Смит усмехнулся. Сами-то вы ложитесь всегда с револьвером. Может быть, стоит оставить его сегодня дома?

Перегрин Смарт ничего не ответил, и они с гостем вышли из дома.

Секретарь и старый клерк расположились на ночь, как и было им сказано, в спальне хозяина. Точнее говоря, Джеймсон устроился в гардеробной, но дверь в спальню оставил незакрытой, и обе комнаты превратились как бы в одну. В самой спальне было длинное французское окно, выходящее на упомянутый балкон, и еще одна дверь - в темную комнатку, куда для сохранности поместили драгоценный шар.

Поперек этой двери Бойл поставил свою кровать, потом положил под подушку револьвер, разделся и лег, чувствуя, что принял все возможные меры предосторожности на случай невозможного или невероятного происшествия обычного грабежа. Духовные же грабежи из рассказов знаменитого путешественника если и припоминались ему сейчас, на пороге сна, то по той единственной причине, что и сами состояли из субстанции, родственной снам. Вскоре, однако, и эти мысли перешли в дремотные мечты, перемежавшиеся дремой без сновидений. Старик конторщик был, разумеется, более суетлив; но, повозившись и повторив по многу раз все свои предостережения и жалобы, он тоже отошел ко сну.

Луна воссияла над зеленой лужайкой, окруженной серыми глыбами домов, и опять потускнела, никем не замеченная на

безлюдной и безмолвной земле. И вот, когда темный свод неба прорезали первые трещины рассвета, непредвиденное случилось.

Бойл был моложе своего товарища и, естественно, спал здоровее и крепче. Всегда бодрый после пробуждения, просыпался он, однако, тяжело, будто ворочал камни; да и сны цеплялись за его оживавший рассудок, словно щупальца осьминога. В их мешанине среди прочего был зеленый квадрат площади с четырьмя серыми дорогами, которые он видел с балкона перед сном. Только теперь они все время меняли форму, смещались и головокружительно вращались под аккомпанемент низкого рокотания, похожего на гул подземной реки, каким ему, должно быть, казался сквозь дрему храп старика Джеймсона в гардеробной. Но в мозгу спящего этот неясный шум и коловращение как-то смутно связывались со словами виконта де Лара о премудрости, позволяющей манипулировать рычагами времени и пространства и поворачивать мир. Ему чудилось, будто какой-то необъяснимый механизм в преисподней, урча, перемещает земные ландшафты, так что край света может оказаться в соседском саду, а сад перенестись за тридевять земель.

Первыми до его сознания дошли слова песни, которую напевал в сопровождении тонкого металлического звука голос с иностранным акцентом, странный и вместе с тем смутно знакомый. Но молодой человек не был пока уверен, не сам ли он складывает во сне стихи:

По зову скрипки колдовской Летучих рыб косяк золотой Сквозь время и простор спешит Домой...

Бойл с усилием поднялся с постели и увидел, что его напарник уже на ногах. Джеймсон выглядывал в длинное окно, выходящее на балкон, и окликал кого-то на улице.

- Кто там такой! - сурово кричал он. - Что вам здесь надо?

Потом всполошенно повернулся к Бойлу:

- Тут кто-то бродит у самого дома. Я знал, всякое может случиться. Пойду вниз, запру дверь, что б там ни говорили.

Он со всех ног бросился вниз по лестнице, и Бойл услышал гроыхание запоров. Молодой человек вышел на балкон, всмотрелся в серую ленту дороги, ведущей к дому, и ему подумалось, что он еще не проснулся. На темной дороге, пересекавшей пустошь, поросшую скромным северным вереском, и выходящей на площадь обыкновенной английской деревушки, маячила фигура, точно прямо

из джунглей или с восточного базара - ни дать ни взять, живой героиней виконтовых историй или "Тысячи и одной ночи". Призрачные серые сумерки, в которых на рассвете начинают обозначаться и обесцвечиваются все предметы, медленно расступались, будто раздвигалась мутная кисейная занавеска, и показался человек в причудливом одеянии. Широкая и длинная ткань пронзительно голубого цвета охватывала его голову, словно тюрбан, и закрывала подбородок, так что получалось что-то вроде башлыка. Лицо походило на маску - полотнище, обернутое вокруг головы, прилегало плотно, как вуаль. Голова была склонена к какому-то диковинному музыкальному инструменту, не то стальному, не то серебряному, похожему на странно изогнутую или переломленную скрипку. Вместо смычка было что-то вроде серебряного гребня, и звуки выходили поразительно тонкие и резкие. Не успел Бойл открыть рот, как из-под башлыка раздался тот же голос с навязчивым акцентом:

Как птички райские в свой сад, Златые рыбки прилетят Ко мне...

- Какое вы имеете право!.. - возмущенно закричал Бойл, сам не очень сознавая, что говорит.

- Я имею право на золотых рыб, - ответил человек на дороге, точно царь Соломон, а не босоногий бедуин в синем балахоне. - И они откликнутся на мой зов. Слушайте!

Резко повысив голос на последнем слове, он прикоснулся к своей странной скрипке. Раздался пронзительный звук, он впился в мозг, а затем, точно ответом ему, послышался более слабый дрожащий стон. Он исходил из темной комнаты, где хранилась драгоценная чаша. Бойл бросился туда, и в этот момент вибрирующее эхо перешло в долгий напряженный звон, напоминавший электрический звонок, а потом - в глухой треск. Он окликнул оборванца всего несколько секунд назад, но старый клерк уже показался на верху лестницы, немного запыхавшись, поскольку возраст давал себя знать.

- Ну вот, дверь я запер, - сказал он. - Кто его знает, что этому соловью здесь понадобилось.

- Что ж, птичек он сманил, - отозвался Бойл из темной внутренней комнаты. - Клетка опустела.

Джеймсон бросился туда и застал молодого человека над грудой цветного стекла, устилавшего пол осколками разбитой радуги.

- Как это сманил, каких птичек? - спросил Джеймсон.

- Птички упорхнули, - твердил Бойл. - Рыбки улетели. Летучие были рыбки! Нашему приятелю-факиру стоило только свистнуть, и они исчезли.

- Как же он мог? - взорвался конторщик, точно речь шла о нарушении приличий.

- Да уж мог, - коротко ответил Бойл. - Вот и разбитый шар. Вскрыть его сразу не вскрыешь, а чтобы разбить, довольно секунды. И рыбы исчезли - как, одному Богу известно, хотя, по-моему, спросить следовало бы этого молодчика.

- Мы теряем время, - напомнил Джеймсон, - надо сейчас же искать его.

- Нет, надо звонить в полицию, - возразил Бойл. - Им легче его перехватить, у них автомобили и телефоны, это вам не то что гоняться по деревне в ночных рубашках.

Только, боюсь, бывают такие взломщики, что за ними ни на каких автомобилях не угонишься.

Пока взбудораженный Джеймсон говорил по телефону с полицейским участком, Бойл снова вышел на балкон и посмотрел вокруг. Нигде не было человека в тюрбане и вообще никаких признаков жизни, разве что в гостинице "Голубой дракон" опытный глаз мог бы заметить слабое движение.

Однако сейчас Бойл понял то, что все время отмечал подсознательно, словно какая-то мысль барахталась в мозгу и требовала ясности. Сводилась она к тому, что серый ландшафт перед ним не был монотонно бесцветным мутную мглу разрывал яркий прямоугольник, в одном из домов напротив светилось окно. Что-то, вопреки здравому смыслу, говорило Бойлу, что оно горело всю ночь и лишь поблекло с рассветом. Он пересчитал дома, и результат как будто совпадал с чем-то, хотя и не понятно, с чем. Так или иначе, это был дом виконта де Лара.

Приехал с несколькими полисменами инспектор Пиннер и выполнил несколько неотложных дел, вполне сознавая, что самая вздорность драгоценной безделушки наделает шума в газетах. Он все осмотрел, все обмерил, снял показания под присягой, взял отпечатки пальцев, всем надоел до тошноты и в конце концов встал перед фактом, в который не мог поверить. Некий обитатель аравийской пустыни прошествовал как ни в чем не бывало по деревенской дороге

и остановился перед домом мистера Смарта, где во внутренней комнате хранился сосуд с рыбами из золота. Затем он не то пропел, не то продекламировал несколько рифмованных строк, и сосуд разорвался, точно бомба, причем рыбы бесследно исчезли. Инспектор нимало не утешился и тогда, когда иностранец виконт мягким, мурлыкающим голосом сообщил ему, что это происшествие расширяет границы наших знаний.

Да и в поведении каждого вполне сказался его характер.

Сам мистер Смарт услышал о своей потере, вернувшись утром из Лондона. Разумеется, он был потрясен; но так уж был устроен этот задорный, хотя и немного вздорный человек, напомилавший задиристого воробья, что он, не поддавшись унынию, бодро занялся поисками. Джентльмен по фамилии Хармер приехал сюда специально, чтобы купить рыбок, и некоторое раздражение в нем, когда он узнал, что купить их уже нельзя, было бы вполне понятно. Однако его свирепые усы выражали нечто большее, чем досада, а взгляд, которым он пронизывал присутствующих, был полон настороженности, чтоб не сказать подозрительности.

Бледное лицо банковского управляющего, также вернувшегося из Лондона, только позднее, притягивало этот сверлящий, нервный взгляд, словно магнит. Из двух остальных вчерашних собеседников отец Браун, если с ним не заговаривали, по большей части молчал, а ошеломленный Хартопп не отвечал, даже когда к нему обращались.

Виконт же не мог пропустить случая, чтобы укрепить позиции в принципиальном споре, он улыбнулся своему противнику-рационалисту, как улыбаются, зная, что можно сердить самой сердечностью обхождения.

- Согласитесь, доктор, - сказал он, - по крайней мере некоторые из случаев, которые вы считали невероятными, сегодня более правдоподобны, чем вчера. Если какой-то бродяга сумел, прочтя стишок, разрушить крепкий сосуд, да к тому же за двойной стеной, это неплохо подтверждает мои слова о духовных силах и материальных преградах.

- Это ничуть не хуже подтверждает и мои слова, - едко отпарировал доктор. - Если обладать малой толикой научных знаний, то можно дать объяснение и таким проделкам.

- Что же, доктор, - не без волнения спросил Смарт, - вы в самом деле можете хоть отчасти прояснить эту загадку?

- Я могу разъяснить то, что называет загадкой виконт, - сказал доктор, - потому что загадки тут никакой и нет. Эта сторона дела просто тривиальна. Звук представляет собой колебания воздуха, и они могут разрушать стекло, ее? ли колебания - определенного рода, а стекло - определенной структуры. Похититель не передавал мысленных приказаний по методу, к которому, по словам виконта, прибегают на Востоке, когда хочется поболтать. Он спел, что на ум взбрело, и провел по нужной струне. Таких экспериментов сколько угодно - звуком раскалывали стекло определенного состава.

- И при этом исчезало несколько кусков чистого золота, - невозмутимо прибавил виконт.

- Вот идет инспектор Пиннер, - сказал Бойл. - Между нами говоря, я думаю, что ему естественная теория доктора показалась бы такой же сказкой, как и сверхъестественная версия виконта. Недоверчивый он человек, мистер Пиннер, особенно относительно меня. Уверен, что я у него на подозрении.

- Можете быть уверены, мы все на подозрении, - заметил виконт.

Это подозрение и побудило Бойла искать совета у отца Брауна. Когда несколько часов спустя они прогуливались вокруг зеленой площади, священник, который задумчиво и хмуро слушал, глядя в землю, вдруг остановился.

- Смотрите-ка! - сказал он. - Здесь мыли панель, только здесь - у дома полковника Варни. Интересно бы знать, вчера или сегодня.

Он испытующе оглядел дом, высокий и узкий, с рядами полосатых жалюзи, когда-то ярких, но теперь выцветших.

Щели, сквозь которые виднелась внутренность дома, были еще темнее и казались черными трещинами на фасаде, золотом в лучах утреннего солнца.

- Это ведь дом полковника Варни? - уточнил Браун. - Он, кажется, тоже приехал с Востока. А что он за человек?

- Я никогда его не видел, - ответил Бойл. - Да, по-моему, и другие, кроме разве доктора Бердока, но и тот бывает у него не чаще, чем необходимо.

- Что ж, повидаяюсь с ним сам, - сказал отец Браун.

Большая дверь распахнулась и поглотила маленького священника, а его приятель бестолково смотрел ему вслед, как бы сомневаясь, выпустит ли она визитера. Через несколько минут она, однако, растворилась, отец Браун вышел, чему-то улыбаясь, и неторопливо, будто без цели, продолжал прогулку. Временами казалось, что он забыл о занимавшем их предмете, так как то тут, то там делал посторонние замечания: о местном обществе, о прошлом этих мест, о будущих переменах. Около банка, где начинали новую дорогу, он заговорил о почве и с каким-то неопределенным выражением окинул взглядом лужайку.

- Это же общинный выгон, - сказал он. - Тут бы пасти свиней и гусей, если бы у здешних жителей они были. А кормятся на нем только крапива да чертополох. Как жаль, что такой отличный лужок превратился в никчемный, бесполезный пустырь! Скажите, вон там, напротив, это дом доктора Бердока?

- Да, - вздрогнув от неожиданности вопроса, ответил Бойл.

- Превосходно, - сказал священник. - Постучимся тогда и в эту дверь.

Потом они вернулись в дом мистера Смарта, и, пока поднимались по лестнице, Бойл снова пересказывал своему спутнику подробности разыгравшейся на рассвете драмы.

- Вы-то сами тогда не задремали? - спросил отец Браун. - Пока Джеймсон бегал вниз и возился с дверью, не мог кто-нибудь взобраться на балкон?

- Нет, - ответил Бойл, - нет, не мог. Я проснулся, когда Джеймсон кричал с балкона. Потом я слышал, как он торопится по лестнице и гремит запорами, и вышел на балкон сразу после этого - там ведь два шага.

- А никто не мог проскользнуть между вами, через какой-нибудь другой вход? - настаивал отец Браун. - Нельзя ли проникнуть сюда, минуя парадную дверь?

- Нет, никак нельзя, - уверенно ответил Бойл.

- Я все-таки, пожалуй, посмотрю сам, - извиняющимся тоном сказал Браун и неслышно сбежал по лестнице.

Бойл с сомнением поглядел ему вслед. Довольно скоро наверху лестницы снова появилась круглая физиономия, похожая на сделанную из тыквы голову шуточного привидения.

- Вы правы, другого входа нет, - торжествующе провозгласила призрачная тыква. - А теперь, собрав все курьезы воедино, посмотрим, чем мы богаты. Любопытное выходит дельце.

- Вы думаете, - спросил Бойл, - в нем как-то замешан виконт или полковник или кто-нибудь из этих путешественников? Что-нибудь сверхъестественное?

- О да, - серьезно сказал священник. - Если предположить, что виконт или полковник или кто-то еще, одевшись бедуином, прокрался сюда в темноте тогда это безусловно сверхъестественно.

- Как вас понять? - удивился Бойл.

- Видите ли, этот араб не оставил следов, - ответил отец Браун. Полковник и банкир - ваши ближайшие соседи с разных сторон. Но между вашим домом и банком рыхлая красная почва, на ней босые ноги отпечатались бы, как на гипсе, и красные следы были бы повсюду. А перед домом полковника мыли панель, причем вчера, не сегодня; это я выяснил, рискнув испытать на себе жгучий перец полковничьего норва. Мокрые следы остались бы по всей дороге. Ну, если бы ночной гость был виконтом или доктором, которые живут напротив, он, конечно, мог бы идти по лужайке. Однако идти по ней босиком в высшей степени затруднительно, поскольку там сплошные колючки, чертополох да заросли крапивы. Он обязательно исколол бы ноги и уж, конечно, оставил бы какие-нибудь следы. Если только он не был, как вы полагаете, существом сверхъестественным.

Бойл внимательно следил за серьезным и непроницаемым лицом священника.

- Так кто же он был, по-вашему? - наконец спросил секретарь.

- Следует помнить одну общую истину, - помолчав, проговорил отец Браун. - То, что слишком близко, как бы невидимо. Один астроном наблюдал луну, когда ему в глаз попала мошка, и обнаружил там дракона, которого на луне быть не может. И мне рассказывали, что собственный голос неузнаваем. И вообще - того, что у нас перед самыми глазами, мы сплошь и рядом не видим, а увидев, не узнаем. Если же близкое немного отдалится, мы, пожалуй, решим, что оно далеко. Давайте-ка выйдем на минутку из дома и посмотрим, как все выглядит с иной точки зрения.

Он поднялся со стула и, спускаясь по лестнице, продолжал свои объяснения так, словно, размышляя вслух, нащупывал в потемках

нить мысли.

- Виконт и вся эта азиатчина, конечно, тоже идут к делу, в таких случаях все зависит от предрасположения ума.

Человек может быть настроен так, что упавший на него кирпич примет за покрытый клинописью изразец из висячих садов Семирамиды. Он даже не посмотрит на него и не увидит, что из таких же точно кирпичей сложен его собственный дом. И с вами случилось то же...

- Вот так штука! - перебил Бойл, уставясь на входную дверь. - Что бы это значило? Дверь опять заперта!

В эту дверь они вошли несколькими минутами раньше, а теперь поперек нее лежали массивные темные полосы покрытого ржавчиной железа, те самые, которые не смогли, по выражению Бойла, удержать птичек в клетке. Было что-то мрачное и ироническое в этих ветхих запорах; они словно бы сами затворились за вошедшими и не желали их выпускать.

- Ах, вы об этом! - небрежно отозвался отец Браун. - Это я сам только что запер их. А вы и не слышали?

- Нет, - недоуменно отвечал Бойл, - ничего не слышал.

- Я, собственно, так и думал, - флегматично сказал священник. Наверху это и не может быть слышно. Тут что-то вроде крючка без усилия входит в гнездо. Когда ты рядом, и то слышишь только глухой щелчок. А чтобы услышали наверху, надо сделать вот что.

Он вынул крюк из отверстия, и тот упал, с лязгом стукнув о дверную притолоку.

- Он гремит, когда дверь отмыкают, - сказал отец Браун. - Даже если отмыкать очень осторожно.

- Так, значит...

- Да, значит, - продолжал отец Браун, - что вы из комнаты слышали, как Джеймсон отпирает, а не запирает дверь. А теперь давайте и мы отопрем.

На улице священник продолжал так бесстрастно, точно читал лекцию по химии:

- Я уже говорил, что человек, настроенный определенным образом, может усмотреть дальше в близком, близком к себе же самому, быть может - очень похожем на себя.

Так произошло с вами, когда вы сверху смотрели на гостя в причудливом наряде. Вы, конечно, не подумали о том, в каком виде вы сами предстали ему, когда он смотрел на вас снизу?

Бойл не отрывал глаз от балкона и молчал; тогда его товарищ продолжил:

- Вам казалось диким, невероятным, чтобы по цивилизованной Англии мог разгуливать бедуин, да еще босиком.

Вы забыли, что в ту минуту вы и сами были босой.

Бойл наконец обрел дар речи - но ему пришлось повторить слова, которые уже были сказаны:

- Так, значит, Джеймсон отомкнул дверь.

- Да, - подтвердил отец Браун. - Джеймсон отомкнул дверь и вышел на дорогу едва ли не в тот же момент, когда вы выходили на балкон. Он был в ночной рубашке и прихватил с собой две вещи, которые вы сто раз видели: кусок старой голубой занавески - им он обернул голову - и какой-то музыкальный инструмент из кучи восточного хлама.

Остальное доделали настроение и прямо-таки актерская игра, игра мастерская, поскольку в преступном деле он настоящий художник,- Джеймсон! не веря, воскликнул Бойл. - Эта невзрачная, дохлая курица! Я на него и не глядел...

- И тем не менее, - сказал священник, - настоящий художник. Как вы думаете, если он шесть минут играл колдуна или трубадура, мог он шесть недель играть скромного клерка?

- Не понимаю, зачем... - сказал Бойл. - Какая у него цель?

- Своей цели он достиг, - ответил отец Браун, - или почти достиг. Рыбок тогда он, конечно, уже забрал - можно было успеть двадцать раз. Но если бы он ограничился этим, вы бы все равно поняли. И он придумал сыграть экзотического чародея, чтобы у всех на уме были Индия и Аравия; теперь уж и вам трудно поверить, что разгадка таится в самом доме. Она была к вам слишком близка, и вы не разглядели ее.

- Если все это так, - сказал Бойл, - то это исключительно рискованная затея и он рассчитал все очень точно.

Ведь и правда, человека на дороге не было слышно, пока Джеймсон кричал с балкона. И, пожалуй, он действительно мог выбраться из дома прежде, чем я начал соображать и вышел на балкон.

- В любом преступлении расчет строится на том, что кто-то не успеет вовремя сообразить, - заметил Браун. - Чаще всего мы и не успеваем. Я вот, например, опоздал со своими соображениями. Он, я думаю, давно уже скрылся либо сразу же после того, как у него взяли отпечатки пальцев, либо еще до этого.

- Ну, вы-то начали соображать раньше всех, - сказал Бойл. - А я так и вовсе не сообразил бы. Джеймсон был так безупречен и бесцветен, что на него и внимания не обращали.

- Остерегайтесь людей, на которых не обращаете внимания, - сказал священник. - Вы всецело в их руках. Но и я не заподозрил его, пока вы не рассказали, что слышали, как он запирает дверь.

- Нет, заслуга полностью принадлежит вам, - проговорил Бойл.

- Заслуга принадлежит миссис Робинсон, - с улыбкой возразил отец Браун.

- Миссис Робинсон? - удивленно переспросил секретарь. - Нашей домоправительнице?

- Остерегайтесь женщин, на которых не обращаете внимания. Джеймсон уж на что мошенник высокого класса, великолепный актер, потому он и стал хорошим психологом. Такие люди, как виконт, никого не слышат, кроме себя, но этот человек сумел слушать и, когда вы все о нем забыли, сумел подобрать материал для своего романтического спектакля. Он точно знал, какую взять ноту, чтобы вы не слышали фальши. Однако и он допустил грубый психологический просчет, не подумал о миссис Робинсон.

- Не понимаю, - сказал Бойл, - она-то здесь при чем/

- Джеймсон не ожидал, что дверь будет заперта, - пояснил отец Браун. Он знал: мужчины, особенно такие беспечные, как вы с вашим патроном, могут без конца и без толку твердить, что надо сделать то-то и то-то. Но если об этом прослышит женщина, всегда есть опасность, что она возьмет да и сделает.

АЛИБИ АКТРИСЫ

Мистер Мэдон Мандевиль, хозяин труппы, быстро шел по коридору за сценой или, вернее, под сценой. Он был элегантен, быть может, даже слишком элегантен: элегантна была бутоньерка в петлице его пиджака, элегантно сверкала его обувь, но наружность у него была совсем не элегантная.

Был он крупным мужчиной с бычьей шеей и густыми бровями, насуспенными сегодня еще сильнее, чем обычно. Правда, человека в его положении ежедневно осаждают сотни мелких и крупных, старых и новых забот. Ему было неприятно проходить по коридору, где свалили декорации старых пантомим - с этих популярных пьес он начал здесь свою карьеру, но потом ему пришлось перейти на более серьезный классический репертуар, который съел немалую часть его состояния. Поэтому "Сапфировые ворота дворца Синей Бороды" и куски "Зачарованного, или Золотого грота", покрытые паутиной или изгрызенные мышами, не вызывали в нем того сладостного чувства возвращения к простоте, которое мы испытываем, когда нам дадут заглянуть в сказочный мир детства. У него даже не было времени уронить слезу над своим уроном или помечтать о детском рае: он спешил уладить весьма прозаический конфликт, какие иногда случаются в странном закулисном мире. На сей раз скандал был достаточно велик, чтобы отнестись к нему серьезно.

Мисс Марони, талантливая молодая итальянка, игравшая одну из главных ролей в пьесе, которую должны были репетировать в то утро (вечером была премьера), внезапно наотрез отказалась играть. Мистер Мандевиль еще не видел сегодня капризной дамы; и так как она заперлась в своей уборной и скандалила за дверью, трудно было надеяться, что он увидится с ней. Мистер Мандевиль был настоящий англичанин и поэтому проворчал, что все иностранцы сумасшедшие. Но мысль о выпавшем на его долю исключительном счастье обитать в единственной нормальной стране - утешала его не больше, чем "Золотой грот". Все это было и в достаточной степени неприятно; и все же внимательный наблюдатель заметил бы, что у мистера Мандевиля есть и более серьезные заботы.

Каково бы ни было тайное горе, мучившее его, оно, по-видимому, гнездились в самом конце длинного темного коридора - там, где помещался его небольшой кабинет: проходя по коридору, он то и дело нервно оглядывался.

Но дело есть дело, и мистер Мандевиль решительно направился в противоположный конец коридора, где зеленая дверь уборной мисс Марони бросала вызов всему свету.

Кучка актеров и прочих заинтересованных лиц толпилась у этой двери: можно было подумать, что они обсуждают, не пустить ли в

дело таран. Один из них был известен широкой публике, фотографии его красовались на многих каминах, а автографы - во многих альбомах. Правда, Норман Найт служил в немного отсталом и провинциальном театре, где его амплуа еще называлось героем-любовником, но путь его лежал к более славным триумфам. Он был красив; сильный раздвоенный подбородок и светлая челка придавали ему некоторое сходство с Нероном и не совсем вязались с его резкими, порывистыми движениями. Подле него стоял Ральф Рандол, пожилой характерный актер с насмешливым, острым лицом, синим от частого бритья и бесцветным от частого грима. Тут же был и второй любовник труппы, игравший чаще всего еще не совсем исчезнувшие роли "наперсника героя", - смуглый кудрявый юноша по имени Обри Верной.

Была тут и горничная, или костюмерша, жены Мандевиля - весьма грозная особа с прилизанными рыжими волосами и твердым деревянным лицом. Была тут, между прочим, и сама жена Мандевиля, державшаяся на заднем плане, - тихая женщина с терпеливым лицом, классическим, строгим, удивительно бледным из-за светлых глаз и почти бесцветных волос, расчесанных на прямой пробор, как у очень древней мадонны. Мало кто знал, что некогда она была серьезной актрисой на роли интеллектуальных ибсеновских героинь. Но ее супруг был невысокого мнения о пьесах "с проблемами"; сейчас, во всяком случае, его больше интересовала другая проблема - как извлечь упрямую итальянку из ее уборной.

- Она еще не вышла? - спросил он, обращаясь не столько к жене, сколько к ее деловитой костюмерше.

- Нет, сэр, - мрачно ответила миссис Сэндс (так ее звали).

- Черт! - сказал Мандевиль со свойственной ему простотой. - Реклама хорошая вещь, но такого рода реклама нам не нужна. Есть у нее друзья? Неужели она никого не слушается?

- Джервис говорит, с ней может справиться только ее священник, сказал Рандол. - Если она там вешается на крючке для шляп, ему бы и в самом деле лучше прийти. В общем, Джервис за ним пошел. Да вот и он сам.

Еще двое появились в конце коридора, проходящего под сценой. Один из них был Эштон Джервис, добрый человек, обычно игравший злодеев, но на сей раз передавший эту высокую честь курчавому,

носатому Вернону. Другой, низенький и круглый, одетый во все черное, был отец Браун - священник из церкви, расположенной за углом.

- Я думаю, у нее были какие-нибудь основания так разобидеться, сказал он. - Никто не знает, что случилось?

- Кажется, она недовольна своей ролью, - ответил старый актер.

- Это с ними всегда бывает! - пробурчал мистер Мандевиль. - А я думал, что моя жена все правильно распределила.

- Я отдала ей лучшую роль, - устало промолвила миссис Мандевиль. Ведь все ушибленные театром девицы мечтают сыграть молодую красавицу героиню и выйти за молодого красавца героя под гром аплодисментов с галерки.

Актриса моего возраста, конечно, должна отступить на задний план и играть почтенных матрон. Так я и сделала.

Отец Браун пробрался вперед и прислушивался, стоя у запертой двери.

- Ничего не слышно? - боязливо спросил Мандевиль и добавил тихо: - Как вы думаете, она ничего не натворила?

- Кое-что слышно, - спокойно ответил священник. - Судя по звуку, она разбивает окно или зеркало, по всей вероятности ногами. С собой она не покончит, в этом я уверен. Перед самоубийством не бьют зеркала ногами. Если бы она была немкой и заперлась, чтобы поразмыслить на метафизические темы, я непременно предложил бы взломать дверь. Но итальянцы умирают не так-то просто; они не способны покончить с собой в припадке ярости. Вот кого-нибудь убить... да, это они могут... Так что будьте поосторожней, если она выскочит.

- Стало быть, вы не советуете взламывать дверь? - спросил Мандевиль.

- Нет, если вы хотите, чтобы она играла, - ответил отец Браун. - Если вы взломаете дверь, она поднимет содом и уйдет из театра. Если вы оставите ее в покое, она, вероятнее всего, выйдет - просто из любопытства. Я бы, на вашем месте, оставил кого-нибудь сторожить дверь, а сам запасся терпением часа на два.

- В таком случае, - сказал Мандевиль, - давайте репетировать те сцены, в которых она не занята. Моя жена позаботится о реквизите. В конце концов самый важный акт - четвертый. Начнем?

- Что вы репетируете? - спросил священник.

- "Школу злословия", - сказал Мандевиль. - Может, это и хорошая литература, но мне нужны пьесы. А жене нравятся эти классические комедии. По-моему, в них больше классики, чем смеха.

В эту минуту к ним подошел, ковыляя, старик привратник, которого все звали просто Сэмом, - единственный обитатель театра в те часы, когда нет ни репетиций, ни спектаклей. Он дал хозяину визитную карточку и сообщил, что его хочет видеть леди Мириам Мардек. Мистер Мандевиль ушел, а отец Браун еще несколько секунд смотрел на его жену и увидел, что по ее увядшему лицу блуждает слабая, невеселая улыбка.

Потом он тоже вышел в фойе вместе с актером, который его привел, своим близким другом и единоверцем, что не так уж редко в театральной среде. Уходя, он слышал, как миссис Мандевиль все тем же ровным тоном приказывала миссис Сэндс занять пост часового у запертой двери.

- Миссис Мандевиль, как видно, умная женщина, - сказал священник, хотя и держится все время в тени.

- Когда-то она была очень интеллигентной, - грустно сказал Джервис. Она отцвела и опустилась, выйдя замуж за такое ничтожество, как Мандевиль. У нее самые высокие театральные идеалы. Но, разумеется, ей не часто удается привить их своему супругу и повелителю. Вы представляете, он хотел, чтобы такая женщина, как она, играла мальчишек в балаганных пантомимах! Он признавал, что она хорошая актриса, но говорил, что пантомимы выгодней. Из этого вы можете заключить, как чутко и внимательно он относится к людям. Но она никогда не жаловалась. Как-то она мне сказала: "Жалобы всегда возвращаются к нам, как эхо с другого конца света; а молчание укрепляет нашу душу".

И он указал на широкую черную спину Мандевиля, беседовавшего с двумя дамами, которые вызвали его в фойе.

Леди Мириам была высокой, томной и элегантною дамой, красивой той современной красотой, которая взяла за образец египетскую мумию. Ее черные прямые стриженные волосы казались шлемом, а сильно накрашенные губы оттопыривались, что придавало лицу презрительное выражение. Ее спутница была очень живая дама с некрасивым, но привлекательным лицом и волосами, как бы

посыпанными серебряной пудрой. Звали ее мисс Тереза Гальбот. Говорила главным образом она, леди Мириам казалась слишком усталой, чтобы говорить. Только когда Браун и Джервис проходили мимо, она нашла в себе силы сказать:

- Театр, вообще говоря, - скука. Но я никогда не видела репетиции в обыкновенных костюмах. Может быть, это забавно... В наши дни так трудно найти что-нибудь новое...

- Конечно, я могу дать вам ложу, - поспешно ответил Мандевиль. Будьте добры, пройдите сюда. - И он повел их в другой коридор.

- Интересно, - задумчиво промолвил Джервис, - этот ли сорт женщин предпочитает Мандевиль?

- А какие у вас причины думать, - спросил священник, - что он вообще предпочитает кого-нибудь собственной жене?

Прежде чем ответить, Джервис не меньше секунды смотрел на него.

- Мандевиль - загадка, - серьезно сказал он. - Да-да, я знаю, что он похож на самого среднего обывателя. И тем не менее он - загадка. У него что-то на совести. Его жизнь что-то омрачает. Я совершенно случайно знаю об этом больше всех. Но я не могу понять то, что знаю.

Он огляделся - нет ли кого поблизости - и прибавил, понизив голос:

- Я не боюсь рассказать вам, ведь вы крепко храните тайны. Вчера меня очень поразила одна вещь. Вы знаете, что Мандевиль работает в маленьком кабинете в конце коридора, прямо под сценой. Так вот, мне дважды пришлось пройти мимо, когда все думали, что он там один. Более того, я оба раза точно знал, где все женщины из нашей труппы.

Одни были у себя, других не было уже в театре.

- Все женщины? - переспросил Браун.

- У него была, женщина, - почти шепотом сказал Джервис. - Какая-то женщина постоянно ходит к нему, и никто из нас ее не знает. Я даже не знаю, как она туда попадает - вход только из коридора. Кажется, я как-то видел какую-то даму в вуали или в капюшоне. Она бродила, точно призрак, около театра. Но это не призрак. Я думаю, это и не "интрижка". Скорее всего тут пахнет шантажом.

- Почему? - спросил Браун.

- Потому, - сказал Джервис уже не серьезно, а мрачно, - что я слышал, как они ссорились. И под конец она сказала звонко и грозно

три слова: "Я твоя жена".

- Вы думаете, он двоеженец? - задумчиво сказал отец Браун. - Что ж, двоеженство и шантаж идут рука об руку.

Кстати, репетиция, кажется, началась...

- Я не занят в этой сцене, - улыбнулся Джервис. - Сейчас репетируют только один акт - ждут, пока одумается ваша итальянка.

- А ведь верно, - заметил священник. - Интересно, одумалась ли она?

- Мы можем вернуться и поглядеть, если хотите, - сказал Джервис; и они снова спустились в коридор, одним концом упиравшийся в кабинет Мандевиля, а другим - в уборную синьоры Марони.

Недалеко от другого конца коридора они увидели актеров, поднимавшихся по лесенке на сцену. Впереди шли Вернон и старик Рандол - они очень торопились; миссис Мандевиль шла за ними своей обычной размеренной поступью, а Норман Найт, кажется, отстал нарочно, чтобы поговорить с ней. Браун и Джервис услышали обрывок их разговора.

- Я вам говорю, к нему ходит женщина! - гневно говорил Найт.

- Тсс! - отвечала миссис Мандевиль своим серебристым голосом, в котором все же звенела сталь. - Вы не должны со мной так говорить. Помните, что он - мой муж.

- Хотел бы я об этом забыть! - сказал Найт и бросился на сцену.

- Не вы один знаете, - спокойно сказал Браун, - но вряд ли это наше дело.

- Да, - пробормотал Джервис. - Похоже на то, что это знают все, но об этом никто ничего не знает.

Они подошли к тому концу коридора, где грозный страж охранял итальянскую дверь.

- Нет, не выходила, - мрачно сказала миссис Сэндс. - И не умерла, двигается. Не пойму, какие она там еще фокусы задумывает.

- А вы, случайно, не знаете, мадам, - с неожиданной изысканностью обратился к ней Браун, - где сейчас мистер Мандевиль?

- Знаю, - ответила она. - Видела, прошел в кабинет минуты две назад. Только он вошел - помощник позвал всех на сцену и занавес подняли. Значит, там и сидит, вроде не выходил.

- Вы хотите сказать, что в его кабинете только один выход, - небрежно заметил Браун. - Ну, кажется, репетиция идет, несмотря на все причуды синьоры Марони.

- Да, - ответил Джервис, помолчав. - Я отсюда слышу голоса актеров. У старика Рандола прекрасно поставленный голос.

Оба замерли, прислушиваясь. Зычный голос старого актера действительно донесся до них. Но прежде чем они заговорили снова, до них донесся и другой звук.

Это был грохот, и раздался он за закрытой дверью маленького кабинета.

Браун пронесся по коридору, как выпущенная из лука стрела, и, прежде чем Джервис очнулся и побежал за ним, он уже дергал изо всех сил ручку двери.

- Заперто, - сказал он, поворачивая к актеру чуть побледневшее лицо. Эту дверь надо взломать сейчас же.

- Вы думаете, - испуганно спросил Джервис, - что таинственная дама опять там? По-вашему, случилось... что-нибудь серьезное? - И прибавил, помолчав: - Кажется, я могу отворить. Я знаю такие замки.

Он опустился на колени, достал из кармана перочинный ножик с длинным лезвием, покопался немного в замке, и дверь распахнулась. Войдя, они сразу заметили, что в комнате нет второй двери и даже окна, а на столе горит большая лампа. Но еще раньше они увидели, что Мандевиль лежит ничком посередине комнаты и струйки крови ползут из-под его лица, словно алые змейки, зловеще сверкающие в этом неестественном пещерном свете.

Они не знали, как долго они глядели друг на друга, пока Джервис не сказал, словно освобождаясь от трудной мысли:

- Если та женщина сюда вошла, она как-то вышла.

- Может быть, мы о ней слишком много думаем, - сказал отец Браун. - В этом странном театре творится так много странного, что не все запоминаешь.

- О чем вы? - быстро спросил Джервис, - О многом, - сказал Браун. - Ну, хотя бы о другой запертой двери.

- Да ведь в том-то и дело, что она заперта! - воскликнул актер.

- Тем не менее вы про нее забыли, - сказал священник.

Он помолчал, потом задумчиво добавил:

- Эта миссис Сэндс - довольно неприятная особа.

- Вы думаете, она соврала и мисс Марони вышла из уборной? - тихо спросил актер.

- Нет, - спокойно ответил священник. - Это просто-напросто отвлеченное предположение.

- Неужели вы думаете, - крикнул актер, - что его убила миссис Сэндс?

- А это и вовсе нельзя предположить, - сказал отец Браун.

Пока они обменивались этими короткими фразами, Браун встал на колени около тела и удостоверился, что перед ними труп. Недалеко, но так, что с порога его не было видно, лежал театральный кинжал; казалось, он выпал из раны или из рук убийцы. Джервис сразу увидел, что кинжал - из реквизита и ни о чем не говорит; разве что эксперты найдут на нем отпечатки пальцев. Тогда священник встал и внимательно оглядел комнату.

- Надо послать за полицией, - сказал он. - И за доктором, хоть это и поздно... Вот я смотрю на комнату и не понимаю, как наша итальянка могла это сделать.

- Итальянка? - воскликнул Джервис. - Ну нет! По-моему, если у кого есть алиби, так только у нее. Две комнаты, обе заперты в разных концах коридора, и у одной еще сидит часовая.

- Нет, - сказал Браун. - Не совсем так. Вопрос в том, как она проникла сюда, а как она выбралась из своей уборной, я себе представляю.

- Неужели? - спросил Джервис.

- Я говорил вам, - сказал отец Браун, - что я слышал, как разбилось стекло - окно или зеркало. По глупости я забыл одну хорошо мне известную вещь: синьора Марони очень суеверна. Она ни за что не разбила бы зеркала. Значит, она разбила окно. Правда, ее уборная в подвальном этаже, но там, наверное, есть какое-нибудь окошко на улицу или во двор. А вот тут нет никаких окон.

Он поднял голову и долго разглядывал потолок.

Вдруг он быстро заговорил:

- Надо подняться наверх, позвонить, всем сказать... Какой ужас! Господи... Слышите? Они там кричат, декламируют. Комедия продолжается. Кажется, это называют трагической иронией.

Когда театр волею судьбы превратился в дом скорби, всей труппе предоставилась возможность проявить удивительные качества,

присущие актерам. Мужчины вели себя как истинные джентльмены, а не только как герои-любовники. Не все любили Мандевиля, и не все доверяли ему, но они сумели сказать о нем именно то, что нужно. А по отношению к вдове они проявили не только сочувствие, но и величайшую деликатность.

- Она всегда была сильной женщиной, - говорил старик Рандол. - Во всяком случае, она умнее всех нас. Конечно, бедняге Мандевилю до нее далеко, но она всегда была ему образцовой женой. Как трогательно она иногда говорила:

"Хотелось бы жить более интеллектуальной жизнью..." А

Мандевиль... Впрочем, о мертвых - ничего, кроме хорошего. Так, кажется, говорят?

И старик отошел, грустно качая головой.

- Как же, "ничего, кроме хорошего"! - хмуро заметил Джервис. Впрочем, он, я думаю, не знает о таинственной посетительнице. Кстати, вам не кажется, что его убила загадочная женщина?

- Это зависит от того, - сказал священник, - кого вы называете загадочной женщиной.

- Ну не итальянку же! - поспешно сказал Джервис. - Да, в отношении ее вы были совершенно правы. Когда взломали дверь, оказалось, что окошко наверху разбито и комната пуста. Но, насколько удалось выяснить полиции, она просто-напросто пошла домой. Нет, я имею в виду женщину, которая ему тайно угрожала, женщину, которая называла себя его женой. Как вы думаете, она действительно его жена?

- Возможно, - сказал отец Браун, глядя в пространство, - что она его жена.

- Тогда есть мотив: ревность, - сказал Джервис. - Она ревновала его ко второй жене. Ведь у него ничего не взяли, так что нечего строить догадки о вороватых слугах или бедствующих актерам. А вот вы заметили странную, исключительную особенность?

- Я заметил много странного, - сказал отец Браун. - Вы о чем?

- Я имею в виду общее алиби, - сказал Джервис. - Не часто случается, чтобы у всех сразу было такое алиби: они играли на освещенной сцене, и все могут друг за друга поручиться. Нашим положительно повезло, что бедняга Мандевиль посадил в ложу тех дамочек. Они могут засвидетельствовать, что весь акт прошел без

сучка и задоринки и никто не уходил со сцены. Репетицию начали именно тогда, когда Мандевиль ушел к себе. И, по счастливому совпадению, в ту секунду, когда мы услышали грохот, все были заняты в общей сцене.

- Да, это действительно очень важно и упрощает задачу, - согласился Браун. - Давайте посчитаем, кого именно покрывает это алиби. Во-первых, Рандол. По-моему, он терпеть не мог директора, хотя теперь старательно скрывает свои чувства. Но его надо исключить - именно его голос донесся к нам тогда со сцены. Далее - мистер Найт. У меня есть основания думать, что он влюблен в миссис Мандевиль и не скрывает своих чувств. Но и он вне подозрения - он тоже был на сцене, на него и кричал Рандол. На сцене были Обри Верной, миссис Мандевиль - стало быть, исключим и их. Их общее алиби, как вы это назвали, зависит преимущественно от леди Мириам и ее подруги. Правда, и здравый смысл подсказывает, что если акт прошел гладко - значит, перерыва не было. Но законны, с точки зрения суда, только показания леди Мириам и ее подруги, мисс Тальбот. Они-то вне подозрения, как вы полагаете?

- Леди Мириам? - удивленно переспросил Джервис. - О да! Вас, наверное, смущает, что она похожа на вампира.

Но вы и не знаете, как нынче выглядят дамы из лучшего общества... Почему нам сомневаться в их словах?

- Потому, что они опять заводят нас в тупик, - сказал Браун. - Разве вы не видите, что это алиби фактически исключает всех? Кроме тех четырех, ни одного актера не было в театре. И служители вряд ли были, только Сэм сторожил вход, а та женщина была у двери мисс Марони. Значит, остаемся только мы с вами. Нас, безусловно, могут обвинить, тем более что мы нашли труп. Больше обвинять некого. Вы, часом, его не убили, когда я отвернулся?

Джервис взглянул на него, замер на секунду, снова широко улыбнулся и покачал головой.

- Вы его не убили, - сказал отец Браун. - Допустим на минуту, исключительно для связности, что и я его не убивал. Актеры, бывшие на сцене, вне подозрения, так что остаются итальянка за дверью, горничная перед дверью и старик Сэм. А может, вы думаете о дамах в ложе? Конечно, они могли незаметно выскользнуть.

- Нет, - сказал Джервис, - я думаю о незнакомке, которая пришла к Мандевилю и сказала, что она его жена.

- Может быть, она и была его женой, - сказал священник, и на этот раз его ровный голос звучал так, что его собеседник вскочил на ноги и перегнулся через стол.

- Мы говорили, - сказал он тихо и нетерпеливо, - что первая жена могла ревновать его ко второй.

- Нет, - возразил Браун. - Она могла ревновать к итальянке или, скажем, к леди Мириам. Но ко второй жене она не ревновала.

- Почему?

- Потому что второй не было, - сказал отец Браун. - Мандевиль - не двоеженец. Он, по-моему, исключительно моногамен. Его жена бывала с ним, я сказал бы, слишком часто - так часто, что вы по широте душевной решили, что это другая. Но я не могу понять, как она сумела быть с ним тогда. Она все время была на сцене. Ведь она играла одну из главных ролей...

- Неужели вы всерьез думаете, - воскликнул Джервис, - что незнакомка просто миссис Мандевиль?

Ответа не было. Браун смотрел в пространство бессмысленным, почти идиотским взглядом. Он всегда казался идиотом, когда его ум работал особенно напряженно.

- Какой ужас, - сказал он. - По-моему, это самое тяжелое из всех моих дел. Но я должен через это пройти.

Будьте добры, пойдите к миссис Мандевиль и спросите ее, не могу ли я поговорить с ней с глазу на глаз.

- Пожалуйста! - сказал Джервис и направился к выходу. - Но что с вами?

- Ах, я просто дурак, - ответил Браун. - Это часто бывает в нашей юдоли слез. Я такой дурак, что забыл, какую пьесу они репетируют.

Он беспокойно шагал по комнате, пока не вернулся Джервис.

- Ее нигде нет, - сказал он. - Никто ее не видел.

- И Нормана Найта, наверное, тоже никто не видел? - сухо спросил отец Браун. - Ну что ж, мне удалось избежать самого тяжелого в моей жизни разговора. Я чуть было не испугался этой женщины. Но и она меня испугалась - испугалась каких-то моих слов или решила, что я что-то увидел.

Найт все время умолял ее бежать с ним. Ну вот, она бежала, и мне его от всей души жаль.

- Его? - спросил Джервис.

- Не так уж приятно бежать с убийцей, - бесстрастно сказал его друг. А она ведь гораздо хуже, чем убийца.

- Кто же хуже убийцы?

- Эгоист, - сказал отец Браун. - Она из тех, кто смотрит в зеркало раньше, чем взглянуть в окно, а это самое скверное, на что способен человек. Что ж, зеркало принесло ей несчастье именно потому, что не было разбито.

- Я ничего не понимаю, - сказал Джервис. - Все думали, что у нее самые высокие идеалы... что она в духовном плане гораздо выше нас.

- Она сама так думала, - сказал отец Браун. - И умела внушить это всем. Может быть, я в ней не ошибся потому, что так мало ее знал. Я понял, кто она такая, в первые же пять минут.

- Ну что вы! - воскликнул Джервис. - С итальянкой она вела себя безукоризненно.

- Она всегда вела себя безукоризненно, - сказал Браун. - В вашем театре мне все рассказывали, какая она тонкая и деликатная и насколько она духовно выше бедняги Мандевиля. Но все эти тонкости и деликатности сводились в конце концов к тому, что она - леди, а он - не джентльмен. Знаете, я не совсем уверен, что в рай пускают именно по этому признаку.

Что касается прочего, - продолжал он все горячее, - я из первых ее слов понял, что она поступила не совсем честно с бедной итальянкой, несмотря на всю свою утонченность и холодное великодушие. Об этом я тоже догадался, когда узнал, что у вас идет "Школа злословия".

- Не спешите так! - растерянно сказал Джервис. - Не все ли равно, какая идет пьеса?

- Нет, не все равно, - ответил Браун. - Она сказала, что отдала итальянке роль прекрасной героини, а сама удовольствовалась ролью пожилой матроны. Все это было бы правильно в любой пьесе, но не в этой. Ее слова могли значить одно: итальянке она дала роль Марии. Разве же это роль? А скромная и незаметная матрона - это же леди Тизл! Только ее и захочет играть любая актриса. Если итальянка действительно "звезда" и ей обещали первоклассную роль, у нее были

все основания беситься. Вообще итальянцы зря не бесятся. Римляне - люди логичные и не сходят с ума без причины. Эта деталь показала мне ясно пресловутое великодушие миссис Мандевиль. И еще одно. Вы рассмеялись, когда я сказал, что мрачный вид миссис Сэндс дает мне материал для характеристики, но не для характеристики миссис Сэндс. Так оно и есть. Если вы хотите узнать женщину, не присматривайтесь к ней - она может оказаться слишком умной для вас. Не присматривайтесь к окружающим ее мужчинам - они могут видеть ее по-своему. Присмотритесь к женщине, которая всегда с ней, лучше всего - к ее подчиненной. В этом зеркале вы увидите ее настоящее лицо. А лицо, отраженное в миссис Сэндс, было отталкивающее. Что ж я увидел еще? Все говорили мне, что бедный Мандевиль - ничтожество. Но это всегда означало, что он не стоит своей жены, и я уверен, такие толки косвенно шли от нее. Да и они - не в ее пользу. Судя по тому, что говорили ваши актеры, она каждому из них рассказывала о своем интеллектуальном одиночестве. Вы сами сказали, что она никогда не жалуется и тут же привели ее слова о том, как молчание укрепляет ее душу. Вот оно! Этот стиль ни с чем не спутаешь. Те, кто жалуется, - просто обычные, хорошие, надоедливые люди; я ничего против них не имею. Но те, кто жалуется, что никогда не жалуется, - это черт знает что! Да, именно черт. Разве это хвастовство своей стойкостью - не самая суть байроновского культа сатаны? Все это я слышал. Однако я никогда не слышал, чтобы она пожаловалась на что-нибудь конкретное. Никто не говорил, что ее муж пьет, или бьет ее, или не дает ей денег, или хотя бы просто неверен ей, если не считать слухов о таинственной посетительнице. Но это она сама мелодраматически терзала его монологами в его собственном кабинете. И вот когда увидишь факты, а не ту атмосферу мученичества, которую она сама вокруг себя создала, все выйдет совсем иначе. Чтобы ей угодить, Мандевиль перестал ставить пантомимы, приносящие ему доход. Чтобы ей угодить, он стал выбрасывать деньги на классику. Она распоряжалась на сцене, как хотела. Она потребовала пьесу Шеридана - ее поставили. Ей захотелось сыграть леди Тизл - ей дали эту роль. Ей пришлось в голову устроить в тот самый час репетицию без костюмов - и репетицию устроили. Обратите внимание на то, что ей этого захотелось.

- Но какой смысл во всей вашей речи? - спросил актер, удивленный, что его немногословный друг говорит так долго. - Мы углубились в психологию и далеко ушли от убийства. Она сбежала с Найтом; она одурачила Рандола; она одурачила, допустим, и меня. Но мужа своего она не могла убить. Все сходятся на том, что она была на сцене. Может быть, она - плохой человек, но она - не ведьма.

- Ну, я не так уж уверен, - улыбнулся отец Браун. - Но здесь и не нужно ведовства. Я знаю теперь, что она сделала. Это очень просто.

- Откуда же вы знаете? - спросил Джервис, удивленно глядя на него.

- Потому что репетировали "Школу злословия", - ответил отец Браун, - и именно четвертый акт. Я позволю себе еще раз вам напомнить, что она расставляла декорации и мебель на сцене, как ей нравится. И еще я напомню вам, что сцена вашего театра специально приспособлена для постановки пантомим - тут должны быть люки и запасные выходы. Вы говорите, что свидетели могут подтвердить, что все актеры были на сцене. А я напомню вам, что в этой сцене одно из действующих лиц находится на сцене, но никто его не видит. Один человек формально на сцене, но фактически может уйти. Помните то место, где леди Тизл прячется за экран? Вот оно, алиби миссис Мандевиль.

Наступило молчание. Потом актер сказал:

- Вы думаете, она спустилась через люк в его кабинет?

- Как-то она туда вошла, вероятнее всего, именно так.

Это тем более вероятно, что она нарочно устроила репетицию без костюмов. Нелегко скользнуть в люк в кринолине восемнадцатого века. Есть и другие сложности, но все можно объяснить.

- Я одного не могу объяснить! - сказал Джервис и чуть ли не со стоном опустил голову на руки. - Я просто не могу поверить, что такая светлая, спокойная женщина могла до такой степени потерять, как говорится, власть над своей плотью, не говоря уж о душе. Были у нее веские причины?

Она очень сильно любила Найта?

- Надеюсь, - ответил Браун. - Это было бы для нее единственным оправданием. К сожалению, я в этом сильно сомневаюсь. Она хотела избавиться от мужа - отсталого провинциального дельца, к тому же не слишком преуспевающего. Она мечтала стать блестящей женой

блестящего актера. Но скандала она боялась - ей не хотелось участвовать в житейской школе злословия. На бегство она решилась бы только в крайнем случае. Ею владела не человеческая страсть, а какое-то дьявольское преклонение перед условностями. Она постоянно изводила мужа, требовала, чтобы он развелся с ней или как-нибудь иначе ушел с ее дороги. Он отказался - и она рассчиталась с ним. И еще одну вещь я хочу вам напомнить. Говорят, что у этих сверхлюдей особенно высокое искусство, философский театр и прочее. Но вспомните, какова почти вся их философия! Какой вздор они выдают за возвышенный образ мыслей! "Воля к власти", "право на жизнь", "право сильного"... Вздор и чепуха, тем более страшные, что они могут совратить неискнутого!

Отец Браун нахмурился, что с ним случилось весьма редко. И морщины на его лбу не разгладились, когда он взял шляпу и вышел в ночь.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МИСТЕРА ВОДРИ

Сэр Артур Водри, в светло-сером летнем костюме и своей любимой белой шляпе, которая на его седой голове выглядела слишком смело, бодро прошагал по дороге вдоль реки от своего дома к нескольким домишкам неподалеку, которые были почти его собственными службами, и там, среди них, вдруг пропал, словно его унесли феи.

Его исчезновение было тем более поразительным, что произошло при самых обыденных и невероятно простых обстоятельствах. Ту горстку домиков даже трудно было бы назвать деревней - это была одна-единственная и до странности ото всего отъединенная улочка. Посреди плоской и открытой равнины цепочкой выстроились четыре-пять лавчонок, служивших нуждам соседей - нескольких фермеров да обитателей усадьбы. На углу стояла лавка мясника, у которой, судя по всему, в последний раз и видели сэра Артура.

Видели же его там двое молодых людей, тоже из усадьбы:

Ивен Смит, исполнявший обязанности его секретаря, и Джон Дэлмон, как считали, жених его воспитанницы. Дальше стоял магазин, который, как часто бывает в деревнях, совмещал самые различные функции: неприметная пожилая женщина торговала там бумагой, клеем, веревками, тростями и сладостями, мячами для гольфа и залежалой галантереей. Следующим был табачный магазин, куда и

направлялись те двое молодых людей, когда в последний раз мельком видели своего хозяина перед мясной лавкой. Потом шла обшарпанная портняжная мастерская, которую держали две женщины, а завершала улочку бесцветная и вылизанная закусочная, где прохожему предлагали огромные бокалы тускло-зеленого лимонада. Поодаль, на некотором расстоянии по дороге, стояла единственная на всю округу пристойная и достойная этого названия гостиница. Между нею и деревушкой был перекресток; находившиеся там в это время полицейский и служащий автомобильного клуба оба утверждали, что сэр Артур не проходил мимо них.

Был очень ранний час лучезарного летнего дня, когда он беззаботно вышел из дома, помахивая тростью и похлопывая желтыми перчатками. Он был щеголь хоть куда - этот джентльмен, пожилой, но, для своего возраста, очень крепкий и энергичный человек. Подвижность его и сила как будто не убывали с годами: даже волнистые волосы казались просто белокурыми и лишь похожими на седину, а вовсе не изжелта-седыми. Гладко выбритое лицо выделялось мужественной красотой, и нос с высокой переносицей делал его похожим на герцога Веллингтона. Но самой выдающейся особенностью его лица были глаза, причем не только в переносном смысле слова: очень выпуклые, почти навывкат, они, пожалуй, одни только и портили правильность черт. Губы же были нервные, плотно сжатые, будто даже несколько нарочито. Он был крупнейшим землевладельцем округи, и эта деревушка принадлежала ему. В таких местах все не только знают друг друга, но и знают обычно, кто где в данное время находится. Сэр Артур мог дойти до деревни, сказать, что нужно, мяснику или еще кому угодно, и вернуться в усадьбу в течение получаса, как те двое молодых людей, которые ходили купить сигарет. Однако же на обратном пути они никого не видели; в пределах видимости не было ни души, если не считать некоего доктора Эббота, также гостившего у сэра Артура, - он сидел на берегу реки, широкой спиной к ним, и терпеливо удил рыбу.

Когда все трое гостей вернулись домой к завтраку, они как-то не обратили внимания на затянувшееся отсутствие хозяина. Но час проходил за часом, он раз и другой не вышел к столу, и они, естественно, с удивлением отметили это обстоятельство, а Сибилла Грей, которая была в доме за хозяйку, стала тревожиться всерьез. В

деревню на розыски отправлялась одна экспедиция за другой, но они не находили никаких следов; наконец, когда спустилась темнота, усадьбу охватил настоящий испуг. Тогда девушка послала за отцом Брауном, старым своим знакомым, который когда-то выручил ее в трудную минуту, и он, видя, что положение скверно, согласился остаться в доме на случай, если понадобится его помощь.

Наступил рассвет следующего дня - ничего нового не произошло; в это время отец Браун был уже на ногах и бдительно наблюдал. Его черная приземистая фигурка виднелась на садовой дорожке по-над берегом реки; он двигался там взад и вперед и близорукими, как будто сонными глазками озирал окрестность.

Он увидел, что по берегу ходит, причем не менее беспокойно, еще один человек, и окликнул его по имени. Это был Ивен Смит, хозяйский секретарь, высокий и белокурый; он казался весьма удрученным, что было бы и неудивительно в эти тревожные часы, однако в нем и всегда было что-то тоскливое. Возможно, это особенно бросалось в глаза потому, что он обладал сложением и повадкой атлета, а также львиной масти волосами и усами, которые сопутствуют (неприменно - в романах, а иной раз - и в действительности) прямодушию и жизнерадостности "молодого англичанина".

Но вид у него был измученный, а глаза глубоко запали, что не вязалось с высоким ростом и романтической шевелюрой и накладывало на его облик зловещую печать. Впрочем, отец Браун вполне дружелюбно улыбнулся ему, а затем сказал - уже более серьезно:

- Как это все тяжело!

- Особенно тяжело для мисс Грей, - угрюмо отвечал молодой человек. - И я не вижу причин скрывать, что именно это и тяготит меня больше всего, пусть девушка и помолвлена с Дэлмоном. Вы поражены?

Отец Браун как будто не был особенно поражен, но лицо у него и вообще было маловыразительным. Он лишь мягко заметил:

- Мы все, естественно, разделяем ее тревогу. Нет ли у вас новостей или своих собственных соображений по поводу этой истории?

- Новостей, собственно, никаких, - ответил Смит, - по крайней мере, из внешнего мира. А соображения... - Он замялся и подавленно замолчал.

- Я был бы очень рад выслушать ваши соображения, - твердо сказал священник и нахмурил брови, отчего его глубоко сидящие глаза погрузились в тень.

- Что ж, будь по-вашему, - помолчав, сказал молодой человек. - Все равно кому-нибудь придется рассказать, а вам, мне кажется, можно довериться.

- Вы знаете, что произошло с сэром Артуром? - спросил Браун так спокойно, как будто речь шла о чем-то самом незначительном.

- Да, - жестко отвечал секретарь. - Полагаю, что знаю.

- Чудесное утро! - перебил его приятный голос совсем рядом. - Какое чудесное утро и какой печальный разговор!

Секретарь дернулся так, точно его подстрелили, а на тропинку, ярко освещенную уже высоким солнцем, легла обширная тень доктора Эббота. Он был еще в халате; этот роскошный восточный халат, весь в красочных цветах и драконах, походил на пышную клумбу, возвращенную под пышущим солнцем тропиков. На ногах у него были широкие комнатные туфли без каблуков, поэтому он, несомненно, и подошел к ним совершенно неслышно. Столь невесомое, прямо-таки воздушное появление никак не вязалось с его наружностью, ибо это был очень крупный, дородный человек; его энергичное и доброжелательное лицо покрывал густой загар и обрамляли буйно разросшиеся старомодные седые бакенбарды, а патриархальную голову украшала роскошная седая волнистая грива. Длинные глаза-щелки казались сонными; да и в самом деле, пожилому человеку вставать было еще рановато. Впрочем, выглядел он одновременно и потрепанным и закаленным, словно старый фермер или капитан корабля, которому не раз приходилось противостоять суровым ветрам. Из всех гостей он был единственным старым другом и ровесником сквайра.

- Происшествие просто ни на что не похожее, - сказал он, качая головой. - Эти домишки в деревне - они как кукольные, со всех сторон насквозь все видно; там никого не спрячешь, даже если захочешь. Да никто и не хотел, я уверен. Мы с Дэлмоном вчера учинили там расследование. Это в основном тихие старые женщины - такие и мухи

не обидают. Мужчины почти все сейчас в поле, остался только мясник, но ведь видели, как Артур вышел от него. А на берегу реки по пути сюда ничего не могло случиться, я сам сидел там с удочкой весь день.

Тут он взглянул на Смита, и в его прищуренных глазах, прежде как будто лишь сонных, мелькнуло лукавство.

- Ведь вы с Дэлмоном можете подтвердить, - прибавил он, - что видели меня там и когда шли туда, и когда возвращались?

- Да, - коротко ответил Смит, которому, видимо, не терпелось продолжить прерванную беседу.

- Единственное, что приходит мне в голову... - неторопливо продолжил было доктор, но тут его, в свою очередь, тоже прервали. Через зеленую лужайку, между веселыми цветочными клумбами, шагал человек, одновременно крепкий и легкий в движениях, - это был Джон Дэлмон; он держал бумажку. Он был аккуратно одет, смуглое лицо было квадратно, как у Наполеона, а глаза очень печальны, так печальны, что казались почти мертвыми. Он был еще довольно молод, но черные волосы преждевременно поседели на висках.

- Я получил телеграмму из полиции, - сказал он. - Я телеграфировал туда вчера вечером, и они сообщают, что немедленно пришлют человека. Вы не знаете, доктор Эббот, с кем бы нам следовало связаться теперь? Может быть, с родственниками или кем-нибудь еще?

- Да, конечно, у него есть племянник, Верной Водри, - ответил старик. - Пойдемте, я дам вам адрес и... и еще кое-что расскажу о нем.

Доктор Эббот и Дэлмон направились к дому, и когда они отошли на достаточное расстояние, отец Браун проронил так, точно их и не прерывали:

- Итак?

- Как вы хладнокровны, - заметил секретарь. - Это, наверно, оттого, что вы привыкли выслушивать исповеди.

Вот и я тоже вроде бы собираюсь исповедаться. Конечно, когда такой слон подползает к вам сзади, как змея, то места для исповедальноеТМ уже не остается. Но раз уж я начал - буду продолжать, хотя в сущности эта исповедь вовсе и не моя. - Он остановился на мгновение, хмурясь и подергивая ус, а затем без предисловий заявил:

- По-моему, сэр Артур просто сбежал. И по-моему, я знаю, почему.

Последовало молчание, а затем он опять воскликнул:

- Понимаете, я в гнуснейшем положении: многие скажут, что я поступил гнусно. Я оказываюсь в роли доносчика и дряни, хотя, по-моему, я лишь выполняю свой долг.

- А вы будьте судьей, - веско ответил отец Браун. - Ну, так в чем же ваш долг?

- Роль моя неприглядна тем, что я вынужден наговорить на своего соперника, притом соперника счастливого, - горько проговорил молодой человек. - Только мне больше ничего не остается. Вы спросили о причинах исчезновения Водри. Я совершенно убежден, что эта причина - в Дэлмоне.

- Не хотите ли вы сказать, - спросил священник хладнокровно, - что Дэлмон убил сэра Артура?

- Ах, нет! - с неожиданной горячностью воскликнул Смит. - Тысячу раз нет! Ни в коем случае, что бы еще другое он ни сделал! Он-то никак не убийца. Лучшего алиби, чем у него, не придумаешь: его свидетель - человек, который его ненавидит. Мне ли клясться в любви к Дэлмону, но я могу заявить любому суду, что вчера он просто не мог ничего сделать со стариком. Мы были с ним вместе весь день; в деревне он купил сигареты, здесь курил их и читал в библиотеке - и больше ничего. Нет, по-моему, он преступник, но Водри он не убивал. Я даже больше скажу: именно потому, что он преступник, он Водри не убивал.

- Так, - терпеливо вставил священник, - и что же это значит?

- Видите ли, - отвечал секретарь, - его преступление совсем другое. И для успеха необходимо, чтобы Водри был жив.

- Понимаю... - задумчиво проронил отец Браун.

- Сибиллу Грей я знаю хорошо, и ее характер играет в этой истории важную роль. Это натура деликатная - в обоих смыслах этого слова: и благородная, и чувствительная.

Она из тех невероятно совестливых людей, у которых не вырабатывается защитной привычки или спасительного здравого смысла. Она почти до безумия чувствительна и вместе с тем совершенно лишена эгоизма. Жизнь у нее сложилась необычно: она осталась буквально без гроша, точно подкидыш, сэр Артур взял ее к

себе и очень о ней заботился, что многих удивляло, потому что это, по совести говоря, мало на него похоже. Но накануне ее семнадцатилетия все разъяснилось, и она была потрясена: опекун сделал ей предложение. Дальше начинается самое необыкновенное в этой истории. Сибилле было откуда-то известно (я подозреваю - от старика Эббота), что сэр Артур в своей бурной молодости совершил преступление или, по крайней мере, очень неблагоприятный поступок, из-за которого у него были большие неприятности. Не знаю, что там было такое. Но для девушки в нежном, чувствительном возрасте это превратилось в кошмар; благодетель стал в ее глазах чудовищем, во всяком случае, настолько, что не могло быть и речи о таких близких отношениях, как брак. То, как она ответила, до невероятия свойственно ей. С беспомощным страхом - и героическим бесстрашием - она сама, дрожащими губами, сказала всю правду. Она признала, что ее отвращение, возможно, болезненно; она созналась в нем как в тайном безумии. К ее удивлению и облегчению, он принял отказ спокойно и учтиво и больше, по-видимому, к этой теме не возвращался. А последующие события еще больше убедили ее в великодушии старого опекуна.

В ее одинокую жизнь вошел еще один, такой же одинокий человек. Он поселялся время от времени отшельником на острове выше по реке и, может быть, привлек ее внимание этой таинственностью, хотя, конечно, он и без того довольно привлекателен: он человек воспитанный и остроумный, хотя и очень печальный; впрочем, это, пожалуй, только придавало ему романтичности. Это, разумеется, был Дэлмон. Я по сей день не знаю, насколько благосклонно в действительности она отнеслась к нему, но, так или иначе, он получил разрешение встретиться с ее опекуном. Можно представить себе, с каким мучительным страхом ждала она этой встречи и гадала, как воспримет появление соперника старый селадон. Но она опять убедилась, что она несправедлива к своему опекуну. Он принял молодого человека с сердечным радушием и, казалось, был в восторге от складывающейся партии. Они с Дэлмоном вместе ходили на охоту и рыбную ловлю и были в наилучших отношениях, когда однажды ей пришлось пережить новое потрясение. Как-то в разговоре Дэлмон обмолвился, что старик "за двадцать лет почти не переменился". Так ей вдруг открылась правда об их

удивительной дружбе. И это нынешнее их знакомство, и сближение были притворством: они явно были знакомы и раньше. Потому-то молодой человек и заявился в эти места столь скрытно. Потому-то старый опекун с такой готовностью помогал устройству брака. Ну, и на что это, по-вашему, похоже?

- На что это похоже по-вашему, я знаю, - улыбнулся отец Браун. - Что ж, вполне логично. На прошлом Водри лежит какое-то пятно. Тут появляется таинственный пришелец, который ходит за ним, как тень, и добивается всего, чего захочет. Короче говоря, вы считаете, что Дэлмон - шантажист?

- Совершенно верно, - ответил его собеседник, - как это мне ни гадко.

Отец Браун задумался на минуту, а затем сказал:

- Пойду-ка я поговорю с доктором Эбботом.

Час или два спустя он вышел из дома. Возможно, он и беседовал там с доктором, только появился он в обществе Сибиллы Грей, бледной девушки с рыжеватыми волосами и тонким, почти хрупким профилем. Увидев ее, можно было поверить словам молодого человека о ее необыкновенном чистосердечии. Тут на ум невольно приходили и леди Годива, и сказания о непорочных мученицах; лишь скромные люди могут отбросить стыдливость, когда велит совесть.

Смит пошел им навстречу, и с минуту они разговаривали, стоя посреди лужайки. С самого рассвета не было ни облачка на небе, и теперь оно дышало зноем и ослепительно сверкало; однако священник не расставался со своим зонтиком, похожим на бесформенный черный ком, и шляпой, напоминавшей черный зонтик, да и вообще он словно застегнулся на все пуговицы в предвидении бури. Но возможно, он лишь невольно производил такое впечатление, возможно также, что он предвидел бурю нематериальную.

- Как отвратительно, - говорила удрученная Сибилла, - что уже пошли разные толки да пересуды. Все друг друга подозревают. Джон и Ивен хоть могут быть свидетелями друг для друга. Но у доктора Эббота произошла гадкая сцена с мясником, который думает, что обвинят его, и поэтому сам всех обвиняет.

Ивен Смит нервничал и наконец не выдержал:

- Послушайте, Сибилла, многое пока непонятно, но, кажется, все это вообще пустое. Дела, конечно, прескверные, но нам

представляется, что никакого э-э... насилия не было.

- Значит, у вас есть уже теория? - Девушка метнула взгляд на священника.

- Меня ознакомили с одной теорией, - ответил тот, - и весьма убедительной, по-моему.

С сонным видом он смотрел в сторону реки, а Смит и Сибила завели между собою, не повышая голоса, быстрый разговор. Священник, глубоко задумавшись, побрел по берегу. В одном месте берег выступал небольшим навесом, и на нем примостилась поросль молодых деревьев. Жаркое солнце пронизывало жиденький полог мелкой листвы, колыхавшейся, словно зеленые язычки пламени, и все птицы расшебетались так, будто у каждого дерева было сразу тысяча языков. Через минуту или две Ивен Смит услышал, как из зеленой гущи его тихонько, но вполне отчетливо зовут по имени. Он было сделал несколько шагов в том направлении, но отец Браун уже сам вынырнул оттуда и, понизив голос, сказал:

- Сделайте так, чтобы дама не ходила сюда. Лучше бы она вообще ушла. Позовите ее к телефону или придумайте сами что-нибудь, а потом возвращайтесь.

Смит повернулся к девушке, отчаянно стараясь быть беспечным, и что-то ей сказал, но ее нетрудно было занять чем-нибудь нужным для других. Она скоро вернулась в дом, а Смит последовал за отцом Брауном, который опять скрылся в густых зарослях. Там, за деревьями, было что-то вроде крошечного овражка, где поверхностный слой почвы провалился и оказался вровень с песчаным берегом реки. Браун стоял на краю этой ямы и смотрел вниз, причем - случайно ли, сознательно ли, но шляпу он держал в руке, хотя солнце немилосердно пекло ему голову.

- Лучше, чтобы вы увидели это сами, - с трудом проговорил он, - как возможный свидетель. Только предупреждаю - будьте готовы.

- К чему? - спросил секретарь.

- К самому страшному, что я видел в своей жизни.

Ивен Смит подошел к краю обрыва, и ему стоило труда подавить крик или, скорее, вопль. Снизу на него глядел, ухмыляясь, сэр Артур Водри; его лицо было обращено вверх, так что на него можно было наступить. Голова была запрокинута назад, копна желтовато-седых

волос оказалась под самыми их ногами, и Смит видел лицо в перевернутом виде.

Такое могло привидеться только в кошмаре, когда грезятся люди с головами набекрень. Что же он здесь делал? Можно ли вообразить, чтобы сэр Артур ползал по каким-то рытвинам и промоинам в такой неестественной позе, прятался да еще скалился оттуда? Тело казалось горбатым и кособоким, будто его изувечили. Правда, вскоре стало ясно, что дело тут в искажении видимых пропорций сведенных вместе рук и ног. Что, если он безумен? Сошел с ума? Смит все смотрел на него, и все более застывшей казалась ему эта фигура.

- Вам отсюда не видно, - сказал отец Браун, - но у него перерезано горло.

Смит содрогнулся.

- Да уж, верно, ничего ужасней в жизни не увидишь, - выговорил он. Это оттого, что лицо перевернуто. Я видел это лицо за завтраком, за обедом каждый день, лет десять подряд, всегда такое приятное, любезное. А вот переверните его, и перед вами сущий дьявол.

- И ведь он действительно улыбается, - спокойно и рассудительно сказал Браун, - это озадачивает само по себе. Люди не часто улыбаются, когда им перерезают плотку, даже если они сами перерезают ее. Несомненно, это жуткое впечатление вызывает усмешка в сочетании с глазами навыкат. Но что верно, то верно - вверх ногами все предстает в ином виде. Художники часто переворачивают рисунки, чтобы проверить их точность. Иногда, если трудно перевернуть сам объект (скажем, гору), они даже становятся на голову или хотя бы наклоняются и смотрят на картину, раздвинув ноги.

Священник говорил легкомысленным тоном, чтобы успокоить нервы молодого человека, но заключил он уже более серьезно:

- Я вполне понимаю, как вы расстроены. К несчастью, расстроилось и еще кое-что.

- Что вы имеете в виду?

- Расстроилась вся наша безупречная теория, - ответил Браун и стал осторожно спускаться по склону на узенький песчаный берег реки.

- Однако может статься, что он покончил с собой, - вдруг сказал Смит. - В конце концов это ведь тоже бегство, и тогда все вполне

согласуется с нашей теорией. Ему нужно было спокойное место, он пришел сюда и перерезал себе горло.

- Нет, - возразил священник, - он, во всяком случае, попал сюда не при жизни и не по земле. Его убили не здесь: слишком мало крови. Солнце уже изрядно высушило волосы и одежду, но сохранилось два следа от волн. Как раз сюда доходит морской прилив, который образует водоворот, - он втянул тело в эту заводь, где оно и осталось потом, когда прилив стал спадать. Но сперва его должно было принести по реке, как можно догадаться, от деревни, поскольку она задворками выходит на берег. Нет, бедняга Водри нашел смерть в деревне. Я все-таки не допускаю, что он покончил с собой; но вот вопрос кто и как мог убить его в этом крошечном селеньице?

Он принялся чертить на песке своим неказистым зонтиком.

- Давайте-ка подумаем. В каком порядке стоят там лавки? Первая - это лавка мясника. Конечно, мясник с огромным секачом вроде бы вполне подходит на роль убийцы. Но вы же сами видели, как Водри вышел от него; да и трудно себе представить, что он смиренно стоит перед прилавком, пока мясник говорит: "Доброе утро. Позвольте, я вам перережу горло. Благодарю вас. Что вам еще угодно, сударь?" Сэр Артур не похож на участника такой сцены, да еще с приятной улыбкой на устах. Он был человеком сильным и решительным, с неукротимым нравом. Кто же еще, кроме мясника, мог бы с ним справиться? В следующей лавчонке сидит пожилая женщина. Ее сосед, торговец табаком, разумеется, мужчина, но, как я слышал, он очень робок. Дальше идет портняжная мастерская, портнихи там - две старые девы; а потом - нечто вроде закусочной, хозяин которой как раз сейчас в больнице и оставил дела на свою жену. Есть еще двое-трое деревенских парней - приказчиков да рассыльных, - но и их послали куда-то с поручением. Закусочной улица заканчивается. А по дороге к гостинице стоял полисмен.

Он поставил концом зонта точку на своем чертеже там, где был полицейский пост, и задумался, вперив взгляд в речную даль. Потом он сделал неопределенный жест рукой и, шагнув в сторону, наклонился к мертвому телу.

- А-а! - протяжно выдохнул он, выпрямляясь. - Табачник! Как же я не подумал о табачнике!

- Что с вами? - несколько раздраженно спросил Смит, поскольку отец Браун нелепо вытаращил глаза и что-то забормотал; слово "табачник" он произнес так, будто нашел в нем какое-то зловещее значение.

- Вы не заметили, - помолчав, спросил священник, - чего-нибудь особенного у него в лице? - И указал Смицу на труп.

- Отцы святые! Особенного? - воскликнул Ивен, передернувшись от ужаса. - Ничего себе, если у человека перерезана плотка...

- Я сказал - в лице, - спокойно поправил священник. - И кроме того, вы заметили, что у него порезан палец?

- Ну, это к делу отношения не имеет, - быстро ответил Ивен. - Это произошло раньше и совершенно случайно. Он поранился разбитым чернильным пузырьком, когда мы работали вместе.

- Нет, все-таки и это имеет отношение к делу, - возразил отец Браун.

Они долго молчали, и священник понуро бродил по песку, волоча за собою зонт, и время от времени бормотал слово "табачник", пока от самого его звука у Смита по телу не забегали мурашки. Потом он вдруг поднял зонт и указал им на лодочную будку в камышах.

- Скажите, это хозяйская лодка? - спросил он. - Покатайте-ка меня немного. Мне нужно взглянуть на эти домики со стороны реки. Времени терять нельзя: тело могут обнаружить, но придется рискнуть.

Смит уже правил вверх по реке в сторону деревни, когда отец Браун снова заговорил:

- Кстати, я разузнал у доктора Эббота, что за проступок числится за беднягой Водри. Началось с того, что какой-то египетский чиновник оскорбил его, сказав, кажется, что порядочному мусульманину с англичанами, как и со свиньями, делать нечего, хотя свиньи все же лучше, - словом, была какая-то бестактность. Что бы там ни случилось в действительности, но ссора возымела продолжение несколько лет спустя, когда тот чиновник оказался в Англии. Водри, обуреваемый гневом, приволок его в свинарник на какой-то усадьбе, затолкал туда, сломав ему руку и ногу, и бросил до утра. Разумеется, вышел скандал, но многие считали, что Водри действовал в простительном порыве патриотизма. Однако не может

же человек из-за этого молчать десятки лет и смертельно бояться шантажа.

- Значит, вы полагаете, что эта история никак не связана с тем, над чем мы сейчас думаем? - задумчиво спросил секретарь.

- Я полагаю, что эта история донельзя близко связана с тем, над чем думаю сейчас я, - ответил Браун.

Они плыли в это время вдоль невысокой стенки; за нею, от домиков деревни к реке, спускались по крутому склону грядки огородов.

Отец Браун внимательно пересчитал дома, подняв острый зонтик, и когда дошел до третьего дома, то снова проговорил:

- Табачник! Что, если табачник?.. Впрочем, буду уж действовать, как подсказывает догадка, а там посмотрим.

Скажу только, что показалось мне странным в лице сэра Артура.

- Что же? - спросил его товарищ, перестав на несколько секунд грести.

- Он всегда очень следил за собой, - сказал отец Браун, - а сейчас выбрит лишь наполовину. Давайте-ка тут причалим. Лодку можно привязать к этому столбу.

Через минуту или две они уже перелезли через низенькую стенку и взбирались по крутой булыжной дорожке между грядок с овощами и цветами.

- Видите - табачник выращивает картофель, - говорил отец Браун. - Тут, можно сказать, витает дух сэра Уолтера Рэли. Вон сколько и картошки, и картофельных мешков. Деревенские торговцы не совсем еще порвали с крестьянскими привычками; они часто совмещают в хозяйстве два-три занятия. У табачников в деревне очень часто есть еще одно ремесло, но я как-то не подумал об этом, пока не рассмотрел подбородка Водри. В девяти случаях из десяти их лавку называют табачной, но одновременно это еще и парикмахерская. Водри порезал руку и не мог побриться сам - вот почему он пошел сюда. Это вам ничего не подсказывает?

- Подсказывает, конечно, и много чего, - ответил Смит. - Но вам, наверно, это подсказывает гораздо больше.

- Не подсказывает ли это вам, например, - продолжал Браун, - при каких обстоятельствах мог улыбаться отнюдь не беззащитный господин непосредственно перед тем, как ему перерезали горло?

Несколько секунд спустя они шли темным коридором в задней части дома и вскоре оказались во внутренней комнате; скудный свет проникал в нее из следующего помещения, да поблескивало запыленное, треснувшее зеркало. Тут стоял зеленый полумрак, как на дне озера, но все же можно было разглядеть нехитрые парикмахерские инструменты и панически бледное лицо парикмахера.

Глаза отца Брауна обшарили комнату, которую, видно было, незадолго перед тем тщательно вычистили и прибрали, и наконец напали на нечто в пыльном углу за дверью.

Там висела шляпа, белая шляпа, столь хорошо знакомая всем в деревне. И тем не менее, всегда приметная на улице, здесь она казалась одной из тех мелких вещей, о которых иные люди порой совершенно забывают, когда старательно выскабливают пол и уничтожают испачканные тряпки.

- Сэр Артур Водри, полагаю, брился здесь вчера утром, - ровным голосом произнес отец Браун.

На парикмахера, низенького лысого человечка в очках, по фамилии Уикс, внезапное появление двух посетителей из глубины его собственного дома произвело такое впечатление, словно это два призрака восстали из склепа под полом.

Но страх его, очевидно, имел причиной не только причуды суеверия. Он съежился и, если можно так выразиться, вжался в темный угол; и все в нем как-то сразу стало невидным, кроме огромных, как глаза домового, очков.

- Скажите мне одно, - спокойно продолжал священник. - У вас были причины ненавидеть сквайра?

Человечек в углу пролепетал что-то, чего Смит не расслышал, но священник кивнул.

- Знаю, что были, - сказал он. - Вы ненавидели его; из этого мне ясно, что вы его не убивали. Ну, расскажете сами, что тут произошло, или мне рассказать?

Настала тишина, в которой слышалось лишь слабое тиканье часов на кухне; затем отец Браун заговорил:

- Произошло вот что. Мистер Дэлмон, войдя с улицы в вашу дверь, спросил каких-то сигарет, выставленных в витрине. Вы на секунду ступили за порог, как делают торговцы, чтобы посмотреть, на что он показывает. И в этот момент он увидел во внутренней комнате

бритву, которую вы отложили, и седую голову сэра Артура на спинке кресла: на них, вероятно, как раз падал свет из того оконца в глубине.

В одно мгновение он успел схватить бритву, полоснуть ею сквайра по горлу и вернуться к прилавку. Несчастный даже не всполошился, когда увидел руку с бритвой. Он умер, улыбаясь своим мыслям. О, что это были за мысли! Сам Дэлмон тоже мог не тревожиться. Он проделал все быстро и тихо - даже мистер Смит, стоявший на улице, поклялся бы в суде, что они не расставались ни на минуту. Причина для тревоги была только у одного человека - у вас. Вы не ладили с помещиком из-за задолженности по ренте и еще из-за чего-то, и вот вы обнаруживаете, что ваш недруг зарезан у вас в лавке вашей же собственной бритвой. Вполне понятно, вы пришли в отчаяние от того, что вам не отмыться от обвинения, и решили, пока не поздно, смыть пятна с пола, а тело ночью бросить в реку, положив его в картофельный мешок; только вы плохо завязали его. Хорошо еще, что в определенные часы ваша парикмахерская закрывается, и у вас было достаточно времени. И вы ничего как будто не забыли - кроме вот этой шляпы... Однако не бойтесь: я забуду все, в том числе и о шляпе, - закончил он и как ни в чем не бывало вышел на улицу. Смит, пораженный до глубины души, последовал за ним, а парикмахер лишь глядел оторопело им вслед.

- Понимаете ли, - сказал отец Браун своему спутнику, - это тот случай, когда побудительный мотив слишком слаб, чтобы обвинить человека, но слишком силен, чтоб оправдать. Такой робкий и нервный человек не способен убить сильного и решительного из-за каких-то денежных дрызг.

Но именно такой человек будет смертельно бояться, как бы его не обвинили в этом... Да что говорить, у настоящего виновника мотив был уж куда более серьезный!

Он погрузился в размышления, почти пристально глядя в пустоту перед собой.

- Какой ужас, - простонал Ивен Смит. - Всего час-два назад я клеймил Дэлмона как подлеца и шантажиста, но все же не укладывается в голове, что он совершил такое.

Священник все еще был словно в трансе, как человек, заглянувший в пропасть. Наконец его губы дрогнули, и он пробормотал скорее как молитву, нежели как проклятие:

- Всемиловейший Господь! Какая ужасная месть!

Его спутник что-то спросил, но он продолжал говорить как бы про себя:

- Сколько же тут было ненависти! Какое жестокое возмездие одного смертного червя другому! Возможно ли проникнуть до дна в бездонное человеческое сердце, в котором могут таиться столь чудовищные страсти! Упаси нас, Господи, от гордыни, но не мне постичь такую ненависть и такое возмездие.

- Да, - вставил Смит, - мне так и вообще не постичь, зачем он убил Водри. Если Дэлмон - шантажист, то ведь куда естественнее было бы для Водри убить его. Конечно, это, как вы сказали, ужасная месть, но...

Отец Браун заморгал, будто проснувшись, и торопливо возразил:

- Ах, вы об этом! Нет, я говорил о другом. Я имел в виду не убийство в парикмахерской, когда... ну, когда ужаснулся возмездию. Тут было кое-что другое, пострашнее, хотя, конечно, и это убийство тоже достаточно страшно. Но это-то постичь гораздо легче: почти каждый способен на такое. Это ведь была, собственно, почти что самозащита.

- Что?! - не поверил своим ушам секретарь. - Человек подкрадывается к другому сзади и перерезает ему плотку, когда тот беззаботно улыбается в потолок, сидя в кресле у парикмахера, и вы называете это самозащитой!

- Я не утверждаю, что это оправданная мера самозащиты, - отвечал священник. - Но многие пошли бы на это, чтобы защитить себя, столкнувшись с вопиющей подлостью, которая сама по себе тоже вопиющее преступление. Об этом-то, другом преступлении, я сейчас и думал. Начать с вопроса, которым вы задались, - ну зачем бы шантажисту убивать? Видите ли, тут целая куча превратных мнений и привычного смещения вещей. - Он помолчал, точно приводя в порядок мысли после недавнего смятения, и продолжал обычным тоном: - Вы видите, что двое мужчин, старый и молодой, завязывают дружбу и строят матримониальные планы; но причина их дружбы темна и кроется в прошлом.

Один из них богат, другой - беден, и вы подозреваете шантаж. Что ж, покамест вы правы. Но вы неверно решаете, кто шантажирует

кого. Вы предполагаете, что бедный шантажирует богатого. На самом деле богатый шантажировал бедного.

- Но это же нелепость! - возразил секретарь.

- Это гораздо хуже, чем нелепость, но ничего необычного тут нет. Политика наших дней наполовину состоит в том, что богачи шантажируют народ. Ваше мнение, что это - нелепость, основано на нелепых же иллюзиях. Одна из них - это что богатые не хотят стать богаче; другая - что шантажировать можно только из-за денег. В нашем случае деньги не играют роли. Сэр Артур Водри искал не корысти, а мести. И он замыслил самую отвратительную месть, о какой я только слышал.

- Но за что бы ему мстить Джону Дэлмону? - спросил Смит.

- Он мстил не Джону Дэлмону, - сумрачно отвечал священник.

Какое-то время они молчали; затем отец Браун опять заговорил, но как будто о другом:

- Помните, когда мы обнаружили тело покойного, его лицо оказалось перед нами в перевернутом виде. Вы тогда еще сказали, что у него лицо сущего дьявола. А не приходило ли вам в голову, что убийца тоже увидел это лицо перевернутым, когда подошел к креслу?

- Мало ли что скажешь, когда ты не в себе, - воспротестовал его спутник. - Уж очень я привык видеть его лицо как следует.

- А вы, может, никогда и не видели его как следует, - ответил на это Браун. - Я же рассказывал вам, что художники ставят картину как не следует, если хотят как следует ее рассмотреть. Может быть, в эти десять лет за завтраком и чаем вы просто привыкли видеть лицо дьявола?

- К чему это вы ведете? - нетерпеливо отца Брауна прервал Смит.

- Я выражаюсь иносказательно, - сумрачно пояснил Браун. - Разумеется, сэр Артур не дьявол в буквальном смысле. Он был человеком, и характер его от природы таков, что мог бы обратиться и к добру. Но вспомните его вытаращенные подозрительные глаза, его плотно сжатые и постоянно вздрагивающие губы; они многое могли бы вам сказать, если бы вы не настолько привыкли видеть их.

Знаете, есть больные, у которых на теле раны не заживают. Такова была душа сэра Артура. Она была как бы лишена кожи; он страдал лихорадочной самолюбивой настороженностью. Его недоверчивые глаза были неусыпно на страже его достоинства. Чувствительность -

это не обязательно эгоистичность. Сибилла Грей, например, тоже не толстокожа, однако ей удается быть при этом чуть ли не святой.

Но у Водри эта черта характера обратилась пагубной для него гордостью, гордостью, которая даже не могла дать ему защиты и самоуспокоения. Любая царапина на поверхности его души превращалась в гнойную рану. Вот чем объясняется тот случай с избиением египтянина в свинарнике. Если бы он избил его сразу, когда его называли свиньей, это было бы понятной вспышкой гнева. Но там не было свинарника - в этом-то все и дело. Водри много лет помнил это глупое оскорбление, пока ему не удалось невероятное - добиться приезда своего обидчика на усадьбу с хлевом, и тогда он отомстил, как он считал, справедливо и артистично. Ничего не скажешь, он любил, чтобы месть была справедливой и артистичной.

Смит с любопытством поглядел на него:

- А ведь вы сейчас думаете не об истории со свинарником.

- Да, - ответил отец Браун, - я думаю о другом. - Он подавил дрожь в голосе и продолжал: - Памятуя о том фантастическом и терпеливом замысле мести, достойной оскорбления, обратимся теперь к нашей истории. Не припомните ли вы, чтобы кто-нибудь еще оскорбил Водри или же дал повод считать себя смертельно оскорбленным? Конечно!

Его оскорбила женщина.

В глазах Ивена забрезжил смутный ужас; он напряженно слушал.

- Девушка, почти девочка, отказала ему, потому что он совершил в свое время нечто вроде преступления. Он пробыл некоторое время в тюрьме за избиение египтянина. И тогда, в отчаянии, этот обезумевший человек сказал себе:

"Так пусть она станет женой убийцы".

Они шли берегом реки к усадьбе. Некоторое время они молчали, а затем отец Браун заговорил снова:

- Водри имел возможность шантажировать Дэлмона потому, что тот когда-то совершил убийство. Может быть даже, он знал и о каких-нибудь других преступлениях удалых товарищей его юности. Вероятно, это было какое-то шальное преступление - ведь шальные убийства совсем не самые худшие. А Дэлмон, по-моему, все-таки способен на раскаяние, даже и в убийстве Водри. Но он был во власти Водри, и они, действуя сообща, очень ловко опутали девушку

сватовством, как сетью: один стал ухаживать за нею, а другой великодушно поощрял их. Но Дэлмон и сам не знал - это было открыто лишь сатане, - что на уме у старика.

- И вот несколько дней назад Дэлмон сделал страшное открытие: он оказался орудием чужой воли, его использовали, а теперь, как выяснилось, собирались сломать и выкинуть.

Он наткнулся в библиотеке на какие-то бумаги Водри, из которых, хотя это и не было сказано прямо, понял, что готовится донос в полицию. Ему стал ясен весь адский замысел старика, и он остолбенел так же, как я, когда догадался о нем.

Немедленно после венчания жених был бы арестован и затем повешен. Щепетильная невеста пренебрегла тем, кто побывал в тюрьме, и вышла бы за того, кому дорога на эшафот. Вот каким образом сэр Артур Водри собирался артистично подвести черту под этой историей.

Ивен Смит, смертельно бледный, молчал. А тем временем вдали на дороге показалась высокая фигура и широкая шляпа доктора Эббота, который приближался к ним, и даже издали заметно было, что он сильно взволнован. Но они и сами еще не оправились от потрясения явленным им страшным откровением.

- Вы говорите, что ненависть отвратительна, - нарушил молчание Ивен. И знаете, одно, по крайней мере, отрадно для меня. Вся моя ненависть к несчастному Дэлмону улетучилась теперь, когда я узнал, как он дважды стал убийцей.

Они шли в молчании, пока не встретились с доктором, который как бы в отчаянии размахивал на ходу своими длинными руками в перчатках; седую его бороду всю трепал ветер.

- Ужасная новость! - сказал он. - Найдено тело Артура. По-видимому, смерть настигла его в саду.

- Боже мой! - как-то механически проронил отец Браун. - Как страшно!

- Это еще не все, - задыхаясь, продолжал доктор, - Джон Дэлмон уехал, чтобы встретить Вернона Водри, племянника Артура, но тот его и в глаза не видел. Похоже, что теперь исчез и Дэлмон.

- Боже мой! - пробормотал отец Браун. - Как странно...

ХУДШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В МИРЕ

Отец Браун расхаживал по картинной галерее с таким видом, словно пришел сюда не для того, чтобы смотреть на картины. В самом деле, они его не интересовали, хотя вообще-то картины он очень любил. Не то чтобы в этих высокосовременных произведениях искусства было что-нибудь безнравственное или предосудительное; тот, кто возбуждал в себе языческие страсти, манипулируя сочетаниями прерывистых спиралей, перевернутых конусов и разбитых цилиндров, с помощью которых искусство будущего вдохновляло или совращало человечество, обладал - надо отдать ему должное - легковозбудимым темпераментом. Дело в том, что отец Браун поджидал здесь своего юного друга, выбравшего это несообразное место в соответствии со своими более футуристическими вкусами.

Юный друг был и юной родственницей, одной из немногих, которые у него были. Звали ее Элизабет Фейн, а попросту Бетти, и она была дочерью его сестры, вышедшей в свое время замуж за благородного, но обедневшего сквайра. Поскольку сквайр был настолько же мертв, насколько и беден, отец Браун состоял ее опекуном, равно как и исповедником, и в каком-то смысле защитником, а заодно и родным дядей.

В данный момент он, впрочем, тщетно щурился на стоявшие в галерее группы в поисках знакомых каштановых волос и ясного лица. Вместо племянницы он увидел несколько знакомых и чуть больше незнакомых ему людей, включая нескольких, с которыми, по причудливости вкуса, он и не хотел бы познакомиться.

Среди людей, с которыми священник не был знаком, но которые тем не менее вызывали его интерес, был гибкий, подвижный, очень элегантный человек, похожий на иностранца благодаря бородке клинышком, как у пожилого идадьго, и темным волосам, подстриженным так коротко, что они казались черной шапочкой, плотно облегающей череп. Среди тех, с кем священник знакомиться не хотел, была очень властная на вид особа в крикливом алом платье, с гривой желтых волос, слишком длинных, чтобы назвать их стрижкой, но чересчур редких, чтобы назвать их как-либо иначе. У нее было сильное, тяжелое лицо бледного, почти нездорового оттенка, и стоило ей взглянуть на кого-нибудь, как у того возникало ощущение, что на него глядит василиск. Она тащила за собой на буксире

коротышку с большой бородой, очень широким лицом и длинными сонными глазами. Глядел он вполне благодушно, если вообще бодрствовал; но бычья его шея (вид сзади) казалась, по совести, грубоватой.

Отец Браун посмотрел на алую даму, радуясь тому, что его племянница ничуть на нее не похожа. Потом он отвернулся и стал оглядываться - по какой-то ему самому неизвестной причине, - пока не ощутил, что любое человеческое лицо было бы спасительным контрастом. И поэтому он с облегчением, как бы проснувшись, услышал свое имя и увидел еще одно знакомое ему лицо.

Это было острое, но отнюдь не агрессивное лицо юриста по имени Гренби, чьи седоватые пряди казались напудренным париком, настолько они не вязались с юношеской энергией движений. Он был из тех людей, которые носят по конторам, как шкодливые школьники. Конечно, он не мог скакать по модной картинной галерее так, как скакал у себя в офисе; но, казалось, мечтал об этом и волновался, оглядываясь по сторонам в поисках знакомых.

- Я не знал, - сказал отец Браун с улыбкой, - что вы благоволите к Новому Искусству.

- А я не знал, что вы ему покровительствуете, - отбрил тот. - Я здесь охочусь за одним человеком.

- Желаю удачной охоты, - ответил священник. - Я занимаюсь примерно тем же.

- Сказал, что он здесь проездом на континент, - фыркнул законник, - а я могу встретить его в этом подозрительном местечке. - Он немного подумал, затем продолжал: - Послушайте, я уверен, что вы умеете хранить тайну. Знаете ли вы сэра Джона Масгрейва?

- Нет, - ответил священник, - но я с трудом представляю, как он может быть тайной, хотя о нем и говорят, что он схоронил себя заживо в замке. Не тот ли это старик, о котором рассказывают столько историй, - вроде бы он живет в башне с настоящей опускной решеткой и подъемным мостом и наотрез отказывается вернуться из темного средневековья? Он что, один из ваших клиентов?

- Нет, - коротко отвечал Гренби, - к нам обратился его сын, капитан Масгрейв. Но старик играет в этом деле немаловажную роль, а я его не знаю, в этом-то все и дело.

Послушайте, это строго между нами, впрочем, вам я могу доверять. - Он понизил голос и увлек своего друга в боковую галерею, содержащую образчики разнообразных скульптур, которая была сравнительно пуста.

- Молодой Масгрейв, - начал он, - хочет получить от нас большую сумму под доверенность post obit {доверенность, вступающая в силу после (post) чьей-либо смерти (obit - ушел, умер)} своего старика отца в Нортамберленде. Старик ушел далеко за семьдесят, и он рано или поздно уйдет; но как быть с "post", если можно так выразиться? Что станет с его деньгами, замком, подъемными мостами? Это прелестнейший древний замок, и он по-прежнему чего-то стоит, но, как ни странно, он не отмечен в завещании. Так что вы видите, с кем мы имеем дело. Вопрос в том, как сказал какой-то герой Диккенса, благосклонен ли старик.

- Если он благосклонен к своему сыну, тем лучше для вас, - заметил отец Браун. - Нет, боюсь, ничем не могу вам помочь. Мне никогда не приходилось встречать сэра Джона Масгрейва, и, насколько я знаю, очень немногие видятся с ним. Очевидно, вы должны спросить у него самого, прежде чем одалживать молодому джентльмену деньги вашей фирмы. Не из тех ли он, которых частенько оставляют без пенса?

- Сомневаюсь, - ответил тот. - Он очень популярен, блестящий ум и крупная фигура в обществе, но большую часть времени проводит за границей. Кроме того, он был журналистом.

- Что ж, - сказал отец Браун, - это еще не преступление, по крайней мере - не всегда.

- Чепуха, - отрывисто сказал Гренби. - Вы знаете, что я имею в виду, он перекасти-поле. Был журналистом, лектором, актером, кем только он не был. Так на чем я остановился?.. Впрочем, вот и он.

И законник, нетерпеливо расхаживавший по пустой галерее, неожиданно обернулся и на бегу вонзился в другую, более наполненную комнату. Он спешил навстречу высокому, хорошо одетому человеку с короткой стрижкой и заграничной бородкой.

Эти двое ушли беседуя, и какое-то время отец Браун еще следил за ними близорукими прищуренными глазами.

Наблюдения были, однако, прерваны поспешным, но своевременным появлением его племянницы Бетти. К большому

удивлению дяди, она увлекла его обратно в пустой зал и усадила на стул, напоминающий остров среди половодья.

- Я должна вам кое-что сказать, - начала она. - Это так глупо, что никто, кроме вас, не поймет.

- Ты меня переоцениваешь, - сказал отец Браун. - Это не о том, о чем начала рассказывать твоя матушка? Помолвка или что-то такое... Да, о помолвке уже пошла молва.

- Вам известно, - спросила она, - что она хочет выдать меня за капитана Масгрейва?

- Нет, - отвечал отец Браун после некоторого раздумья. - Капитан Масгрейв, мне кажется, очень популярен нынче.

- Конечно, мы очень бедны, - продолжала она. - Нам говорят, что не в деньгах счастье, но от этого лучше не становится.

- А ты хочешь выйти за него замуж? - спросил отец Браун, глядя на нее из-под полузакрытых век.

Она потупила взор и ответила, понизив голос:

- Думала, что хочу. То есть это я сейчас думаю, что думала... Только что я очень испугалась.

- Что ж, расскажи.

- Я услышала, как он смеется, - проговорила она.

- Ну, смех помогает общению, - заметил священник.

- Нет, вы не поняли, - сказала девушка. - Совсем не помогает. В том-то все и дело, что он ни с кем не общался.

Она помолчала, потом объяснила:

- Я приехала сюда довольно рано и увидела, что он сидит один в центре галереи, где висит эта современная живопись. Там было тогда почти пусто. Он не знал, что кто-то рядом, он сидел там совершенно один, и он смеялся.

- Что ж, ничего удивительного, - сказал отец Браун. - Я не искусствовед, но, в общем, если взять все эти картины...

- Ах, вы не понимаете! - сказала она почти гневно. - Это совсем не то. Он не смотрел на картины. Он глядел прямо в потолок, но казалось, что его глаза устремлены внутрь.

И смеялся он так, что у меня кровь похолодела.

Священник поднялся и расхаживал по комнате, заложив руки за спину.

- В таком деле нельзя принимать необдуманных решений, - начал он. Мужчины делятся на два типа... Но мы вряд ли успеем обсудить этот вопрос, потому что вот наш герой собственной персоной.

Капитан Масгрейв быстро вошел в комнату и, улыбаясь, пересек ее. Гренби, правовед, улыбаясь, шел за ним. Его правоведческое лицо стало иным, благодушным.

- Должен извиниться перед вами за все, что я говорил о капитане, сказал он священнику, когда они пробирались к дверям. - Он чуток и прекрасно понял меня. Сам, не дожидаясь спросил, почему я не съезжу на север и не повидаю его старика отца. Тогда бы я смог услышать из его уст, как обстоят дела с наследством. Ну как, мог он сказать честнее?

Он настолько озабочен тем, чтобы устроить все наилучшим образом, что сам предложил отвезти меня в Масгрейвские Мшаники, так называется поместье. Я предложил ему, если он так добр, отправиться вместе; и вот завтра утром мы выезжаем.

Пока они говорили, Бетти и капитан рука об руку прошли в дверной проем, создав в этой раме нечто вроде картины, которую те, кто почувствительней, предпочли бы конусам и цилиндрам. Какими бы ни были их отношения, и он, и она смотрелись прекрасно; и законник не преминул отметить это, когда картина исчезла.

Капитан Джеймс Масгрейв заглянул в очередную галерею. Его смеющийся, торжествующий взор остановился на чем-то - и совершенно изменился. Отец Браун оглянулся как бы в наитии и увидел хмурое, почти фиолетовое лицо крупной женщины в алом под львиной гривой волос. Она стояла, слегка наклонившись, как бык, выставивший рога, и одутловатое лицо было таким властным и злым, что человек с большой бородой, стоявший подле нее, был едва заметен.

Масгрейв, похожий на красиво одетую восковую фигуру, обученную ходьбе, пробрался в центр зала. Он сказал женщине несколько слов, так, чтобы никто не услышал. Та не ответила; но они вместе повернулись, прошли по длинной галерее, вроде бы споря, а коротышка с бычьей шеей замыкал шествие, словно нелепый карлик-паж.

- Господи, спаси! - пробормотал отец Браун, ковыляя за ними. - Кто же такая эта женщина?

- К счастью, не моя подружка, - ответил Гренби с грубой прямоотой. Выглядит она так, что самый легкий флирт с нею может окончиться очень плохо.

- Не думаю, что он собирается с ней флиртовать, - сказал отец Браун.

Он еще говорил, а те, кого они обсуждали, дошли до конца галереи и расстались. Капитан Масгрейв торопливыми шагами подошел к ним.

- Такие дела, - громко и вполне непринужденно сказал он, но они заметили, что голос его изменился. - Простите меня, мистер Гренби, но оказалось, что я не смогу завтра поехать с вами. В любом случае автомобиль мой - к вашим услугам. Обязательно возьмите его, мне он не нужен. Я... я должен остаться в Лондоне на несколько дней. Возьмите своего друга, если захотите.

- Мой друг, отец Браун... - начал было законник.

- Если капитан Масгрейв в самом деле так добр, - серьезно сказал отец Браун, - я с большой радостью поеду. Понимаете, меня интересует дело мистера Гренби.

Вот как случилось, что весьма элегантная машина с не менее элегантным шофером на следующий день отправилась на север по Йоркширским Мшаникам, неся неоценимый груз в виде священника, похожего на черный сверток, и юриста, который больше привык бегать на своих двоих, чем разъезжать на чужих четырех колесах.

Они по обоюдному согласию прервали путешествие в одной из больших долин Уэст Райдинга, чтобы отобедать и поспать в уютной гостинице, и, выехав на следующий день рано утром, двинулись вперед по берегу древней Нортумбрки, пока не достигли края песчаных дюн и приморских лугов, в сердце которых таился старый приграничный замок, уникальный и таинственный памятник былых войн на побережье. В конце концов они его нашли, следуя по тропинке, бегущей вдоль длинного залива, и свернули к какому-то каналу, кончающемуся рвом. Замок был и впрямь замком: квадратный, с башенками, из тех, которые норманны понастроили повсюду от Галилеи до Грампиан. У него действительно были опускная решетка и подъемный мост, о которых напомнило путникам занятное происшествие.

Они пробрались через высокую жесткую траву и вышли на берег рва, полного мертвых листьев и грязи, который извивался вокруг замка, словно эбонитовая инкрустация с золотой каймой. Примерно в ярде или двух за черной лентой был другой, зеленый берег и большие каменные столпы у входа. Видимо, эту одинокую крепость посещали редко: когда нетерпеливый Гренби приветствовал криком неясные фигуры за опускной решеткой, тем стоило большого труда спустить громадный ржавый мост. Наконец он начал опускаться, поворачиваясь, словно падающая башня, и вдруг встал, застыв в воздухе под угрожающим углом.

Нетерпеливый Гренби, танцуя на берегу, крикнул своему спутнику:

- Ох, не могу я топтаться на месте! Гораздо проще прыгнуть.

И с характерной для него прытью он в самом деле перемахнул через ров, приземлившись на том берегу. Короткие ноги отца Брауна не были приспособлены к прыжкам; но сам он был на редкость приспособлен к тому, чтобы плюхаться в грязную воду. Благодаря помощи своего компаньона ему не удалось погрузиться слишком глубоко. Но когда он карабкался по зеленому илистому берегу, он вдруг застыл и наклонил голову, вглядываясь в какую-то точку на травянистом склоне.

- Вы что там, ботаникой занялись? - раздраженно крикнул Гренби. - Нам некогда изучать древние растения.

Хватит и того, что вы изучили чудеса подводного мира.

Пойдемте! В чистом ли виде, в грязном ли, мы должны предстать перед баронетом.

Когда они вошли в замок, их весьма почтительно принял старый слуга больше на обозримом пространстве не было никого. После того, как они разъяснили, с чем пришли, он препроводил их в длинную комнату, обшитую деревянными панелями. Оружие разных веков равномерно висело на темных стенах, а перед большим очагом стояли, словно часовые, полные доспехи XIV века. В другой длинной комнате сквозь приоткрытую дверь виднелись ряды фамильных портретов.

- Мне кажется, что я попал в роман, а не в замок, - сказал юрист. - Не думал, что кто-то действительно сохраняет дух "Удольфских Тайн".

- Да, старый джентльмен последовательно блюдет свое историческое помешательство, - ответил священник. - Вещи эти - не подделки. Тот, кто их расставил, не думает, что все средневековые люди жили одновременно. Порою доспехи составляют из разных частей; но эти носил один человек, и носил он их не втуне. Понимаете, это - турнирные доспехи, довольно поздние.

- Да и хозяин запаздывает, - сказал Гренби. - Сколько можно ждать?

- Что ж, в таких местах все происходит медленно, - сказал отец Браун. - Я думаю, очень благородно, что он нас вообще принял. Два совершенно незнакомых человека приезжают, чтобы задать ему глубоко личные вопросы.

И в самом деле, когда появился хозяин, им не было оснований сетовать на оказанный прием; напротив, они могли заметить, с каким достоинством и простотою сохранил их хозяин учтивость в глухом одиночестве, в деревенской глуши.

Баронет не выглядел ни удивленным, ни встревоженным; и хотя у них явилось подозрение, что гостей у него не было по меньшей мере последние четверть века, он вел себя так, словно только что раскланялся с двумя герцогинями.

Он не выказал ни робости, ни нетерпения, когда они сообщили, что приехали по сугубо личному вопросу; после небольшого раздумья он, видимо, понял, что любопытство их вызвано обстоятельствами. Это был худощавый пожилой джентльмен с черными бровями и длинным подбородком.

Хотя тщательно завитые волосы были, без сомнения, париком, у него хватило мудрости носить седой парик, как и приличествует немолодым людям.

- Что до вопроса, который вас интересует, - сказал он, - ответ на него очень прост. Я твердо намереваюсь оставить все свое состояние сыну, так же, как мой отец оставил его мне; и ничто - я прямо говорю, ничто - не заставит меня поступить иначе.

- Премного благодарен вам за эти сведения, - ответил юрист, - но ваша любезность дает мне смелость сказать, что вы видите все в слишком черном свете. Не думаю, чтобы ваш сын сделал что-то страшное и вы сочли его недостойным наследства. Конечно, он может...

- Именно, - сухо сказал сэр Джон Масгрейв, - может.

Не будете ли вы так любезны заглянуть со мной на минуту в соседнюю комнату?

Он повел их в галерею, которую они уже немного рассмотрели сквозь приоткрытую дверь, и мрачно застыл перед почерневшими, насупившимися портретами.

- Это сэр Роджер Масгрейв, - сказал он, указывая на длиннолицего человека в черном парике. - Он был одним из самых низких лжецов и негодяев в мерзостное время Вильгельма Оранского - наушник двух королей, убийца двух жен. Вот его отец, сэр Роберт, образец честности и добропорядочности. Вот его сын, сэр Джеймс, один из благороднейших яacobитских мучеников и один из первых, кто пожертвовал деньги на Церковь и на бедных. Понятно ли теперь, что дом Масгрейвов, его сила, честь, власть переходили от одного доблестного человека к другому через поколение, от деда к внуку? Эдуард I правил Англией отменно, Эдуард III покрыл Англию славой, и все же слава эта произросла из той, первой, через бесчестие и глупость Эдуарда II, который пресмыкался перед Гейвстоном и убежал от Брюса. Поверьте мне, мистер Гренби, величие знатного дома, величие самой истории - больше, чем случайные люди, которые несут его сквозь века. Наследство наше переходило от отца к сыну, так оно и будет переходить. Моего сына можете заверить, что я не оставлю свои деньги приюту для бродячих кошек. Масгрейв будет наследовать Масгрейву, пока стоит мир.

- Да, - задумчиво сказал отец Браун, - я понимаю, что вы имеете в виду.

- Мы будем только рады, - сказал законник, - передать столь приятное заверение вашему сыну.

- Да, заверение передать вы можете, - серьезно сказал хозяин. - Пускай не беспокоится, все отойдет к нему - и замок, и титул, и земля, и деньги. Есть лишь одно маленькое и достаточно личное добавление. Ни под каким видом не стану я разговаривать с ним, пока я жив.

Законник плядел все так же почтительно, но теперь уже и удивленно.

- Почему? Что же такое он мог сделать?

- Я частное лицо и джентльмен, - сказал Масгрейв, - равно как и хранитель большого наследства. Сын мой сделал нечто столь ужасное,

что его нельзя назвать не то что джентльменом, но даже человеком. Это худшее преступление в мире. Помните ли вы, что сказал Дуглас, когда Мармион, его гость, хотел пожать ему руку?

- Да, - отвечал отец Браун:

Короне отдаю мой замок От темных погребов до самых Зубцов на крепостной стене.

Рука принадлежит лишь мне.

Баронет повернулся к другой комнате и провел в нее своих порядком ошарашенных посетителей.

- Надеюсь, здесь вы немножко отдохнете, - сказал он тем же ровным тоном. - Если вы не знаете, куда вам деться, я буду искренне рад предоставить вам замок на эту ночь.

- Благодарю вас, сэръ Джон, - сказал священник скучным голосом. - Я думаю, мы лучше пойдем.

- Я сейчас же прикажу опустить мост, - сказал хозяин; и через несколько минут лязг громадного, неправдоподобного сооружения наполнил замок, словно скрип жерновов.

Ржавый механизм сработал на этот раз отменно, и они снова оказались на травянистом берегу по ту сторону рва.

Гренби вдруг пробрал озноб.

- Что же за штуку отколол его сыночек?! - возопил он.

Отец Браун не ответил. Но когда они остановились неподалеку, в деревушке под названием Серые Камни, где их приютил трактир "Семь звезд", законник с немалым удивлением обнаружил, что священник не собирается ехать дальше; он, несомненно, норовил держаться неподалеку от замка.

- Не могу я оставить все как есть, - серьезно сказал он. - Автомобиль я отошлю обратно, и вы, конечно, можете отправиться вместе с ним. Вы получили ответ на свой вопрос, он был несложен: может ли ваша фирма ссудить деньги на проекты молодого Масгрейва? Я на мой вопрос ответа не получил - я не узнал, подходящий ли это муж для Бетти.

Что ж, попытаюсь выяснить, действительно ли он сотворил нечто ужасное или это выдумки старого безумца.

- Если вы хотите что-то у него выведать, - заметил юрист, - почему бы вам не поехать к нему? Зачем вам торчать в этой дыре, куда он вряд ли заглянет?

- Какой смысл ходить за ним по пятам? - возразил его друг. - Глупо подойти к моднику на Бонд-стрит и сказать:

"Простите, не совершили вы часом самое ужасное преступление?" Если он достаточно плох, чтобы его совершить, он достаточно плох и для того, чтобы в нем сознаться. А мы даже не знаем, что это за преступление. Нет, есть лишь один человек, который знает и может это сказать из гордого чудачества. Я собираюсь держаться поблизости от него.

И в самом деле отец Браун старался быть поблизости от чудака-баронета; и в самом деле он встретился с ним, и не раз, причем держались оба с величайшей вежливостью. Баронет, несмотря на свои годы, был весьма подвижен; его часто видели в деревне и на полях графства. Спустя лишь день после прибытия отец Браун, выйдя из трактира на мощенную булыжником рыночную площадь, заметил издали темную фигуру, большими шагами направляющуюся куда-то. Баронет был очень скромно одет, весь в черном, но лицо его казалось еще более властным в сильном солнечном свете; серебристыми волосами, темными бровями и длинным подбородком он напоминал Генри Ирвинга или другого знаменитого актера. Несмотря на седины, фигура его, как и лицо, выражала силу, а палку он нес скорее как дубинку, чем как костыль. Он помахал священнику рукой и заговорил с ним, так же стремясь немедленно перейти к сути дела, как и вчера, когда он поразил гостей своими откровениями.

- Если вас все еще интересует мой сын, - сказал он, выделив последнее слово ледяным равнодушием, - вы его вряд ли поймаете. Он только что покинул страну. Между нами, я сказал бы - сбежал из страны.

- В самом деле, - поддакнул отец Браун, серьезно глядя на баронета.

- Какие-то люди по фамилии Груновы справлялись у меня, где он, сказал сэр Джон. - Я как раз отправил телеграмму, в которой сообщил, что ему можно писать в Ригу, до востребования. Но даже тут вышло недоразумение. Вчера я собрался на почту и опоздал на пять минут. Вы долго здесь пробудете? Надеюсь, вы зайдете ко мне еще раз?

Когда священник пересказал юристу эту небольшую беседу, тот был и удивлен, и озадачен.

- Почему капитан удрал? - спросил он. - Кто эти люди, которые его разыскивают? Кто же такие эти Груновы?

- На первый вопрос я вам вряд ли отвечу, - сказал отец Браун. Возможно, всплыл наружу какой-нибудь его тайный грех. Скорее всего они его шантажируют. На другой вопрос, я думаю, ответить просто. Эта страшная толстуха с желтыми волосами - мадам Грунова, а коротышка - вроде бы ее муж.

На следующий день отец Браун вошел в комнату рано и бросил на кровать свой черный зонтик так, как пилигрим бросает посох. Выглядел он устало; во время его расследований это случалось нередко. На сей раз то была не усталость неудачи, но усталость успеха.

- Какая страшная история!.. - сказал он скучным голосом. - Надо было сразу догадаться. Я должен был догадаться, едва вошел и увидел, что там стоит.

- Что же вы увидели? - нетерпеливо спросил Гренби.

- Я увидел всего лишь один доспех, - ответил отец Браун.

Наступила тишина; юрист смотрел на своего друга, а друг заговорил снова:

- Не далее как вчера я собирался сказать своей племяннице, что только два типа мужчин могут смеяться, когда останутся одни. Тот, кто смеется один, почти наверняка или очень плох, или очень хорош. Видите ли, он поверяет шутку или Богу, или дьяволу. Во всяком случае, у него есть внутренняя жизнь. Этот человек, я думаю, поверял свою шутку дьяволу. Ему было все равно, услышит ли ее кто-нибудь.

Шутка самодостаточна, если она достаточно изменна.

- О чем вы говорите? - спросил Гренби. - Вернее, о ком? О котором из них? Кто это позволяет себе шутить с его Сатанинским Величеством?

Отец Браун поглядел на него и бледно улыбнулся.

- Ах, - сказал он, - в том-то и шутка!..

Снова наступила тишина, но на сей раз она была гораздо насыщеннее и тяжелее. Она опустилась на них, словно сумерки, которые как раз уступали место тьме. Отец Браун продолжал, устало понизив голос и положив локти на стол.

- Я интересовался родом Масгрейвов. Это отважный род, и живут они долго, и, даже если здесь все так просто, я думаю, вы должны

подождать с выплатой.

- Мы к этому вполне готовы, - ответил юрист, - и все же бесконечно это продолжаться не может. Старику почти восемьдесят, хотя он еще шустер. Люди в здешней гостинице смеются и говорят, что он никогда не умрет.

Отец Браун резко вскочил, что бывало с ним нечасто, но руки его оставались на столе. Он подался вперед и заглянул в лицо другу.

- Вот! - вскричал он негромко, но пылко. - В этом вся проблема. Как он умрет? Как же он умрет?

- Ради Бога, о чем вы? - спросил Гренби.

- Я о том, - раздался из полутьмы голос священника, - что я знаю, какое преступление совершил Джеймс Масгрейв.

Гренби едва удалось подавить озноб, но он все-таки спросил:

- Какое?

- И впрямь худшее в мире, - отвечал отец Браун. - Во всяком случае, многие общества и цивилизации считают его таким. С самой глубокой древности, в племенах и в общинах, за него наказывали ужасно. Как бы там ни было, теперь я знаю, что совершил молодой Масгрейв и почему он это совершил.

- Что же он совершил? - спросил юрист.

- Он убил своего отца, - отвечал священник.

Законник, в свою очередь, вскочил со стула и поглядел через стол.

- Его отец в замке! - резко вскричал он.

- Его отец во рву, - сказал священник. - Какой же я дурак, что не догадался сразу, когда что-то не понравилось мне в этих доспехах! Вы помните, как выглядит комната?

Как тщательно она убрана и украшена? Два скрещенных боевых топора по одну сторону камина, два - по другую.

На стене круглый шотландский щит, и ровно такой же, круглый и шотландский - на другой стене. Одну сторону очага охраняют рыцарские доспехи, а по другую сторону - пустота. Никогда не поверю, что человек, украсивший комнату столь симметрично, оставит несимметричной одну деталь. Конечно, там были и вторые доспехи. Что же с ними случилось?

Он подождал немного, затем продолжал уже спокойней:

- Чем больше я думаю, тем больше я убеждаюсь, что это очень хороший план убийства. Он решает вечную проблему: куда деть труп?

Тело может стоять внутри этих доспехов часы, даже дни, слуги будут ходить и выходить из комнаты, пока убийца не улучит удобный случай и, вытащив его под покровом ночи, не бросит в ров. А тогда - как легко все пойдет! Коль скоро тело погружено в стоячую воду, рано или поздно в доспехах четырнадцатого века останется один скелет - что ж, обнаружить его во рву старого пограничного замка весьма вероятно. Навряд ли кто-нибудь будет его там искать, но если возьмутся, не найдут ничего, кроме все того же скелета в доспехах. А ведь я об этом догадывался. Когда вы сказали, что я ищу какие-то следы, вы были правы. Я увидел следы, глубоко вдавленные в берег, и понял: оставивший их либо слишком тяжел, либо нес что-то очень тяжелое. Да, кстати, из этого маленького происшествия можно извлечь еще одну мораль. Помните, я прыгнул, как кошка?

- У меня в голове мутится, - сказал Гренби, - но я понемногу улавливаю суть этого кошмара. Хорошо, вы прыгнули, и что же?

- Сегодня на почте, - сказал отец Браун, - я вспомнил, что баронет, по его словам, был там именно тогда, когда мы к нему явились. Понимаете вы, что это значит? Это значит, что его не было в замке и вернулся он, пока мы его ждали. Вот почему мы ждали так долго. Когда я это понял, я внезапно увидел все.

- Ну, - нетерпеливо спросил законник, - что же это было?

- Старик восьмидесяти лет может ходить, - сказал отец Браун. - Старик может даже разгуливать по полям в свое удовольствие. Но старик не может прыгать. У него это выйдет еще хуже, чем у меня. Да, если баронет вернулся, пока мы ждали, он должен был прийти, как и мы, перепрыгнув ров, - мост и позже не опустили. Я скорее предположу, что он сам помешал ему опуститься, чтобы отложить приход незваных гостей, - мост очень быстро починили. Но это не имеет значения. Когда я увидел смешную картинку - седовласый человек в черном скачет через ров, я уже знал, что это человек молодой, переодетый стариком. Вот вам и вся история.

- Вы хотите сказать, - медленно произнес Гренби, - что этот милый юноша укукошил своего отца, спрятал тело в латы, а потом в ров, изменил внешность, и так далее?

- На его счастье, они с отцом очень похожи, - сказал священник. - Вы видите по этим портретам, как велико в роду семейное сходство. И потом: вот вы говорите, он изменил свою внешность. Но в каком-то

смысле любая одежда маскарад. Старик скрывает себя под париком, молодой человек - под иностранной бородкой. Когда он побрился и надел парик на свою стриженую голову, он стал точь-в-точь папаша, ну, подгримировался чуть-чуть. Думаю, теперь вы понимаете, почему он с такой вежливостью советовал вам приехать сюда на следующий день и в автомобиле. Сам он приехал ночью, поездом. Он опередил вас, совершил преступление, переделался и был готов к переговорам.

- Ох, - сказал задумчиво Гренби, - готов к переговорам!.. Вы, конечно, хотите сказать, что настоящий, баронет вел бы их по-другому?

- Он бы просто сказал вам, что капитан не получит ни пенса, - ответил отец Браун. - Как ни странно, только убийство могло этому помешать. Но я хочу, чтобы вы оценили всю хитрость того, что он сказал вам. Его план отвечал нескольким задачам сразу. Эти русские шантажировали его за какое-то преступление, думаю - за предательство во время войны. Ему едва удалось скрыться, и, возможно, он послал их по ложному следу в Ригу. А самая изысканная его выдумка - это слова о том, что он признает сына наследником, но не человеком. Разве вы не видите? Да, она гарантировала *post obit*, но еще и разрешала то, что вскоре станет величайшей трудностью.

- Я вижу здесь несколько трудностей, - сказал Гренби, - какую из них вы имеете в виду?

- Если бы даже сына не лишили наследства, - сказал отец Браун, выглядело бы по меньшей мере странным, что отец с ним никогда не встречается. Отречение решало этот вопрос. Так что оставалась лишь одна заминка. Наверное, он и сейчас над ней раздумывает. Как же нынешний хозяин умрет?

- Я знаю, как он должен бы умереть, - сказал Гренби.

Отец Браун, казалось, был погружен в свои мысли.

- Но и это не все, - задумчиво сказал он. - В этой теории ему нравилось нечто - ну, нечто теоретическое. Разум его мерзко радовался, когда он признался, играя одну роль, что совершил преступление в другой роли. Вот что я понимаю под инфернальной иронией - под шуткой, которую можно поведать дьяволу. Сказать ли вам то, что назвали бы парадоксом? Когда ты - в самом сердце ада, очень приятно говорить правду, да так, чтобы никто ничего не понял. Вот почему он с таким удовольствием выдавал себя за другого, а

потом хулил сам себя, как того и заслуживает. Вот почему он смеялся один в картинной галерее.

Гренби просто подскочил на стуле, словно его рывком вернули к простым, житейским делам.

- Ваша племянница! - вскричал он. - Ведь ее матушка хотела, чтобы она вышла за Масгрейва! Видимо, дело тут в богатстве и титуле?

- Да, - сухо зато ответил отец Браун. - Сестра моя очень ценит благоразумный, приличный брак.

АЛАЯ ЛУНА МЕРУ

Все были согласны в том, что благотворительный базар, устроенный в Мэллоувудском аббатстве (конечно, с согласия леди Маунтигл), удался на славу. Качели, карусели и панорамы вовсю развлекали народ; я отметил бы и самую благотворительность, если бы кто-нибудь из присутствующих там лиц объяснил мне, в чем она состояла.

Как бы то ни было, нам придется иметь дело далеко не со всеми этими лицами, прежде всего - с тремя из них, а именно с одной дамой и двумя джентльменами, которые, громко споря, проходили между главными павильонами или, точнее, палатками. Справа от них помещался прославленный провидец, чье малиновое обиталище испещряли черные и золотые божества, многорукие, как спруты. Быть может, они свидетельствовали о том, что не оставят его своею помощью; быть может, воплощали мечту любого хироманта. Слева стоял шатер френолога, украшенный, не в пример скромнее, на удивление шишковатыми черепами Сократа и Шекспира. Как и подобает истинной науке, здесь были только белая и черная краски, только числа и чертежи; малиновая же палатка, где царила тишина, завлекала таинственным темным входом. Френолог по фамилии Фрозо - юркий смуглый человек с неправдоподобно черными усами стоял у своего святилища и объяснял неведомо кому, что любая голова окажется такой же значительной, как у Шекспира. Едва показалась дама, он кинулся на нее и со всей старомодной учтивостью предложил пощупать ее череп.

Дама отказалась до грубости вежливо, но мы простим ей это, ибо она была увлечена спором. Простим мы и потому, что она была хозяйкой, самую леди Маунтигл. Никто не назвал бы ее неприметной:

глубокие темные глаза светились каким-то голодным блеском, а бодрая, даже яростная улыбка несколько противоречила изможденному лицу. Наряд ее был причудлив, согласно тогдашней моде, ибо происходило это задолго до войны, так успешно научившей нас серьезности и собранности. Одежды походили на палатку провидца, в них было что-то восточное, их испещряли диковинные, тайные символы. Но все знали, что Маунтиглы свихнулись, то есть, в переводе на язык науки, что они занимаются восточной культурой и восточными верованиями.

Диковинные свойства дамы оттеняли совершенную пристойность обоих джентльменов. Как велела та допотопная мода, все в них было строго и безукоризненно, от белых перчаток до сверкающего цилиндра. Однако различались и они; Джеймс Хардкасл сочетал пристойность с изысканностью, Томми Хантер - с пошловатостью. Хардкасл был многообещающим политическим деятелем, хотя в свете интересовался чем угодно, кроме политики. Можно, конечно, сказать, что каждый политик много обещает. Но, будем справедливы, Хардкасл немало и делал. Однако малиновые шатры не вызывали в нем прилива деятельности.

- На мой взгляд, - говорил он, вставляя в глаз монокль, оживлявший своим сверканием его суровое лицо, - прежде чем спорить о магии, мы должны установить пределы еще непознанных сил. Несомненно, силы такие есть, даже у весьма отсталых людей. Факиры творят поразительные вещи.

- Вы хотели сказать, жулики? - с наивным видом спросил второй джентльмен.

- Томми, не говори глупостей, - сказала дама. - Вечно ты споришь о том, чего не знаешь! Слово школьник, честное слово, который обличает фокусника. Этот мальчишеский скепсис так устарел... Что же до непознанных сил, я полагаю...

В этот миг дама увидела кого-то, кто был ей нужен, - неуклюжего человека в черном, стоявшего у павильона, где дети бросали обручи в уродливейшие фигурки, - и кинулась к нему, крича:

- Отец Браун, а я ищу вас! Мне нужно с вами посоветоваться. Вы верите в предсказания?

Тот, к кому она воззвала, беспомощно смотрел на обруч в своей руке.

- Я не совсем понял, - сказал он, - в каком смысле вы употребили слово "верить". Конечно, если это шарлатанство...

- Нет, нет! - вскричала дама. - Учитель совсем не шарлатан! Для меня большая честь, что он пришел. Он провидец, пророк. Предсказывает он не какую-нибудь удачу в делах. Он открывает глубокие духовные истины о нас самих, о нашей подлинной сути.

- Вот именно, - сказал отец Браун. - Если это шарлатанство, я ничего против не имею. Мало ли шарлатанства на таких базарах, да никто и не примет их всерьез! Но если дело дошло до духовных истин, я считаю, что это бесовская ложь, от которой надо держаться подальше.

- Ваши слова парадоксальны, - с улыбкой заметил Хардкасл.

- Никак не пойму, что такое парадокс, - задумчиво сказал священник. По-моему, они очень просты. Если кто-нибудь притворится шпионом и станет лгать противнику, вреда не будет. Но если человек действительно работает на врага...

- Вы думаете... - начал Хардкасл.

- Да, - отвечал священник. - Я думаю, что ваш провидец связан с Врагом рода человеческого.

Томми Хантер захихикал от удовольствия.

- Что ж, - сказал он, - если так, этот темнокожий субъект просто святой!

- Мой кузен неисправим, - вздохнула леди Маунтигл. - Он и сюда приехал, чтобы обличать Учителя. Поистине, он бы стал разоблачать Будду и Моисея.

- Нет, дорогая сестрица, - улыбнулся Томми. - Я приехал, чтобы тебе помочь. Когда эти обезьяны тут, я за тебя спокоен.

- Ну вот, опять! - сказала леди. - Помню, в Индии поначалу все мы недолюбливали темнокожих. Но когда я убедилась в их поразительных духовных силах...

- У нас с вами разные взгляды, - сказал священник. - Вы прощаете темную кожу, потому что кто-то достиг высшей мудрости. Я прощаю высшую мудрость, потому что кто-то другого цвета, чем я. По правде говоря, меня не так уж волнуют духовные силы, мое дело - духовные слабости.

Но я никак не пойму, чем плох человек, если он того прекрасного цвета, что бронза, или кофе, или темное пиво, или северный ручей,

пробивающийся сквозь торф. В сущности, и фамилия моя означает этот самый цвет, так что я немного к нему пристрастен...

- Ах, вон что! - победительно воскликнула леди Маунтигл. - Я так и знала, что вы шутите.

- М-да... - промычал Томми Хантер. - Когда говорят серьезно, это мальчишеский скепсис. Скоро он начнет гадать?

- В любую минуту, - отвечала дама. - Это не гадание, а хиромантия. Но для тебя ведь все едино...

- Мне кажется, есть и третий путь, - сказал, улыбаясь, Хардкасл. Многие можно объяснить естественно. Вы пойдете к нему? Признаюсь, я сильно заинтригован.

- Не выношу чепухи! - сердито сказал скептик, и его круглое лицо побагровело от злости. - Идите гадайте, а я пойду катать кокосы.

Френолог, маячивший" неподалеку, кинулся к нему.

- Простите, - сказал он, - череп устроен гораздо интересней. Никакой кокос не сравнится хотя бы с вашим...

Хардкасл нырнул тем временем в темное отверстие палатки, изнутри слышались неясные голоса. Том Хантер резко отвечал френологу, выказывая прискорбное равнодушие к превосходству вполне точных наук, а кузина его собиралась продолжать спор с коротышкой патером, как вдруг в удивлении замолчала.

Джеймс Хардкасл вышел из палатки, и, судя по сверканию монокля и сумрачности лица, удивление его было не меньше.

- Вашего индуса нет, - отрывисто сказал он. - Он исчез. Какой-то черномазый старик прошамкал, что Учитель не желает продавать священные тайны.

Леди Маунтигл, сияя, повернулась к своим гостям.

- Вот видите! - вскричала она. - Говорила я вам, он много выше всего, что вам померещилось! Он ненавидит суету и ушел в одиночество.

- Простите, - серьезно сказал отец Браун. - Может быть, я был к нему несправедлив. Вы знаете, куда он пошел?

- Кажется, знаю, - отвечала хозяйка. - Когда он хочет побыть один, он уходит в монастырский дворик. Это в самом конце левого крыла, за кабинетом моего мужа и за нашим музеем. Вы слышали, наверное, что здесь когда-то и вправду был монастырь.

- Слышал, - сказал священник, едва заметно улыбаясь.

- Если хотите, - сказала его собеседница, - пойдете туда. Вам непременно надо посмотреть коллекцию моего мужа, особенно - "Алую Луну". О ней вы слышали? Это огромный рубин.

- Меня интересуют все экспонаты, - сказал Хардкасл, - в том числе Учитель.

И они свернули на дорожку, ведущую к замку.

- А я, - проворчал неверный Фома, - хотел бы знать, зачем этот субъект сюда явился...

Неукротимый френолог попытался остановить его в последний миг и чуть не схватил за фалды.

- Ваш череп... - начал он.

- ...сейчас треснет, - сказал Хантер. - Так всегда бывает, когда я приезжаю к Маунтиглам. - И он успешно ускользнул от ученого.

По пути во дворик гости прошли длинный зал, отведенный хозяином под азиатские диковинки. За открытой дверью сквозь готические арки виднелось светлое небо над квадратным двориком, по которому и гуляли когда-то монахи. Но взорам пришедших явилось нечто более поразительное, чем вставший из могилы монах.

То был немолодой человек, одетый во все белое, в бледно-зеленой чалме, но с английским румянцем и седыми полковничьими усами; иначе говоря хозяин замка, воспринимавший чары Востока серьезней или безрадостней, чем его жена. Говорить он мог только о восточной культуре и философии и, показывая свои экспонаты, явно радовался больше всего не цене их и даже не редкости, а скрытому в них смыслу. Даже когда он принес огромный рубин, быть может - единственную вещь, которой и впрямь цены не было, он гордился именем ее, а не размером.

Неправдоподобно большой камень горел, как горел бы костер сквозь кровавый дождь. Но лорд Маунтигл, беспечно катая его по ладони, глядел в потолок, пространно рассказывая о том, какое место занимает гора Меру в мифологии гностиков.

Когда он уже изблещил демиурга и провел исчерпывающую параллель между гностиками и манихеями, даже тактичный Хардкасл думал, как бы переменить тему. Наконец он спросил, нельзя ли рассмотреть камень, и, поскольку в комнате уже смеркалось, направился к двери, ведущей во дворик. Только тогда он и ощутил, что близко, почти рядом, все время стоял Учитель.

Дворик был такой самый, как обычно бывает в монастырях, но готические колонны соединялись снизу, так что арки были скорее не дверями, а окнами. Вероятно, стенки эти сложили давно; однако было здесь и новшество - над ними, между колоннами, висели занавеси в восточном вкусе, сделанные то ли из каких-то бусин, то ли из легкого тростника.

Они совсем не подходили к серому камню и не очень хорошо пропускали свет, но все это было не самой главной из несообразностей, на которые, каждый по-своему, взирали гости.

Посередине дворика стоял темно-зеленый фонтан, в котором плавали водяные лилии и золотые рыбки. Над ними возвышалось изваяние. Сидело оно спиной, и в такой позе, словно у него и головы нет, но даже в сумерках, по одним его очертаниям, было сразу видно, что создали его не христианские монахи.

Неподалеку, на светлых плитах двора, стоял тот, кого называли Учителем. Его тонкое лицо походило на бронзовую маску, а седая борода, расходившаяся веером, казалась ярко-синей. Одежды его были синевато-зелеными; бритую или лысую голову венчал странный убор, напоминавший скорее об Египте, чем об Индии. Широко открытые глаза - совсем такие, какие рисуют на саркофагах, - глядели не то в пустоту, не то на идола. Как ни удивителен он был, гости тоже глядели скорее на идола, чем на него.

- Странная статуя, - сказал Хардкасл, немного сдвинув брови. - Никак не подходит к монастырскому дворику.

- От вас я этого не ждала, - сказала леди Маунтигл. - Мы именно и хотели соединить великие религии, Будду и Христа. Вы понимаете, конечно, что все религии одинаковы.

- Тогда зачем же, - кротко спросил отец Браун, - искать их так далеко?

- Леди Маунтигл хочет сказать, - начал Хардкасл, - что это - разные грани, как у этого камня (увлекшись новой темой, он положил рубин на каменную перемычку или, если хотите, подоконник между колоннами). Но из этого не следует, что мы вправе смешивать стили. Можно соединить христианство с исламом, но не готику с арабским стилем, не говоря уж об индусском.

Тем временем Учитель вышел из оцепенения, медленно перешел на другое место и встал прямо перед ними, за аркой, лицом к идолу.

По-видимому, он постепенно обходил полный круг, как часовая стрелка, но не сразу, а по кусочку, останавливаясь для молитвы или созерцания.

- Какой же веры он? - спросил Хардкасл с едва заметным нетерпением.

- Он говорит, - благоговейно отвечала хозяйка, - что вера его древнее индуизма и чище буддизма.

- А... - протянул Хардкасл, неотрывно глядя в монокль на загадочного Учителя.

- Существует предание, - назидательно и мягко сказал хозяин, - что такое же божество, но гораздо больше, стоит в одной из пещер священной горы...

Но мерное течение лекции прервал голос, раздавшийся из-за плеча лорда Маунтигла, из тьмы музея. При звуке этого голоса Хардкасл и Хантер сперва не поверили себе, потом рассердились, потом засмеялись.

- Надеюсь, не помешал? - учтиво спросил френолог, неутомимо служивший истине. - Я подумал, что вы, наверное, уделите минутку недооцененной науке о шишках человеческого черепа...

- Вот что, - крикнул Томми Хантер, - у меня шишек нет, а у вас они сейчас будут!..

Хардкасл сдержал его, но все секунду-другую смотрели не во дворик, а в комнату.

Тогда это и произошло. Первым откликнулся все тот же подвижный Томми, на сей раз - не зря. Никто еще ничего толком не понял, Хардкасл еще не вспомнил, что оставил рубин на широкой перемычке, а Хантер уже прыгнул ловко, как кошка, наклонился между колоннами и огласил дворик криком:

- Поймал!

Но в короткое мгновение, перед самым его криком, все увидели то, что случилось. Из-за одной колонны выскользнула рука цвета бронзы или старого золота и исчезла сразу, словно язычок муравьяда. Однако рубин она слизнула.

На камнях перемычки ничего не сверкало в слабом свете сумерек.

- Поймал, - повторил, отдуваясь, Томми Хантер. - Трудно его держать. Зайдите-ка спереди, помогите!

Мужчины повиновались ему - кто кинулся к лестничке, кто перепрыгнул через низкую стенку, - и все, включая мистера Фрозо, окружили Учителя, которого Томми держал за шиворот одной рукой и встряхивал время от времени, не считаясь с прерогативами провидцев.

- Ну, теперь не уйдет, - сказал герой дня. - Общем-ка его, камень тут где-нибудь.

Через сорок пять минут Хантер и Хардкасл, уже не в таком безукоризненном виде, как прежде, отошли в сторону и посмотрели друг на друга.

- Вы что-нибудь понимаете? - спросил Хардкасл. - Удивительная тайна...

- Какая тайна! - вскричал Хантер. - Мы же все его видели.

- Да, - отвечал Хардкасл, - но мы не видели, чтобы он положил или бросил рубин. Почему же мы ничего не нашли?

- Где-нибудь эта штука лежит, - сказал Хантер. - Надо получше осмотреть фонтан.

- Рыбок я не вскрывал, - сказал Хардкасл, вставляя монокль. - Вам вспомнился Поликратов перстень?

Оплядев в монокль круглое лицо, он убедился в том, что его собеседнику не пришли в голову параллели из греческой мифологии.

- Может, он сам его проглотил, - сказал Хантер.

- Вскроем Учителя? - сказал Хардкасл. - А вот и наш хозяин.

- Как это все неприятно, - проговорил лорд Маунтигл, крутя седой ус немного дрожащей рукой. - Кража, в моем собственном доме!.. Я никак не разберу, что он говорит.

Пойдемте, может, вы поймете.

Они вернулись в залу. Хантер шел последним, и отец Браун, бродивший по дворику, обратился к нему.

- Ну и сильный же вы! - весело сказал священник. - Вы держали его одной рукой, а он тоже не слаб. Я это почувствовал, когда мы пустили в ход восемь рук, как эти божества.

Беседа, они обошли дворик раза два и вошли в залу, где сидел уже сам Учитель на положении пленника, но с видом великого царя.

Действительно, понять его было нелегко. Говорил он спокойно и властно, по-видимому, развлекаясь при каждой очередной догадке, и ничуть не каялся. Скорее, он смеялся над тем, как они бьются впустую.

- Теперь вам приоткрылись, - с неподобающей снисходительностью говорил он, - законы времени и пространства, которые никак не может постигнуть ваша наука. Вы даже не знаете, что такое "спрятать". Более того, вы не знаете, что такое "видеть", иначе бы вы видели так же ясно, как я.

- Вы хотите сказать, что камень здесь? - резко спросил Хардкасл.

- "Здесь"- непростое слово, - отвечал мистик. - Но я не хотел этого сказать. Я сказал, что вы не умеете видеть.

И он размеренно продолжал в сердитой тишине:

- Если бы вы научились истинному, глубокому молчанию, вы бы слышали крик на краю света. Там сидит изваяние, подобное горе. Говорят, даже иудеи и мусульмане почитают его, ибо оно создано не человеком. Перед ним благоговейно застыл паломник. Он поднял голову... Он вскрикнул, увидев алую, гневную луну в выемке, пустовавшей веками.

- Я знал, что вы наделены великой духовной силой, но это!.. - вскричал лорд Маунтигл. - Неужели вы перенесли его отсюда к горе Меру?

- Быть может, - сказал Учитель.

Хардкасл нетерпеливо зашагал по комнате.

- Я смотрю на это иначе, чем вы, - обратился он к хозяину, - но вынужден признать... О, Господи!

Монокль упал на пол. Все повернулись туда, куда глядел политик, и лица озарило живейшее удивление.

"Алая Луна" лежала на каменном подоконнике, точно там же, где и прежде. Быть может, то был уголек от костра или лепесток розы, но упал он точно на то же место, куда его положили.

На сей раз Хардкасл не взял его, но повел себя странно.

Медленно повернувшись, он снова пошел по комнате, уже не в нетерпении, а с каким-то особым величием. Подойдя к скамье, на которой сидел индус, он поклонился, улыбаясь немного горькой улыбкой.

- Учитель, - сказал он, - мы должны просить у вас прощения и, что много важнее, мы поняли ваш урок. Поверьте, я никогда не забуду, какими силами вы наделены и как благородно ими пользуетесь. Леди Маунтигл, - и он обернулся к хозяйке, - вы простите меня за то, что я сперва заговорил с Учителем, а не с вами; но именно вам я имел честь

предлагать недавно объяснение. Я говорил вам, что есть непознанные силы, гипноз. Многие считают, что им и объясняются рассказы о мальчике, который лезет в небо по веревке. На самом деле ничего этого нет, но зрители загипнотизированы. Так и мы видели то, чего на самом деле не было. Бронзовая рука как бы приснилась нам; и мы не догадались посмотреть, лежит ли на месте камень. Мы перевернули каждый лепесток водяной лилии, мы чуть не дали рыбкам рвотного, а рубин все время был там же, где и прежде.

Он посмотрел на улыбающегося Учителя и увидел, что улыбка его стала шире. Что-то было в ней, от чего все вскочили на ноги, как бы стряхивая смущение и неловкость.

- Как хорошо все кончилось, - несколько нервно сказала леди Маунтигл. - Конечно, вы совершенно правы. Я просто не знаю, как молить прощения...

- Никто не обидел меня, - сказал Учитель. - Никто меня не коснулся.

И, радостно беседуя, все ушли за Хардкасллом, новым героем дня; лишь усатый френолог направился к своей палатке и удивился, заметив, что священник идет за ним.

- Разрешите ощупать ваш череп? - нерешительно и даже насмешливо спросил мистер Фрозо.

- Зачем вам теперь щупать? - добродушно спросил священник. - Вы ведь сыщик, да?

Мистер Фрозо кивнул.

- Леди Маунтигл пригласила меня на всякий случай.

Она не дура, хоть и балуется мистикой. Вот я и лез ко всем, как маньяк. Если бы кто-нибудь согласился, пришлось бы срочно листать энциклопедию...

- "Шишки черепа": смотри "Фольклор", - сказал отец Браун. - Да, вы порядком лезли к людям, но на благотворительном базаре это ничего.

- Какое дурацкое происшествие! - сказал бывший шишковед. - Подумать странно, что рубин так и лежал.

- Да, очень странно, - сказал священник, и интонация его поразила сыщика.

- Что с вами? - воскликнул тот. - Почему вы так глядите? Вы не верите, что он там лежал?

Отец Браун поморгал и медленно, растерянно ответил:

- Нет... как же я могу?... Нет, что вы!..

- Вы зря не скажете, - не отставал сыщик. - Почему вы не верите, что он лежал там все время?

- Потому что я сам его положил, - сказал отец Браун.

Собеседник его открыл рот, но не произнес ни слова.

- Точнее, - продолжал священник, - я уговорил вора, чтобы он отдал мне его, а потом положил. Я рассказал ему то, что угадал, и убедил, что еще не поздно покаяться. Вам я признаться не боюсь, да Маунтиглы и не поднимут дела, когда камень вернулся, тем более - против этого вора.

- Конечно, Учитель... - начал бывший Фрозо.

- Учитель не крал, - сказал отец Браун.

- Ничего не понимаю! - вскричал сыщик. - За окном стоял только он, а рука появилась оттуда.

- Рука появилась оттуда, но вор был в комнате, - сказал отец Браун.

- Опять какая-то мистика! - возроптал сыщик. - Нет, так не пойдет. Я человек простой. Скажите мне прямо: если с рубином все было в порядке...

- Я знал, что не все в порядке, - сказал отец Браун, - когда еще и не слышал о рубине.

Он помолчал и продолжал неспешно:

- Вам скажут, что теории неважны, что логика и философия не связаны с жизнью. Не верьте. Разум - от Бога, и далеко не безразлично, разумно ли то, что происходит. Если оно неразумно, что-то не так. Вспомните тот спор. Какие там были теории? Хардкасл не без высокомерия назвал учеными именами философские загадки, как водится. Хантер считал, что все - сплошной обман и рвался это доказать.

Леди Маунтигл сказала, что он для того и приехал, чтобы встретиться с этим Учителем. Приезжает он редко, с Маунтиглом не ладит, но, когда он услышал, что будет индус, он поспешил сюда. Прекрасно. Однако в палатку пошел Хардкасл, а не он. Он сказал, что не терпит чепухи, хотя у него хватило терпения на то, чтобы приехать ради нее. Что-то не сходится. Как вы помните, он сказал "гадать", а наша хозяйка объяснила ему, что это хиромантия.

- Вы думаете, то была отговорка? - спросил растерянный собеседник.

- Думал сначала, - ответил священник, - но теперь я знаю, что это и есть истинная причина. Он не мог пойти к хироманту, потому что...

- Ну, ну!.. - нетерпеливо вставил сыщик.

- Потому что не хотел снять перчатку, - сказал отец Браун.

- Перчатку? - переспросил тот.

- Если бы он ее снял, - незлобно сказал священник, - все бы увидели, что у него выкрашена рука. Да, конечно, он приехал из-за индуса. И хорошо приготовился.

- Вы хотите сказать, - воскликнул сыщик, - что это была его рука? Да он же стоял по эту сторону!

- Пойдите туда, попробуйте сами, и вы увидите, что это нетрудно, сказал священник. - Он наклонился во дворик, сдернул перчатку, высунул руку из-за колонны, другой рукой схватил индуса и закричал. Я сразу заметил, что он держит жертву одной рукой, тогда как любой нормальный человек держал бы двумя. Другую он засунул камень в карман.

Наступило молчание; потом сыщик медленно заговорил:

- А все же загадка остается. Почему старый колдун так странно себя вел? Если он не крал, какого черта он не сказал прямо?! Почему не сердился, когда его обвиняли и обыскивали? Почему он сидел и улыбался, и говорил намеками?

- Вот! - звонко воскликнул священник. - Наконец-то мы дошли до сути! Они никак не хотят понять одного. Леди Маунтигл говорит, что все религии одинаковы. Как бы не так! Они бывают настолько разными, что лучший человек одной веры и не пошевелится в том случае, который глубоко заденет человека другой веры. Я сказал, что я не очень жалую духовную силу, потому что они подчеркивают силу, а не духовность. Не думаю, что этот Учитель стал бы красть камень, скорее - нет, зачем это ему? У него другие соблазны, например - украсть чудо, которое принадлежит ему не больше, чем "Алая Луна". Этому соблазну, этому искушению он и поддался. А вопрос о том, чей это камень, ему в голову не пришел. Он не думал: "Можно ли красть?", он думал: "Достаточно ли я силен, чтобы перенести рубин на край света?" Такие вещи я и имею в виду, когда говорю, что религии различны. Индус гордится духовной силой. Но то, что он

зовет духовным, совсем не совпадает с тем, что мы зовем праведным. Это значит скорее "не относящийся к плоти" или "властвующий над материей", словом - относится не к нравственности, а к естеству, к господству над стихиями. Ну, а мы - не такие, даже если мы не лучше, даже если мы много хуже. Мы - хотя бы потомки христиан и родились под готическими сводами, сколько ни украшай их восточной бесовщиной. Мы другого стыдимся и другим гордимся. Каждый из нас испугался бы, что его заподозрят в воровстве; он - испугался, что не заподозрят. Когда мы бежали от преступления, как от змеи, он подманивал его, как заклинатель. Но мы не разводим змей! Эта проверка сразу ставит все на место. Можно увлечься тайной мудростью, носить чалму и длинные одежды, ждать вести от махатм, но стоит камешку пропасть из вашего дома, стоит подозрению пасть на ваших друзей - и окажется, что вы просто английский джентльмен. Тот, кто совершил преступление, скрыл его, потому что он тоже английский джентльмен. Нет, лучше: он - христианский вор. Я верю и надеюсь, что можно назвать его раскаявшимся вором, благонамеренным разбойником.

- У вас получается, - засмеялся сыщик, - что христианский вор и языческий жулик противоположны друг другу.

- Будем милостивы и к тому и к другому, - сказал отец Браун. Английские джентльмены крали и раньше, и закон покрывал их. Запад тоже умеет затуманить преступление многозначительными словесами. Другие камни сменили владельцев - драгоценнейшие камни, резные, как камея, и яркие, как цветок.

Сыщик глядел на него, и он показал на темневший в небе могильный камень аббатства {Речь идет о том, что король Генрих VIII (1509 - 1547) отнял аббатства у Церкви и отдал их знатным родам как замки}.

- Это очень большой камень, - сказал священник. - Он остался у воров.

ПОСЛЕДНИЙ ПЛАКАЛЬЩИК

Молния осветила лес, и каждый серый сморщенный листик на поникших деревьях стал четким, словно тонкий рисунок или гравюра на серебре. Повинуясь занятному закону, благодаря которому мы видим в одно мгновение миллионы мелочей, четким стало все - от неубранных, но живописных остатков пикника на скатерти под

широким деревом до белой извилистой дороги, где поджидал белый автомобиль. Унылый дом с четырьмя башнями, похожий на замок, а в этот серый вечер бесформенный, словно туча, внезапно возник вблизи, являя зубчатые крутые крыши и озаренные светом слепые окна. На сей раз это было и впрямь похоже на притчу, ибо для некоторых из собравшихся он вынырнул из глубин памяти на авансцену яви.

Серебряное сверкание высветило на миг и человека, недвижимого, словно башня. Человек этот был высок и стоял поодаль, на пригорке, тогда как спутники его сидели на траве, у скатерти, собирая в корзину посуду и еду. Серебряная застежка его театрального плаща сверкнула звездой в свете молнии, а белокурые вьющиеся волосы стали поистине золотыми. Металлом отливало и лицо, не столь молодое, как осанка; мгновенный свет усилил его орлиную четкость, но высветил морщины. Быть может, лицо это постарело от постоянного грима, ибо Хьюго Ромейн был лучшим актером своего времени. Золотые кудри, стальные черты и серебряное сверкание цепочки на секунду придали ему сходство с рыцарем в латах, и сразу же он снова стал темным, черным силуэтом на немощно-сером фоне дождливых небес.

Однако спокойствие по-прежнему отличало его от прочих участников пикника. Те, кто в прямом смысле слова был у его ног, непроизвольно дернулись, когда внезапный свет разорвал серую завесу, ибо до этой минуты унылый дождь никак не предвещал грозы. Единственная дама, носившая свою седину с тем гордым изяществом, которое отличает светских американок, закрыла глаза и вскрикнула.

Муж ее" флегматичный лорд Ауэрэм - английский генерал, служивший в Индии, - сердито поднял голову. Молодой человек по фамилии Мэллоу заморгал добрыми собачьими глазами и выронил чашку. Элегантный господин с каким-то вынюхивающим носом - сам Джон Кокспер, газетный король, - негромко выругался не на английский, а на канадский лад, ибо родом был из Торонто. Но человек в плаще стоял, как статуя, даже веки его не шевельнулись.

Когда купол, расколотый молнией, снова стал темным, человек этот сказал:

- Гром гремит через полторы секунды, гроза близко. От молний дерево не укроет, разве что от дождя.

Молодой участник пикника обратился к даме.

- Мне кажется, - несмело сказал он, - неподалеку есть дом.

- Дом-то есть, - мрачновато заметил старый военный, - но укрыться там нельзя.

- Как странно, - сказала его жена, - что дождь настиг нас именно здесь.

Что-то в тоне ее не позволило тонкому и умному Мэллоу задать вопрос; газетчик же, лишенный этих качеств, грубовато спросил:

- Почему? Старый, замшелый замок...

- Замок этот, - сухо сказал Аутрэм, - принадлежит роду Марков.

- Ото! - вскричал сэр Джон. - Слышал об этом маркизе. Да в прошлом году "Комета" давала на первой полосе прекрасный материал "Знатный затворник".

- И я о нем слышал, - тихо сказал Мэллоу. - Про него рассказывают разные вещи. Говорят, он носит маску, потому что болен проказой. Еще мне говорили, что он родился уродом и вырос в темной комнате.

- У него три головы, - промолвил актер.

- Мне не хотелось бы слушать сплетни, - сказала леди Аутрэм, - и шутить над этим не стоит. Понимаете, я хорошо знакома с маркизом. Точнее, мы дружили, когда он еще маркизом не был, четверть века назад. Маски он не носил и проказой не болел, разве что немного сторонился людей. Голова у него была одна, и сердце одно, только оно разбилось.

- Несчастливая любовь! - обрадовался Кокспер. - В самый раз для "Кометы".

- Как это лестно! - сказала леди Аутрэм. - Мужчины полагают, будто сердце может разбиться только из-за женщины. Нет, бедный Джеймс потерял брата, точнее, кузена, но они выросли вместе и были ближе, чем многие братья.

Забыла сказать, что маркиза звали тогда Джеймсом Мэйром, а младшего, любимого брата - Морисом. Джеймс был неглуп и очень хорош собой - высокий, с тонким лицом, хотя нам, молодым, он казался немного старомодным. Мориса я не видела, но мне говорили, что он истинный красавец, правда, скорее в оперном, чем в аристократическом духе. И впрямь, он прекрасно пел, музицировал,

играл на сцене, он мог и умел буквально все. Джеймс постоянно спрашивал нас, способна ли женщина устоять перед таким чудом.

Он боготворил брата, но однажды кумир его разбился, словно фарфоровая кукла. Морис умер, когда они жили у моря; тогда же умер и Джеймс.

- С тех пор он и живет взаперти? - спросил Мэллоу.

- Нет, - отвечала леди Аутрэм. - Сперва он долго странствовал. Говорят, он не мог и не может вынести никаких напоминаний. Он даже портретов не хранит. Тогда, после смерти брата, он уехал сразу, в тот же день. Я слышала, что лет через десять он вернулся. Быть может, он немного утешился, но вдруг на него накатила религиозная меланхолия.

- Говорят, в него вцепились католические священники, - проворчал лорд Аутрэм. - Я знаю точно, что он раздает милостыню тысячами, а сам живет, как монах или как затворник. Не понимаю, какая в этом польза. Зачем это нужно его духовным наставникам?

- Мракобесы, - пояснил Кокспер. - Нет, вы подумайте! Человек может приносить пользу обществу, служить людям, а эти кровопийцы держат его. Они ему и жениться не дают, вы уж мне поверьте!

- Да, он не женился, - печально сказала дама. - Когда мы были молоды, он любил мою близкую подругу. А потом... Понимаете, как у Гамлета, утратив все, он утратил любовь. Собственно, все вы знаете его бывшую невесту. Это Виола, дочь адмирала Грэйсона. Она тоже осталась одинокой.

- Какая мерзость! - крикнул сэр Джон. - Какое бессмысленное зверство! Это не драма, а преступление. Я просто обязан оповестить общество об этом ужасе. Нет, вы подумайте, в двадцатом веке...

Он задохнулся от гнева, а лорд Аутрэм сказал, помолчав немного:

- Мне кажется, монахам не мешало бы вспомнить слова: "Предоставь мертвым хоронить своих мертвецов".

Жена его глубоко вздохнула.

- Так это и выйдет, - сказала она. - Мертвец хоронит мертвеца, годами, снова и снова.

- Гроза миновала, - сказал Ромейн, улыбаясь неизвестно чему. - Вам не придется заходить в негостеприимный замок.

Леди Аутрэм вздрогнула.

- Я в жизни снова туда не зайду! - воскликнула она.

- Снова? - переспросил Мэллоу. - Значит, вы там были?

- Я попыталась, - гордо ответила она. - Но не будем об этом вспоминать. Дождь кончился, можно идти к автомобилю.

Они пошли, и генерал сказал по пути своему молодому приятелю:

- Не хочется говорить при Кокспере, но вам это лучше знать. Одного я не могу простить Джеймсу. Когда моя жена пришла к нему, он гулял в парке. Жена послала с лакеем свою карточку и ждала его у входа. Он вскоре появился и прошел мимо, не обернувшись. Он даже не взглянул на женщину, с которой был когда-то дружен. В нем не осталось ничего человеческого. Она вправе называть его мертвецом.

- Все это очень странно, - сказал его собеседник. - Это совсем... совсем не то, чего я поначалу ждал.

Расставшись с друзьями, Мэллоу отправился искать друга. Монахов встречать ему не доводилось, но католического пастыря он знал и очень хотел поговорить с ним о том, что услышал. И он стал искать его, чтобы выяснить правду о зловещем мракобесии, нависшем мрачной тучей над замком Марков.

Искал он по разным местам, пока не нашел отца Брауна в одной знакомой им обоим многодетной семье. Священник сидел на полу и, напряженно хмурясь, пытался надеть на плюшевого медведя кукольную шляпу.

Мэллоу стало неловко, но он был слишком поглощен своими сомнениями и разговора откладывать не мог. Он рассказал, что слышал, не упустив замечаний генерала и газетчика. При упоминании о газетчике священник стал печальней.

Отец Браун никогда не знал и не думал о том, смешон ли он. Сейчас он сидел на полу, большеголовый и коротконогий, как ребенок; но его серые глаза глядели так, как глядели глаза многих людей за девятнадцать столетий, только люди эти восседали на престолах епископов или стояли на кафедре. Такой отрешенный и пристальный взгляд, исполненный смирения перед задачей, непосильной для человека, бывает у моряков и у тех, кто проводит сквозь бури ладью святого Петра.

- Хорошо, что вы мне об этом сказали, - промолвил он. - Большое вам спасибо, теперь надо что-то делать. Если бы знали только вы и

лорд Аутрэм, это бы ничего, но Джон Кокспер поднимет шум в газетах. Что ж, такое у него ремесло!..

- А что вы думаете о самой истории? - беспокойно спросил Мэллоу.

- Прежде всего, - ответил отец Браун, - я думаю, что она непохожа на правду. Допустим, что мы - мрачные кровопийцы и цель у нас одна - лишать людей счастья. Допустим, я - злобный пессимист. - Он почесал медведем нос, смутился и положил на пол плюшевого зверя. - Допустим, что мы изо всех сил разрушаем человеческие и родственные связи. Зачем же тогда мы станем поддерживать и усиливать почти безрассудную привязанность к родственнику? Мне кажется, не совсем честно бранить нас и за то, что мы против семейных чувств, и за то, что мы не даем о них забыть. Я не понимаю, почему религиозный маньяк должен помешаться именно на этом и почему вера поддерживает его отчаяние, а не дает ему хоть каплю надежды?

Он помолчал и прибавил:

- Я хотел бы поговорить с вашим знакомым.

- Это рассказала его жена, - ответил Мэллоу.

- Да, - сказал священник, - но мне интересно не то, что она рассказала, а то, о чем он умолчал.

- По-вашему, он знает что-нибудь еще? - спросил Мэллоу.

- По-моему, он знает больше, чем сказал, - ответил отец Браун. - Вы говорите, он не может простить только грубости к его жене. Интересно, что же еще он должен прощать?

Священник встал, отряхнул мешковатую сутану и зорко поглядел на своего молодого собеседника. Потом он взял старый зонтик и старую шляпу и быстро, хотя и неуклюже, пошел по улице.

Пройдя много улиц и площадей, он добрался до красивого старинного дома и спросил слугу, нельзя ли увидеть лорда Аутрэма. Вскоре его провели в кабинет, где среди книг, карт и глобусов высокий генерал с темными усами курил длинную темную сигару и втыкал булавки в одну из карт.

- Простите мне мою наглость, - сказал священник. - Я к вам просто ворвался. Но мне необходимо потолковать об одном частном деле, чтобы оно осталось частным. Как это ни прискорбно, некоторые

люди могут сделать его общественным. Вы знаете сэра Джона Кокспера?

Темные усы скрывали улыбку хозяина, но в темных его глазах что-то сверкнуло.

- Все его знают, - отвечал лорд Аутрэм. - Я не слишком близко с ним знаком.

- Как бы то ни было, - улыбнулся отец Браун, - все узнают то, что знает он, если он сочтет нужным об этом сообщить. Мой друг, мистер Мэллоу, сказал мне, что сэр Джон собирается напечатать целую серию антиклерикальных статей. "Монахи и маркиз" или что-нибудь в этом роде.

- Вполне возможно, - сказал хозяин, - но при чем тут я? Почему вы пришли ко мне? Должен предупредить, что я убежденный протестант.

- Я очень люблю убежденных протестантов, - сказал отец-Браун. - А к вам я пришел потому, что хочу узнать правду. Я верю, что вы не солжете. Надеюсь, я не грешу против милосердия, если не так уверен в правдивости сэра Джона.

Темные глаза снова сверкнули, но хозяин промолчал.

- Генерал, - сказал отец Браун, - представьте себе, что Кокспер собирается публично опозорить вашу страну и ваше знамя. Представьте, что он говорит, будто ваш полк бежал с поля боя или ваш штаб подкуплен. Неужели вы стерпите, неужели не захотите любой ценой выяснить правду? Я солдат, как и вы, я тоже служу в армии. Ее позорят, на нее клеветают, я уверен в этом, но я не знаю, какой огонь породил этот гнусный дым. Осудите ли вы меня за то, что я хочу это выяснить?

Солдат молчал, и священник сказал еще:

- Мэллоу сообщил мне то, что слышал. Я не сомневаюсь, что слышал он не все. Знаете ли вы еще что-нибудь?

- Нет, - сказал хозяин. - Я не могу рассказать вам больше ничего.

- Генерал, - сказал отец Браун и широко улыбнулся, - вы назвали бы меня иезуитом, если бы я попытался так вывернуться.

Тогда хозяин засмеялся, но сразу нахмурился.

- Ну, хорошо, - вымолвил он, - я не хочу рассказать вам. Что вы на это ответите?

- Я сам расскажу вам, - кротко проговорил священник.

Темные глаза пристально смотрели на него, но блеска в них не было.

- Вы вынуждаете меня, - продолжал отец Браун, - подозревать, что все обстояло сложнее. Я убежден, что маркиз так сильно страдает и так тщательно прячется не только из любви к другу. Я не верю, что священники хоть как-то с этим связаны; я думаю даже, что он не обратился к Богу, а просто пытается облегчить совесть щедрыми даяниями. Но одно я знаю: он не просто последний плакальщик. Если хотите, я скажу вам, что меня в этом убедило.

Во-первых, Джеймс Мэйр собирался жениться, но почему-то не женился после смерти Мориса. Станет ли порядочный человек бросать женщину с горя по умершему другу?

Скорей он будет искать у нее утешения. Во всяком случае, он связан, и смерть друга никак не освобождает его.

Генерал кусал темный ус; темные глаза глядели настороженно и даже тревожно, но он не говорил ни слова.

- Во-вторых, - продолжал священник, хмуро глядя на стол, - Джеймс Мэйр спрашивал невесту и ее подругу, способна ли женщина устоять перед Морисом. Пришло ли им в голову, что может значить такой вопрос?

Генерал поднялся и стал мерить шагами комнату.

- А, черт... - сказал он без особого пыла.

- В-третьих, - продолжал отец Браун. - Джеймс Мэйр очень странно горюет. Он не в силах слышать о брате, видеть его портретов. Так бывает, не спорю; это может значить, что воспоминание слишком мучительно. Может это значить и другое.

- Долго вы будете меня терзать? - спросил хозяин.

- В-четвертых и в-пятых, - спокойно промолвил священник, - Мориса Мэйра не хоронили или хоронили очень скромно, наспех, хотя он и принадлежал к знатному роду. А брат его, Джеймс, немедленно уехал за границу, как бы убежал на край света. Поэтому, - все так же спокойно продолжал он, - когда вы обвиняете мою веру и противопоставляете ей чистую и совершенную любовь двух братьев, я разрешу себе предположить...

- Хватит, - сказал лорд Аутрэм. - Я сообщу вам, что могу, чтобы вы не думали самого плохого. Знайте хотя бы одно: поединок был честный.

- Слава Богу! - сказал отец Браун.

- Они стрелялись, - сказал Аутрэм. - Быть может, то была последняя дуэль в Англии.

- Это гораздо лучше, - сказал священник. - Милостив Бог. Да, гораздо лучше.

- Лучше, чем ваши догадки? - угрюмо сказал хозяин. - Вольно вам смеяться над совершенной любовью, но, поверьте, она существовала. Джеймс боготворил кузена, и выросли они вместе. Старший брат или старшая сестра иногда обожают младшего, особенно, когда он и впрямь истинное чудо. У простодушного Джеймса даже ненависть не была себялюбивой. Понимаете, если он сердился на кого-нибудь, он думал о нем, не о себе. А бедный Морис жил и чувствовал иначе. Люди тянулись к нему, и он любил общество, но любовался лишь собой, словно в зеркальном зале.

Никто не превзошел его ни в спорте, ни в искусствах; он почти всегда побеждал и легко принимал победу. Но если ему случалось проиграть, легкость исчезала. Поражений он не терпел. Стоит ли рассказывать вам, какую досаду породила в нем помолвка Джеймса? Остаться в стороне он просто не мог. Джеймс превосходил его лишь в одном - стрелял он гораздо лучше. Так и кончилась трагедия.

- Вернее, так она началась, - сказал священник. - Так начались страдания того, кто остался живым. Мне кажется, здесь можно обойтись и без зловещих монахов.

- А мне кажется, - сказал генерал, - что Джим страдает больше, чем нужно. Конечно, беда немалая, но дрались они честно. Кроме того, Морис вынудил его стреляться.

- Откуда вы это знаете? - удивленно спросил священник.

- Я это видел, - печально ответил Аутрэм. - Я был секундантом у Джеймса, и Морис на моих глазах рухнул мертвым.

- Пожалуйста, расскажите мне все, - задумчиво произнес священник. Кто был секундантом у Мориса?

- Хьюго Ромейн, знаменитый актер, - угрюмо отвечал хозяин. - Морис увлекался сценой и брал у него уроки. Ромейн славился и тогда, но еще не встал на ноги, и Морис давал ему деньги. Теперь этот актер богаче аристократа, однако в те времена он зависел от богатого ученика. Поэтому мы не знаем, как он относился к ссоре - он мог не одобрять ее и согласиться поневоле. Стрелялись на английский манер,

у каждого был один секундант. Я хотел позвать врача, но Морис отказался. Он сказал мне: "Чем меньше народу узнает, тем лучше. Кроме того, в деревне есть врач. У него прекрасный конь, и если надо, он мигом прискачет". Мы знали, что Морис рискует больше - как вы помните, он неважно стрелял, - и согласились. Противники сошлись на песке, у моря. Между ними и деревушкой лежали дюны - глухая стена, поросшая редкими пучками травы. К морю мы вышли через узкий, извилистый проход. Так и вижу мертвенно-желтую полосу, а за нею, у самой воды, - узкую, мертвенно-красную, словно отсвет крови.

Дальше все произошло так стремительно, словно песок взметнуло ветром. Выстрел как будто и щелкнуть не успел, а Морис Мэйр закружился юлою и кеплей рухнул в песок.

Конечно, я испугался за него, но, хоть это и странно, пожалел я не убитого, а убийцу. Ярче и яснее всего я вижу по сей день не Мориса, падающего мертвым, а несчастного Джима, который бежит к поверженному другу и врагу. Я вижу его бородку, его смертельно бледное лицо, его тонкий профиль.

Пистолет он отшвырнул, в левой руке держал перчатку, и пустые пальцы бились на ветру, как бы взывая о помощи, когда он кричал мне, чтобы я поскорее привел врача. Все это я вижу, а больше - ничего, кроме моря, и неподвижного тела, и неподвижного секунданта на фоне светлых небес.

- Ромейн не двигался? - спросил священник. - Почему же он не подбежал к Морису Мэйру?

- Может быть, он подбежал, когда меня уже не было, - ответил генерал. - Я кинулся в деревню и больше ничего не видел. Бедный Морис был прав: доктор сразу вскочил в седло, я едва рассмотрел его, но он показался мне весьма предприимчивым и умелым. Задолго до того, как я пришел к морю, он сделал все, что мог: похоронил тело в песках и убедил несчастного убийцу бежать, в прямом смысле слова просто бежать по берегу. Джеймс добрался до ближайшего порта, и ему удалось покинуть Англию. Остальное вы знаете.

Через много лет он вернулся и поселился в мрачном замке.

К тому времени титул уже перешел к нему. Я не видел его ни разу, но мне известно, что начертано мертвенно-красными буквами во мраке его души.

- Насколько я понимаю, - спросил отец Браун, - другие его друзья пытались встретиться с ним?

- Моя жена пыталась и сейчас решила попытаться снова, - сказал Аутрэм. - Она очень дружна с несчастной дамой, которая была причиной ссоры, и хочет свести с нею Джима. Ей кажется, если он увидит Виолу, разум вернется к нему. Как раз завтра она собирается устроить это свидание.

Отец Браун перебирал булавки, лежавшие около него, и слушал довольно рассеянно. Он мыслил образами, и картина, поразившая даже солдата, становилась все явственнее и ярче в сознании мистика. Он видел тускло-багровый песок, страшный, как земля крови, и темное тело, и убийцу, который, спотыкаясь на бегу, отчаянно взывает о помощи, взмахивая перчаткой; но воображение его не могло совладать с неподвижным силуэтом, стоявшим, словно статуя, у самой воды. Что-то он значил, но для священника был лишь вопросительным знаком.

- Этот Ромейн всегда реагирует не сразу? - спросил отец Браун.

- Странно, что вы об этом спросили, - ответил Аутрэм, зорко глянув на него. - Нет, он реагирует мгновенно. Однако как раз вчера, перед грозой, я видел его в этой самой позе. Молния ослепила нас, но он не шелохнулся.

- А потом? - спросил священник.

- Резко повернулся, когда грянул гром, - сказал хозяин. - Должно быть, он его ждал. Он объяснил нам, через сколько секунд... Простите, что с вами?

- Я укололся булавкой, - отвечал священник, часто моргая.

- Вам плохо? - спросил Аутрэм.

- Нет, ничего, - сказал священник. - Просто я не такой стоик, как ваш Ромейн. Когда я вижу свет, я моргаю, ничего не могу поделать.

Забрав шляпу и зонтик, он засеменил к двери, но вдруг остановился, беспомощно глядя на хозяина, словно рыба на песке, и тихо проговорил:

- Генерал, ради Господа Бога, не пускайте вашу жену и ее подругу к несчастному Марну. Оставьте все, как есть, иначе вы разбудите сонмища бесов.

Темные глаза генерала светились удивлением, когда он снова принялся за свои булавки.

Однако он удивился еще больше, когда милосердные козни его жены привели к тому, что несколько друзей собрались посетить мрачный замок. Прежде всего и он, и все прочие удивились тому, что нет Хьюго Ромейна. Когда небольшое общество прибыло в маленькую гостиницу, там ждала телеграмма от его поверенного, сообщавшая о внезапном отъезде прославленного актера. Когда же общество это направилось к замку, навстречу им, из зловещей двери, вышел не величавый дворецкий и даже не статный лакей, а неуклюжий священник по имени Браун.

- Простите, - смущенно и прямо сказал он, - я говорил вам, оставьте все, как есть. Маркиз знает, что делает, и встреча ваша только умножит беды.

Леди Аутрэм, рядом с которой стояла высокая, еще прекрасная дама, гневно плюнула на низкорослого пастыря.

- Это наше частное дело, - сказала она. - Не понимаю, при чем тут вы.

- А им только и подай частное дело! - презрительно молвил Джон Кокспер. - Они вечно шныряют под полом, норовят пролезть в чужое жильё. Видите, вцепился в бедного Марна! - Сэр Джон был не в духе, ибо знатные друзья взяли его с собой лишь на том условии, что он ничего не напишет. Ему и в голову не приходило, что именно он вечно норовит пролезть в чужое жильё.

- Вы не беспокойтесь, все в порядке, - поспешил заверить отец Браун. Кроме меня, маркиз не видел ни одного священника. Поверьте, он знает, что делает. Молю вас, не трогайте его.

- Чтобы он умер заживо и сошел с ума? - вскричала леди Аутрэм. - Чтобы он жил вот так, потому что против воли убил человека двадцать пять лет назад? Это вы и зовете милосердием?

- Да, - невозмутимо отвечал священник, - это я зову милосердием.

- Чего от них ждать? - сердито сказал Кокспер. - Им только и надо замуровать кого-нибудь заживо, уморить голодом, свести с ума постом, покаянием и страхом вечных мук!

- Нет, правда, отец Браун, - сказал Аутрэм. - Неужели, по-вашему, он так виновен?

- Отец Браун, - серьезно сказал Мэллоу, - я всегда согласен с вами. Но сейчас я ничего не пойму! Неужели надо так расплачиваться за

такое преступление?

- Преступление его тяжко, - отвечал священник.

- Да умягчит Господь ваше жестокое сердце, - сказала незнакомая дама. - Я пойду и поговорю с моим женихом.

И, словно голос ее вызвал духа, из серого замка вышел человек, остановившийся во мраке открытых дверей, на самом верху длинной лестницы. Человек был весь в черном; отсюда, снизу, было видно, что волосы его белы, а лицо бледно, как у статуи.

Когда Виола Грэйсон медленно пошла вверх по лестнице, лорд Аутрэм проговорил в темные усы:

- Надеюсь, ее он не оскорбит, как оскорбил мою жену.

Отец Браун, пребывавший в каком-то оцепенелом смирении, посмотрел на него и проговорил:

- Бедный Марн достаточно виновен, но этого он не делал. Вашу жену он не оскорблял.

- Что вы хотите сказать? - спросил Аутрэм.

- Он с нею незнаком, - отвечал священник.

Пока они говорили, высокая дама поднялась по ступеням, и тут все услышали поистине страшный крик:

- Морис!

- Что случилось? - воскликнула леди Аутрэм и побежала к подруге, которая пошатнулась так, словно сейчас слетит по каменным ступеням. Но Виола Грэйсон медленно пошла вниз, сжавшись и дрожа.

- О, Господи, - говорила она, - о, Господи милостивый... это не Джеймс... это Морис!

- Мне кажется, леди Аутрэм, - серьезно сказал священник, - вам лучше бы увести отсюда вашу подругу. Но с высоты ступеней обрушился голос, который мог бы прозвучать из склепа, - хриплый, несоразмерно громкий, как у тех, кто много лет прожил среди птиц на необитаемом острове. Морис, маркиз Марн, сказал:

- Пойдите!

Все застыли на месте.

- Отец Браун, - продолжал маркиз, - прежде чем эти люди уйдут, расскажите им все, что я рассказал вам.

- Вы правы, - отвечал священник, - и это вам зачтется.

Маркиз скрылся в замке, а отец Браун обратился к собравшимся у замка людям.

- Да, - сказал он. - Несчастный Марн дал мне право поведать все, что он мне поведал, но лучше я последую ходу собственных моих догадок. Конечно, я понял сразу, что мрачные монахи - просто чушь, вычитанная из книг.

Иногда, достаточно редко, мы склоняем человека к монашеству, но никогда не склоняем его к затвору без правила и никогда не рядим мирянина в монашеские одежды. Однако я задумался о том, почему же он носит капюшон и закрывает лицо. И мне показалось, что тайна не в том, что он сделал, а в том, кто он.

Потом генерал очень живо описал мне поединок, и самым живым в этой картине была загадочная поза Ромейна, застывшего в стороне. Она потому и была загадочной, что он застыл в стороне. Почему этот человек не бросился к своему другу? И тут я услышал сущий пустяк - генерал упомянул о том, что Ромейн стоял именно так, ожидая грома после молнии. Тут я все понял. Ромейн ждал и тогда, у моря.

- Да поединок кончился! - вскричал лорд Аутрэм. - Чего же он ждал?

- Поединка, - ответил отец Браун.

- Говорю вам, я все видел! - еще взволнованней крикнул генерал.

- А я, - сказал священник, - говорю вам, что вы ничего не видели.

- Простите, вы в своем уме? - спросил генерал. - Почему вы решили, что я ослеп?

- Потому что вы хороший человек, - отвечал священник. - Господь пощадил вашу чистую душу и отвратил ваш взор от беззакония. Он поставил стену песка и тайны между вами и тем, что случилось на земле крови.

- Расскажите, что там случилось, - едва проговорила леди Аутрэм.

- Потерпите немного, - ответил ей священник. - Последите за ходом моих мыслей. Подумал я и о том, что Ромейн учил Мориса приемам своего ремесла. У меня есть друг-актер, и он показывал мне очень занятный прием - как падать замертво.

- Господи, помилуй! - воскликнул лорд Аутрэм.

- Аминь, - сказал отец Браун. - Да, Морис упал, как только Джеймс выстрелил, и лежал, поджидая. Подждал и его преступный

учитель, стоя в стороне.

- Ждем и мы, - сказал Кокспер. - Я, например, больше ждать не могу.

- Джеймс, оглушенный раскаянием, кинулся к упавшему, - продолжал священник. - Пистолет он бросил с отвращением, но Морис держал свой пистолет в руке. Когда старший брат склонился над младшим, тот приподнялся на левом локте и выстрелил. Стрелял он плохо, но на таком расстоянии промахнуться нельзя.

Все были бледны; все долго глядели на священника. Наконец сэр Джон спросил растерянно и тихо:

- Вы уверены во всем этом?

- Да, - отвечал Браун. - Мориса Мэйра, маркиза Марна, я предоставляю вашему милосердию. Сегодня вы объяснили мне, что это такое. Как хорошо для бедных грешников, что если вы и перегибаете, то в сторону милости! Как хорошо, что вы умеете прощать!

- Ну, знаете ли! - вскричал лорд Аутрэм. - Простить этого мерзкого труса? Нет уж, позвольте! Я сказал, что понимаю честный поединок, но такого предателя и убийцу...

- Линчевать бы его! - крикнул Кокспер. - Сжечь живьем. Если вечный огонь не сказки, я и слова не скажу, чтобы спасти его от ада.

- Я не дал бы ему куска хлеба, - проговорил Мэллоу.

- Человеческой милости есть предел, - сказала дрожащим голосом леди Аутрэм.

- Вот именно, - сказал отец Браун. - Этим она и отличается от милости Божьей. Простите, что я не слишком серьезно отнесся к вашим упрекам и наставлениям. Дело в том, что вы готовы простить грехи, которые для вас не греховны. Вы прощаете тех, кто, по-вашему, не совершает преступление, а нарушает условность. Вы терпимы к дуэли, разводу, роману. Вы прощаете, ибо вам нечего прощать.

- Неужели, - спросил Мэллоу, - вы хотите, чтобы я прощал таких мерзавцев?

- Нет, - отвечал священник. - Это мы должны прощать их.

Он резко встал и оглядел собравшихся.

- Мы должны дать им не кусок хлеба, а Святое Причастие, - продолжал он. - Мы должны сказать слово, которое спасет их от ада. Мы одни остаемся с ними, когда их покидает ваша, человеческая

милость. Что ж, идите своей нетрудной дорогой, прощая приятные вам грехи и модные пороки, а мы уж, во мраке и тьме, будем утешать тех, кому нужно утешение; тех, кто совершил страшные дела, которых не простит мир и не оправдает совесть. Только священник может простить их. Оставьте же нас с теми, кто низок, как низок был Петр, когда еще не запел петух и не занялась заря.

- Занялась заря... - повторил Мэллоу. - Вы думаете, для него есть надежда?

- Да, - отвечал священник. - Разрешите задать вам неучтивый вопрос. Вы, знатные дамы и мужи чести, никогда не совершили бы того, что совершил несчастный Морис. Ну, хорошо, а если бы совершили, могли бы вы, через много лет, в богатстве и в безопасности, рассказать о себе такую правду?

Никто не ответил. Две женщины и трое мужчин медленно удалились, а священник молча вернулся в печальный замок Марнов.

ТАЙНА ФЛАМБО

- ...Те убийства, в которых я играл роль убийцы... - сказал отец Браун, ставя бокал с вином на стол.

Красные тени преступлений вереницей пронеслись перед ним.

- Правда, - продолжал он, помолчав, - другие люди совершали преступление раньше и освобождали меня от физического участия. Я был, так сказать, на положении дублера. В любой момент я был готов сыграть роль преступника. По крайней мере, я вменил себе в обязанность знать эту роль назубок. Сейчас я вам поясню: когда я пытался представить себе то душевное состояние, в котором крадут или убивают, я всегда чувствовал, что я сам способен украсть или убить только в определенных психологических условиях именно таких, а не иных, и притом не всегда наиболее очевидных. Тогда мне, конечно, становилось ясно, кто преступник, и это не всегда был тот, на кого падало подозрение.

Например, легко было решить, что мятежный поэт убил старого судью, который терпеть не мог мятежников. Но мятежный поэт не станет убивать за это, вы поймете почему, если влезете в его шкуру. Вот я и влез, сознательно стал пессимистом, поборником анархии, одним из тех, для кого мятеж - не торжество справедливости, а разрушение. Я постарался избавиться от крох трезвого здравомыслия, которые мне посчастливилось унаследовать или собрать.

Я закрыл и завесил все окошки, через которые светит сверху добрый дневной свет. Я представил себе ум, куда проникает только багровый свет снизу, раскалывающий скалы и разверзающий пропасти в небе. Но самые дикие, жуткие видения не помогли мне понять, зачем тому, кто так видит, губить себя, вступать в конфликт с презренной полицией, убивая одного из тех, кого сам он считает старыми дураками. Он не станет это делать, хотя и призывает к насилию в своих стихах. Он потому и не станет, что пишет стихи и песни.

Тому, кто может выразить себя в песне, незачем выражать себя в убийстве.

Стихи для него - истинные события, они нужны ему, еще и еще. Потом я подумал о другом пессимисте о том, кто охраняет этот мир, потому что полностью от него зависит. Я подумал, что, если бы не благодать, я сам бы стал, быть может, человеком, для которого реален только блеск электрических ламп, мирским, светским человеком, который живет только для этого мира и не верит в другой; тем, кто может вырвать из тьмы крошечной только успех и удовольствия. Вот кто пойдет на все, если встанет под угрозу его единственный мир! Не мятежник, а мещанин способен на любое преступление, чтобы спасти свою мещанскую честь. Представьте себе, что значит разоблачение для преуспевающего судьи. Ведь вышло бы наружу то, чего его мир, его круг действительно не терпит - государственная измена. Если б я оказался на его месте и у меня была бы под рукой только его философия, один бог знает, чего бы я натворил.

- Многие скажут, что ваше упражнение мрачновато, - сказал Чейс.

- Многие думают, - серьезно ответил Браун, - что милосердие и смирение мрачны. Не будем об этом спорить. Я ведь просто отвечаю вам, рассказываю о своей работе. Ваши соотечественники оказали мне честь: им интересно, как мне удалось предотвратить ошибки правосудия. Что ж, скажите им, что мне помогла мрачность. Все ж лучше, чем магия!

Чейс задумчиво хмурился и не спускал глаз со священника. Он был достаточно умен, чтобы понять его, и в то же время слишком разумен, чтобы все это принять. Ему казалось, что он говорит с одним человеком - и с сотней убийц. Было что-то жуткое в маленькой

фигурке, скрючившейся, как гном, над крошечной печкой. Страшно было подумать, что в этой круглой голове кроется такая бездна безумия и потенциальных преступлений. Казалось, густой мрак за его спиной населен темными тенями, духами зловещих преступников, не смеющих перешагнуть через магический круг раскаленной печки, но готовых ежеминутно растерзать своего властелина. - Мрачно, ничего не поделаешь, - признался Чейс. - Может, это не лучше магии. Одно скажу вам, наверное, было интересно.

- Он помолчал. - Не знаю, какой из вас преступник, но писатель из вас вышел бы очень хороший. - Я имею дело только с истинными происшествиями, ответил Браун. - Правда, иногда труднее вообразить истинное происшествие, чем вымышленное. - В особенности когда это сенсационное преступление, сказал Чейс. - Мелкое преступление гораздо труднее вообразить, чем крупное, - ответил священник. - Не понимаю, - промолвил Чейс. - Я имею в виду заурядные преступления, вроде кражи драгоценностей, - сказал отец Браун. Например, изумрудного ожерелья, или рубина, или искусственных золотых рыбок. Трудность тут в том, что нужно ограничить, принизить свой разум. Вдохновенные, искренние шарлатаны, спекулирующие высшими понятиями, не способны на такой простой поступок. Я был уверен, что пророк не крал рубина, а граф не крал золотых рыбок. А вот человек вроде Бэнкса мог украсть ожерелье. Для тех, других, драгоценность - кусок стекла, а они умеют смотреть сквозь стекло.

Для пошлого же, мелкого человека драгоценный камень - это рыночная ценность.

Стало быть, вам нужно обкорнать свой разум, стать ограниченным. Это ужасно трудно. Но иногда вам приходят на помощь какие-нибудь мелочи и проливают свет на тайну. Так, например, человек, который хвастает, что он "вывел на чистую воду" профессора черной и белой магии или еще какого-нибудь жалкого фокусника, всегда ограничен. Он из того сорта людей, которые "видят насквозь" несчастного бродягу и, рассказывая про него небылицы, окончательно губят его. Иногда очень тяжело влезать в такую шкуру. И вот когда я понял, что такое ограниченный ум, я уже знал, где искать его. Тот, кто пытался разоблачить пророка, украл рубин; тот, кто издевался над оккультными фантазиями своей сестры, украл

ожерелье. Такие люди всегда равнодушны к драгоценностям, они не могут, как шарлатаны высшей марки, подняться до презрения к ним. Ограниченные, неумные преступники всегда рабы всевозможных условностей. Оттого они и становятся преступниками.

Правда, нужно очень стараться, чтобы низвести себя до такого низкого уровня. Для того чтобы стать рабом условностей, надо до предела напрягать воображение. Нелегко стремиться к дрянной безделушке, как к величайшему благу. Но это можно... Вы можете сделать так вообразите себя сначала ребенком - сладкоежкой; думайте о том, как хочется взять в лавке какие-нибудь сласти; о том, что есть одна вкусная вещь, которая вам особенно по душе. Потом отнимите от всего этого ребяческую поэзию; погасите сказочный свет, освещавший в детских грезах эту лавку, вообразите, что вы хорошо знаете мир и рыночную стоимость сластей. Сузьте ваш дух, как фокус камеры. И вот - свершилось!

Он говорил так, словно его посетило видение.

Грэндисон Чейс все еще смотрел на него, хмурясь, с недоверием и с интересом. На секунду в его глазах даже зажглась тревога. Казалось, потрясение, испытанное им при первых признаниях священника, еще не улеглось.

Он твердил себе, что он, конечно, не понял, что он ошибся, что Браун, разумеется, не может быть чудовищным убийцей, за которого он его на минуту принял. Но все ли ладно с этим человеком, который так спокойно говорит об убийствах и убийцах? А может, все-таки он чуточку помешан?

- Не думаете ли вы, - сказал он отрывисто, - что эти ваши опыты, эти попытки перевоплотиться в преступника, делают вас чрезмерно снисходительным к преступлению?

Отец Браун выпрямился и заговорил более четко:

- Как раз наоборот! Это решает всю проблему времени и греха: вы, так сказать, раскаиваетесь впрок.

Воцарилось молчание. Американец глядел на высокий навес, простирившийся до половины двора, хозяин, не шевелясь, глядел в огонь. Вновь раздался голос священника, теперь он звучал иначе - казалось, что он доносится откуда-то снизу.

Есть два пути борьбы со злом, - сказал он. - И разница между этими двумя путями, быть может, глубочайшая пропасть в

современном сознании. Одни боятся зла, потому что оно далеко. Другие потому что оно близко. И ни одна добродетель, и ни один порок не отдалены так друг от друга, как эти два страха.

Никто не ответил ему, и он продолжал так же весело, словно ронял слова из расплавленного олова.

- Вы называете преступление ужасным потому, что вы сами не могли бы совершить его. Я называю его ужасным потому, что представляю, как бы мог совершить его. Для вас оно вроде извержения Везувия; но, право же, извержение Везувия не так ужасно, как, скажем, пожар в этом доме. Если бы тут внезапно появился преступник...

- Если бы тут появился преступник, - улыбнулся Чейс, - то вы, я думаю, проявили бы к нему чрезмерную снисходительность. Вы, вероятно, стали бы ему рассказывать, что вы сами преступник, и объяснили, что ничего нет естественней, чем ограбить своего отца или зарезать мать. Честно говоря, это, по-моему, непрактично. От подобных разговоров ни один преступник никогда не исправится. Все эти теории и гипотезы - пустая болтовня. Пока мы сидим здесь, в уютном, милом доме мосье Дюрока, и знаем, как мы все добропорядочны, мы можем себе позволить роскошь поболтать о грабителях, убийцах и тайнах их души. Это щекочет нервы. Но те, кому действительно приходится иметь дело с грабителями и убийцами, ведут себя совершенно иначе.

Мы сидим в полной безопасности у печки и знаем, что наш дом не горит. Мы знаем, что среди нас нет преступника.

Мосье Дюрок, чье имя только что было упомянуто, медленно поднялся с кресла, его огромная тень, казалось, покрыла все кругом, и сама тьма стала темнее.

- Среди нас есть преступник, - сказал он. - Я - Фламбо, и за мной по сей день охотится полиция двух полушарий.

Американец глядел на него сверкающими остановившимися глазами; он не мог ни пошевелиться, ни заговорить.

- В том, что я говорю, нет ни мистики, ни метафор, - сказал Фламбо. Двадцать лет я крал этими самыми руками, двадцать лет я удирал от полиции на этих самых ногах. Вы, надеюсь, согласитесь, что это большой стаж. Вы, надеюсь, согласитесь, что мои судьбы и

преследователи имели дело с настоящим преступником. Как вы считаете, могу я знать, что они думают о преступлении?

Сколько проповедей произносили праведники, сколько почтенных людей обливало меня презрением! Сколько поучительных лекций я выслушал! Сколько раз меня спрашивали, как я мог пасть так низко! Сколько раз мне твердили, что ни один мало-мальски достойный человек не способен опуститься в такие бездны греха!

Что вызывала во мне эта болтовня, кроме смеха? Только мой друг сказал мне, что он знает, почему я краду. И с тех пор я больше не крал.

Отец Браун поднял руку, словно хотел остановить его. Грэндисон Чейс глубоко, со свистом вздохнул.

- Все, что я вам сказал, правда! - закончил Фламбо. - Теперь вы можете выдать меня полиции.

Воцарилось мертвое молчание, только из высокого темного дома доносился детский смех да в хлеву хрюкали большие серые свиньи. А потом вдруг звенящий обидой голос нарушил тишину То, что сказал Чейс, могло бы показаться неожиданным всякому, кто незнаком с американской чуткостью и не знает, как близка она к чисто испанскому рыцарству.

- Мосье Дюрок! - сказал Чейс довольно сухо. - Мы с вами, смею надеяться, друзья, и мне очень больно, что вы сочли меня способным на столь грязный поступок. Я пользовался вашим гостеприимством и вниманием вашей семьи. Неужели я могу сделать такую мерзость только потому, что вы по вашей доброй воле посвятили меня в небольшую часть вашей жизни? К тому же вы защищали друга. Ни один джентльмен не предаст другого при таких обстоятельствах. Лучше уж просто стать доносчиком и продавать за деньги человеческую кровь. Неужели вы себе можете представить подобного Иуду?

- Кажется, я могу, - сказал отец Браун.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)